

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук**

На правах рукописи

**ШМУРАК РОМАН ИЛЬИЧ
ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УПРЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность 10.02.01 - русский язык

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук**

Научный руководитель:
академик РАН, профессор,
доктор филологических наук
В. А. Плунгян

г. Москва, 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	1
ГЛАВА 1. Теоретические аспекты упрека как языкового явления.....	11
1.1. Упрек как единица теоретического исследования на современном этапе	11
1.2. О лингвистических границах упрека.....	13
1.3. Словарный подход к упреку как языковому феномену.....	16
1.3.1. «Упрек» и «упрекать» в этимологических словарях.....	18
1.3.2. «Упрек» и «упрекать» в толковых словарях.....	19
1.3.3. «Упрек» и «упрекать» в синонимических и идеографических словарях.....	24
1.4. Упрек и контекст	28
1.5. Таксономия упрека.....	34
1.5.1. Упрек: соотношение понятий <i>речевой акт</i> и <i>речевой жанр</i>	37
1.5.2. Упрек: соотношение понятий « <i>речевая тактика</i> », « <i>речевая стратегия</i> », « <i>речевая интенция</i> », « <i>речевое воздействие</i> », « <i>речевая манипуляция</i> ».....	44
1.5.3. «Упрек» как структурная единица речевой (вербальной, языковой, словесной, коммуникативной) агрессии	52
1.6. Упрек: взаимоотношения субъекта и объекта	59
1.7. Психологические аспекты упрека.....	66
1.8. Попрек / попрекать, самоупрек и взаимоупрек как виды упрека	67
1.8.1. Попрек / попрекать	68
1.8.2. Самоупрек.....	70
1.8.3. Взаимоупрек.....	71
ВЫВОДЫ.....	73
ГЛАВА 2. Методологические аспекты корпусного поиска формальных средств выражения упрека	78
2.1. Структура методологической базы исследования	78
2.2. Маркеры и формальные средства упрека.....	82
2.3. Фактор интуиции: проблема «первого шага» корпусного поиска формальных средств выражения упрека.....	93
2.4. Фактор интерпретации: проблема «последнего шага», допуски и погрешности корпусного поиска формальных средств выражения упрека	97
2.4.1. Относительность статистики	100
2.4.2. Относительность репрезентативности.....	108
2.5. Корреляция «диагностической ценности» и статистики выдачи	113
2.6. Список маркеров и потенциальных конструкций упрека	115
2.6.1. Маркеры 1-го приближения.....	117
2.6.2. Маркеры 2-го приближения и потенциальные конструкции упрека.....	129
ВЫВОДЫ.....	137
ГЛАВА 3. Представление результатов корпусного исследования формальных средств выражения упрека в русском языке	141
3.1. Процедура корпусного поиска формальных средств выражения упрека.....	141
3.2. Данные корпусного поиска формальных средств выражения упрека по потенциальным конструкциям упрека	144
ВЫВОДЫ.....	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	208
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	230
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	231

ВВЕДЕНИЕ

В фокусе настоящего диссертационного исследования находится упрек как феномен русского дискурса. Теоретическим ядром работы является представление об упреке не как о прагмалингвистическом, социолингвистическом или психолингвистическом явлении, а как о феномене, имеющем в языке свои четкие формальные средства выражения. Синтетические подходы на стыке лингвистики и различных областей человеческого знания дали много ценной информации о содержательной стороне упрека. Логичным и последовательным представляется следующий шаг — изучение формальной стороны данного феномена. Формальным средствам выражения упрека в русском языке и посвящено настоящее диссертационное исследование.

Степень разработанности темы. Упрек как феномен дискурса не является в современной лингвистике абсолютной *terra incognita*. Идейнными предпосылками исследований в этой области послужили три основополагающие тенденции в языкознании второй половины XX века:

1. Постепенный отказ от главенствующего в лингвистике с XIX века стремления изучать язык как систему в пользу изучения конкретных проявлений языковой системы в речи, переход от структурной лингвистики к лингвистике функциональной. Сейчас можно считать эту тенденцию уже сформировавшимся направлением, даже своего рода лингвистической «модой» первой трети XXI века. Трудно найти современное исследование, где не упоминался бы антропоцентрический принцип современной лингвистики и ее главный объект *homo loquens*, «человек говорящий» (см., например, [Воронцова 2006: 6; Федорова 2004: 3-4; Лаврентьева 2006: 4]).

2. Параллельное формирование теории речевых жанров¹ [Бахтин 1996: 159-206] и теории речевых актов [Остин 1986; Серль 1986 а-в], и, как следствие, появление

¹ Понятие «речевой жанр», введенное М. М. Бахтиным, обрело широкую известность в 1970-х гг. Согласно комментариям Л. А. Гоготишвили [Бахтин 1996: 535-555], черновик работы был создан предположительно в 1953 г., но рукопись М. М. Бахтиным не была завершена и увидела свет в виде отдельных частей только в 1978 г., уже после смерти ученого.

множества работ, базирующихся на этих теориях. Условными временными рамками становления обеих теорий являются 20-70 гг. XX века.

3. Подход, ориентированный на узус («usage-based approach»). Термин, впервые появившийся в работах основателей подхода Рональда Лэнгакера [Langacker 1987, 2000] и Джоан Байби [Bybee 1985, 2010], а также получивший обоснование в работах других лингвистов функционально-когнитивного направления [Givón 1979; Hopper 1987; Bates and MacWhinney 1989; Croft 2000; Tomasello 2003]. Подход декларировал важность изучения языка на основе «узуса», то есть феноменов конкретного наблюдаемого дискурса, а не абстрактной реконструируемой «системы», и оказал огромное влияние на умы исследователей конца XX - первой трети XXI века. Именно этот подход стал одним из основополагающих в теоретической базе корпусной лингвистики [Плунгян 2008:10-11].

Результатом вышеозначенных тенденций стало появление в 90-х годах XX столетия значительного количества работ, посвященных языковым явлениям, которые условно могут быть объединены широким спектром терминов «речевая (словесная, языковая, вербальная, коммуникативная) агрессия, язык вражды, словесный экстремизм, дискурс ненависти» [Воронцова 2006: 6]. В составе этих работ достаточно часто можно встретить упоминание об упреке как о языковом явлении, соотносимом с вышеперечисленными терминами. Сам упрек при этом никогда не является центральным объектом исследований и может:

1. трактоваться как «слабое проявление вербальной агрессии» (см., например, [Щербина 2004: 63]);
2. освещаться в качестве «коммуникативной тактики, реализующей стратегию манипуляции» (см., например, [Гулакова 2004:79]);
3. рассматриваться как «косвенный речевой акт» с точки зрения теории речевых актов (см., например, [Ширапова, Лунева 2008:132]);
4. пониматься как «речевой жанр, в основе которого лежит неодобрительно-оценочное отношение говорящего» (см., например, [Лаврентьева 2006: 81]);
5. анализироваться как «агрессивный субжанр» (см., например, [Седов 2005б:96]);

6. интерпретироваться как «коммуникативная разновидность модальной семантики неодобрения» (см., например, [Петрушина 2005:11]);

7. объясняться в рамках авторского подхода (см., например, лексический класс «осудительная речь», (см., например, [Русский семантический словарь, 2007: 522-524]).

8. характеризоваться с помощью сразу нескольких терминов (см., например, синтетический термин «тактика речевой агрессии» [Власова 2005: 39]);

Внимание исследователей в работах этого типа сфокусировано на системном описании языковых феноменов, находящихся в сфере притяжения «речевой (словесной, языковой, вербальной, коммуникативной) агрессии, языка вражды, словесного экстремизма, дискурса ненависти» [Воронцова 2006], уточнении свойств, классификации видов и сопоставительном анализе в разных языках, а упрек как явление языка оказывается далеко на периферии исследований.

В то же время существует ряд специализированных диссертационных исследований и статей, посвященных непосредственно упреку. В этих работах прослеживаются три характерные особенности, отражающие в определенной мере общую тенденцию:

1. Исследования данного типа созданы в рамках прагмалингвистической традиции и синтетичны по своей природе. Их отличает пристальное внимание к содержательной стороне упрека, а также его контексту и сопутствующим экстралингвистическим факторам (см., например, [Каразия 2004б]).

2. Исследования данного типа стремятся ответить на вопрос о таксономическом положении упрека в языковой системе. Единогласия по вопросу, считать ли упрек жанром, актом, стратегией, лексическим классом или какой-то другой структурной единицей среди исследователей нет (см., например, понимание упрека как «тактики и стратегии» [Шалацкий 2014]; как «речевого акта» [Давыдова 2003]; как речевого жанра [Дубровская 2003]).

3. Исследования данного типа тяготеют к рассмотрению упрека в русле сопоставительной лингвистики. Этот очень мощный пласт диссертационных исследований и работ посвящен сравнению средств упрека в русском языке с

другими иностранными языками, причем, в большинстве случаев, с английским и / или немецким (см., например, [Иванкова, Макарова, Толкачева 2015; Федорова 2004]).

Сложившееся положение дел приводит к отсутствию в отечественной лингвистике единого системного взгляда на природу упрека как языкового феномена. Важно также отметить, что на момент написания работы не существует известных автору корпусных исследований, посвященных формальным средствам выражения упрека в русском языке.

Актуальность данного диссертационного исследования предопределена его направленностью на системное изучение формальных средств выражения упрека в русском языке с позиций корпусной лингвистики. Как отмечено выше, предшествующие работы, затрагивающие тему нашего исследования, в силу «глобальности» или компаративности своего характера, а также общей ориентации на семантику явления, не ставили основной задачей детальный анализ формальных средств выражения упрека в русском языке. Идеологическим ядром нашего исследования является переход от рассмотрения содержательной стороны упрека как языкового феномена к анализу формальных средств, с помощью которых осуществляется реализация упрека. Таким образом, данная работа представляется последовательным, логически обусловленным шагом по углублению и систематизации знаний о функционировании упрека в русском языке.

Предметом исследования являются формальные средства выражения упрека в русском языке.

Объектом исследования является весь возможный спектр высказываний с семантикой упрека.

Основной **гипотезой**, на базе которой строится отбор материала, является тезис о существовании в языке «ингерентных» упреков (то есть таких, которые способны существовать вне контекста или в значительной степени автономно от него и выражены формальными средствами языка)²;

² Здесь и далее в работе термин «ингерентные» упреки будет использован именно в таком понимании

Материалом для анализа и **инструментом** исследования являются релевантные корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]³.

В связи с корпусной спецификой исследования и его направленностью на изучение конкретных дискурсивных употреблений, весь языковой материал, представленный в работе, по своему происхождению может быть классифицирован как:

1. Примеры, цитируемые по НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]. Маркируются в работе в неизменном оригинальном формате метатекстовой разметки корпуса, содержащей, как правило, следующие сведения: [Автор / Название / Год публикации];
2. Авторские примеры, цитируемые по оригинальным источникам. Маркируются в работе библиографической ссылкой на общем основании [Автор / Год издания];
4. Искусственно созданные языковые примеры. Не имеют специальной маркировки.

Все примеры в работе выделены курсивом.

Основной **целью** исследования является доказательство существования в языковой системе упреков, автономных от контекста, а также создание системной картины функционирования формальных средств выражения таких упреков в русском языке. Эта цель предполагает отбор языковых средств выражения упрека, выделение на базе корпуса «живых» дискурсивных реализаций, изучение закономерностей их существования в русском языке.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. рассмотреть применительно к цели исследования вопрос о терминологической и таксономической неопределенности упрека как языкового феномена (речевой жанр — речевой акт — речевая стратегия / тактика — речевая агрессия и т.д.), чтобы очертить границы предмета работы и определить его «ядро» и «периферию»;

³ Здесь и далее в работе под определением «релевантные» понимаются основной, газетный, поэтический и устный корпуса. См. об этом подробнее в параграфе 2.4.1. Относительность статистики (пункт 7).

2. разработать теоретические и методологические критерии, которые лягут в основу отбора практического материала исследования, чтобы иметь инструмент для разграничения упрека от смежных языковых явлений;
3. создать поисковый алгоритм, который позволит унифицировать процедуру извлечения и анализа корпусных данных;
4. охарактеризовать маркеры формальных средств выражения упрека;
5. произвести отбор и изучение формальных средств выражения упрека на базе Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>].
6. сформировать на основании корпусных данных доказательную базу, подтверждающую авторскую гипотезу о существовании в русском языке «ингерентных» упреков;

Научная новизна представленной работы базируется на следующих предпосылках:

1. Языковой феномен упрека рассматривается в русле корпусной лингвистики, с опорой на материал конкретных дискурсивных воплощений. Упрек в работе понимается как строго лингвистический объект: исследование дистанцируется от восприятия упрека в контексте синтетического подхода в целом и прагмалингвистической парадигмы в частности. Это, в определенном смысле, выделяет данное исследование из работ, схожих по тематике, но основанных на прагмалингвистическом, социолингвистическом, психолингвистическом и литературоведческом принципах.
2. В фокусе данного исследования находятся «ингерентные» упреки, то есть такие, которые выражаются формальными средствами языка и могут интерпретироваться как упрек и вне контекста.
3. Реализация поставленной в работе задачи по выявлению формальных средств выражения упрека базируется на методологической «триаде»⁴ — принципах грамматики конструкций, «классическом» представлении о регулярности

⁴ Подробнее об этом см. Параграф 2.1. Структура методологической базы исследования.

формальных средств, инструментарии корпусной лингвистики, — что применительно к исследованиям прежних лет представляется логически последовательным этапом в изучении упрека.

4. Предлагаемый в работе алгоритм корпусного поиска формальных средств выражения упрека в перспективе может быть адаптирован для поиска формальных средств выражения других языковых явлений.

Теоретическая значимость работы определяется следующими тезисами:

1. систематизируются и обобщаются накопленные лингвистикой знания о содержательной стороне упрека;
2. в контексте современных представлений еще раз поднимается и уточняется вопрос о таксономическом статусе упрека как языкового явления;
3. предлагается гипотеза о двухкомпонентной структуре упрека;
4. анализируется зависимость упрека как языкового явления от контекста, вводится понятие «ингерентных» упреков;
5. разрабатывается системное представление о формальных средствах выражения упрека, основанное на анализе практического материала корпусного исследования;
6. рассматриваются взаимоотношения упрека и пограничных явлений (то есть слов и конструкций, возможно не передающих упрек, но в той или иной мере соотносящихся с его семантикой);
7. определяется место самоупрека и попрека как языковых явлений в контексте семантического поля упрека;

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты и материалы работы могут быть использованы:

1. в широком спектре университетских курсов, посвященных проблемам русского дискурса, а также на семинарах по современному русскому языку, корпусной лингвистике, стилистике, теории и практике коммуникации, диалогической речи;
2. в преподавании русского языка как иностранного;
3. в профессиональных сферах, требующих высоко развитых навыков коммуникации (журналистика, PR, педагогика, театральное искусство);
4. в решении задач, связанных с анализом тональности текста (Sentiment analysis);

5. в курсовых, дипломных и кандидатских работах;
6. при создании специализированного корпуса упреков.

Теоретической базой исследования являются положения и принципы, изложенные в обобщающих работах отечественных и зарубежных лингвистов (Джоан Байби, Анна Вежбицкая, Адель Голдберг, Стефан Грис, Тён ван Дейк, Рональд Лангакер, Джон Остин, Джон Серль, Анатолий Стефанович, Чарльз Филлмор; Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, А. Е. Кибрик, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Т. И. Стексова и др.), а также в недавних работах современных российских исследователей (Т. А. Воронцова, Т. А. Давыдова, О. С. Иссерс, Н. А. Каразия, А. Ю. Мордовин, М. В. Петрушина, А. Л. Федорова и др.).

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза данных, в первую очередь индуктивный метод, а также такие лингвистические методы, как дискурс-анализ, дефиниционный анализ, контекстологический анализ, коммуникативно-прагматический анализ. При работе с языковыми данными используются методы корпусной лингвистики и лингвистической статистики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Упрек представляет собой языковой феномен, выражающийся в русском языке не только контекстуально, но и формальными языковыми средствами. Отбор и анализ формальных средств выражения упрека на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] позволит обобщить и уточнить современные знания об упреке как явлении, создать системную картину функционирования упрека в русском языке и даст возможность для тестирования уже существующих классификаций упрека на базе методов корпусной лингвистики и лингвистической статистики.
2. Предшествующие исследования, косвенно или напрямую затрагивающие упрек как языковое явление, на метауровне условно объединены априорным догматом, который может быть выражен следующей прагмалингвистической формулой:

*«всякий упрек требует контекста для понимания»*⁵. Такой взгляд на природу упрека представляется спорным, поскольку приводит к мысли о том, что не существует специальных языковых средств, которые способны выражать упрек без помощи контекста, что, в свою очередь, входит в противоречие с многочисленными примерами имеющихся в языке «ингерентных» упреков.

3. Вопрос о таксономическом статусе упрека в русском языке окончательно не решен. Существующие в современных исследованиях утверждения касательно места упрека в русском языке часто противоречивы, терминология носит авторский характер, причем разные термины для описания понятия «упрек» могут быть обнаружены в пределах одной работы. Целесообразным в рамках данного исследования представляется не нахождение «абсолютной истины» — аргументация в пользу одного из существующих таксонов или создание авторского, — а выработка «относительного» понимания места упрека в русском языке, то есть понимания, которое будет применимо в условиях данной работы и может быть использовано наряду с другими критериями в отборе языкового материала.

4. Аналогичным образом, на наш взгляд, должен решаться вопрос о дефиниции упрека. В связи с полифонией формулировок упрека в лингвистической литературе, мы считаем неоправданным создание еще одного авторского определения, как, впрочем, и идентификацию упрека в русле того или иного имеющегося подхода. В то же время, опираясь на три ключевые характеристики феномена, которые, в том или ином виде, признаются всеми лингвистами (контекст, коммуникативная цель, субъектно-объектные отношения), мы делаем акцент на выделение теоретических критериев отбора материала и полагаем, что прототипический упрек — это высказывание, которое имеет двухкомпонентную природу. Первый компонент может быть определен с помощью широкого спектра дефиниций: «агрессия», «обвинение», «осуждение», «порицание», «обличение», «укор», «критика», «неодобрение» и т.д., что относит упрек к явлениям «речевой

⁵ См. об этом также в нашей статье [Шмурак 2020: 32-33]

(словесной, языковой, вербальной, коммуникативной) агрессии, языка вражды, словесного экстремизма, дискурса ненависти» [Воронцова 2006]. Второй – представляет собой негативно окрашенную эмоциональную составляющую, несущую в себе идею «уязвленности» субъекта высказывания. Именно этот компонент делает упрек упреком, выделяя его из других «агрессивных» феноменов дискурса.

5. Данная работа на примере формальных средств выражения упрека в русском языке демонстрирует возможности корпусных исследований. Будущее «доказательной» лингвистики неразрывно связано с узусным подходом, грамматикой конструкций и корпусами как инструментом и одновременно базой исследований. Работа с корпусом позволяет лингвисту не просто идти от абстрактных построений к конкретным явлениям языка, подстраивая при необходимости действительность под прокрустово ложе умозрительной модели, но эмпирически «визуализировать» существование конструкций на основе массивов реальных дискурсивных употреблений (см. об этом подробнее [Плунгян 2008]).

Апробация результатов исследования. Основные принципы и положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях Института русского языка и культуры в Ханчжоу (Zhejiang University, School of International Studies), а также были представлены в виде доклада «Reproach as speech strategy» на конференции International Symposium of English Writing Centers in Chinese Universities: Collaboration and Development of English Writing Centers (2019). Основное содержание работы нашло отражение в 3 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Работа прошла апробацию на базе отдела корпусной лингвистики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Цели, задачи и логическая последовательность изложения результатов исследования предопределили **структуру работы**. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, списка иллюстративного материала и приложения.

ГЛАВА 1. Теоретические аспекты упрека как языкового явления

1.1. Упрек как единица теоретического исследования на современном этапе

К настоящему моменту лингвистика накопила значительный объем сведений об упреке как языковом явлении. Современный этап определяет многообразие и синтетичность научных подходов к феномену упрека.

Наиболее велика доля исследований упрека, выполненных в русле прагмалингвистического направления, о чем говорят уже сами названия многих работ — «Прагматический аспект вербального поведения немецкоязычного адресата в коммуникативной ситуации «Упрек»» [Джандалиева 2010], «Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры» [Каразия 2004б], «Влияние прагматических факторов на языковое воплощение коммуникативной интенции упрека в англоязычном диалогическом дискурсе» [Науменко 2014], «Тактики упрека в прагмалингвистическом аспекте (на материале французского языка)» [Чернецкий 2015] и др. Сюда же следует отнести весь спектр работ, где упрек воспринимается с позиции теории речевых актов (см., например, [Винантова 2009, Ляшенко 2015, Матыцина 2013, Мухометзянова 2018 а-б, Пугачева 2008, Швец 2018] и др.). Упоминания в этой связи заслуживает и диссертация шведского исследователя Каролы Хенрикссон, понимающей упрек как один из «конфликтных» речевых актов (нем. *Konfliktäre Sprechhandlungen*) [Henriksson 2004]. Значительный вклад в изучение упрека делает традиция рассмотрения этого явления в рамках компаративной парадигмы (см., например, [Давыдова 2003; Иванкова, Макарова, Толкачева 2015; Федорова 2004]). Теоретическую значимость для понимания упрека как языкового феномена имеют работы по грамматике модальности Е. В. Падучевой [Падучева 2016] и наклонения Н. Р. Добрушиной [Добрушина 2016], а также исследования Даниэля Ван Олмена, в частности, статья «Reproachatives and imperatives» [Van Olmen 2018], в которой в сравнительном аспекте рассматривается взаимосвязь упрека с повелительным, желательным и сослагательным наклонениями. В русле теории вежливости Браун и Левинсона [Brown, Levinson

1988], а также работ Джеффри Лича [Leech 1983] и Пола Грайса [Grice 1989] рассматривает упрек Н. А. Каразия [Каразия 2004б, 2005, 2006], понимая его как «лицоущемляющий акт» (англ. face-treatening act), обусловленный одновременно «соблюдением / нарушением Принципов Кооперации и Вежливости» [Каразия 2004а: 5]. Этот взгляд на упрек встречается и в более поздних работах (см., например, [Белютина 2018: 151]). Усилилось внимание к видам дискурса, в рамках которого функционирует упрек (см., например, [Шалацкий 2014]), а также появились работы по гендерным аспектам упрека (см., например, [Максимюк 2017]). Термин «интенция», использованный впервые по отношению к упреку, по всей видимости, в статьях Н. Н. Журавлевой [Журавлева 2006, 2007, 2009] все чаще можно увидеть применительно к упреку в работах последующего периода (см., например, [Науменко 2014]). Неожиданный интерес представляют собой нелингвистические исследования, например, статья религиоведа К. С. Hanson «How Honorable! How Shameful! A Cultural Analysis of Matthew's Makarisms and Reproaches» [Hanson 1996], где на материале Библии анализируется корреляция упрека с понятиями стыда и позора.

Таким образом, большинство современных исследований, посвященных упреку, имеют гибридную сущность, базируются на прагмалингвистическом, психолингвистическом, социолингвистическом, литературоведческом, культурологическом и др. подходах и являются синтетическими по своей природе. Углубление синтетической тенденции последовательно наблюдается во всех исследованиях последних десятилетий, независимо от научных позиций их авторов.

Данная глава не ставит себе задачей выбор приоритетного подхода или критику существующих теорий о природе упрека в пользу одной из них, ее целью является рассмотрение и систематизация информации, накопленной современной лингвистической наукой, а также выделение теоретических положений и критериев, которые будут использованы при отборе материала в рамках данного исследования.

1.2. О лингвистических границах упрека

Данное исследование посвящено «ингерентным» упрекам, то есть таким, которые выражаются формальными средствами языка и могут существовать в языке вне контекста. Цель работы предполагает сужение границ изучаемого языкового феномена посредством поиска критериев отбора, а затем анализа материала на их основе. При этом, значительное количество языкового материала по причине своей зависимости от контекста будет отбраковано и окажется за пределами исследовательского поля работы. Какие методологические и теоретические установки лежат в основе такого подхода к предмету исследования? И каким образом возможен анализ столь значительных массивов данных?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к монографии А. Е. Кибрика «Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке)», к параграфу «О границах лингвистики» в главе «Лингвистические постулаты» [Кибрик 1992: 20-21]. Этот параграф представляет собой своего рода прагмалингвистический манифест синтетического подхода в лингвистике. А. Е. Кибрик протестует против догматизации тезиса «Это не лингвистика» как аргумента в лингвистической дискуссии и формулирует знаменитый постулат о функциональных границах: «все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик 1992: 20-21]. Неудивительно, что параграф «О границах лингвистики», часто цитируются в работах, находящихся на стыке лингвистики и других отраслей человеческого знания, для аргументации в пользу синтетического подхода. При этом идея параграфа в большинстве случаев понимается дословно: нет — догматизму в языке, нет — самоограничению лингвистики, да — расширению сферы междисциплинарных исследований, да — интеграции теоретических разработок (см. об этом [Иссерс 2008: 15]). Но только ли об этом говорил А. Е. Кибрик? В том же параграфе мы находим слова: «Следует обратить внимание на то, что принятие этого постулата... не приводит к беспредельному расширению компетенции лингвистики (то есть аргумент «Это не лингвистика» сохраняет право на существование, но в его функциональной интерпретации, а не с догматической

привязкой к господствующему на данный момент стереотипу)» [Кибрик 1992: 20-21]. Слова эти были обращены в защиту прагмалингвистики и присущего ей синтетического подхода к языку. На момент первой публикации «Лингвистических постулатов» [Кибрик 1983] прагмалингвистика в СССР была маргинальным течением на фоне стремительно дряхлеющей, но все еще могущественной структурной, формальной лингвистики, а классические труды Джона Остина и Джона Серля по теории речевых актов [Остин 1986; Серль 1986 а-в] еще даже не были изданы официально на русском языке⁶. Новое направление нуждалось в защите, как всякое только появившееся знание, ищущее свое место в науке.

Сложившееся в 80-е гг. XX века положение дел в советской лингвистике не было уникальным явлением. Еще в 1962 году Томас Кун в своей монографии «The Structure of Scientific Revolutions» [Kuhn 1962] ввел понятия «смены парадигм» (англ. *paradigm shift*) и «нормальной науки» (англ. *normal science*) для объяснения сущности процессов, происходящих в периоды кризиса как всей науки в целом, так и отдельных ее областей. Научный прогресс, согласно Томасу Куну, осуществляется в тот момент, когда какой-то подход, владевший умами ученых на протяжении определенного периода «нормальной науки» и переживший свою хронологию зарождения, расцвета и угасания, сменяется другим. С долей осторожности здесь можно говорить о некоторой параллели между концепцией смены парадигм Томаса Куна и теорией смены элит итальянского социолога Вильфредо Парето [Парето 2008]. Согласно Вильфредо Парето, каждая молодая рвущаяся к власти элита занимает место предыдущей дряхлой и выродившейся, не способной эту власть более удерживать. Новая элита переживает цикл предыдущей — захват власти, расцвет, одряхление — и отдает власть следующей. Обе идеи — смена научных парадигм и эволюция социальных элит — применимы, на наш

⁶ Лекции основателя теории речевых актов Джона Остина были прочитаны в Гарварде еще в 1955 году и вышли в качестве монографии в 1962 г. [Austin 1962]. Примерно в это же время появляется «What is a speech act?» Джона Серля [Searle 1965]. Таким образом, к 1983 году теория речевых актов, впитав в себя «прагматические» идеи Чарльза Пирса и Чарльза Морриса и оставив далеко позади свою колыбель — лингвистическое направление аналитической философии, стала одним из магистральных векторов англоязычного языкознания, образовав новую область — прагмалингвистику. Однако у нас эти работы официально вышли в русском переводе только в 1986 году, хотя в оригинале, вероятно, могли быть прочитаны советскими лингвистами несколько ранее.

взгляд, к ситуации, сложившейся в советской лингвистике во время написания «Лингвистических постулатов» [Кибрик 1983]. Подобно элитам Вильфредо Парето «старшая» парадигма — структурная, формальная лингвистика — пребывала в стадии «одряхления» и неизбежно должна была освободить место для «младшей» парадигмы — прагмалингвистики.

Однако сейчас, почти 40 лет спустя, когда смена «лингвистических элит» 80-х гг. XX века уже давно свершившийся факт и синтетический подход прагмалингвистики стоит во главе угла подавляющего числа лингвистических исследований, настала, на наш взгляд, пора снова вспомнить слова А. Е. Кибрика о том, что аргумент «Это не лингвистика» сохраняет право на существование и что беспредельное расширение компетенций лингвистики представляет собой такую же угрозу, как и догматическая привязка к господствующему на данный момент стереотипу. Этим стереотипом, безраздельно господствующим на современном этапе, стал, на наш взгляд, синтетический подход к языку в рамках прагмалингвистики, ставшей в настоящее время «старшей парадигмой» и занявшей место структурной, формальной лингвистики. Ни в коей мере не умаляя достижений прагмалингвистики и сильных сторон синтетического подхода, мы вынуждены признать, что объектам и методам исследований современного периода не хватает порой четкости, присущей объектам и методам прежней эпохи. Причину этому мы видим в размывании границ лингвистического исследования. Подобное размывание — неизбежное следствие синтетического подхода к объекту исследования. Даже в рамках самой лингвистики характеристика и описание объекта исследования — это один из самых сложных и трудоемких процессов. В современный период, когда объект исследования перестал быть чисто лингвистическим и может находиться на стыке двух и более областей человеческого знания, процесс его «опознания» становится все более ускользающим и запутанным. Решение сложившейся ситуации мы видим в сопряжении сильных сторон прежней структурной лингвистики с ее вниманием к формальной стороне языковых процессов и современной лингвистики синтетического подхода, использующей достижения других дисциплин и придающей важное значение

контексту, субъектно-объектным отношениям, коммуникативной цели и экстралингвистическим факторам. Эта задача, предполагающая обработку колоссальных массивов текстов и ранее технически не осуществимая, становится в современный период возможной, так как 29 апреля 2004 года в руках лингвистов появился новый инструмент, позволяющий работать с большими массивами данных, — Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

1.3. Словарный подход к упреку как языковому феномену

Обращение к словарям различного типа, когда речь идет о содержательной стороне какого-либо языкового явления, представляется логичным шагом на начальном этапе исследования. В то же время на интуитивном уровне совершенно очевидно, что такой подход имеет в своей основе разрушительную антитезу: рассматриваются лексические единицы, выражающие семантическое поле явления, а не само явление как таковое.

Со времен вендлеровского «иллокутивного самоубийства» [Вендлер 1985] стало очевидно, что слова, называющие явление, далеко не всегда в состоянии это явление передавать, то есть выступать в роли перформативов, если оперировать терминами теории речевых актов. Это справедливо и в отношении семантического поля упрека. Исследователи [Иванкова, Макарова, Толкачева 2015: 41; Падучева 2016: 37; Пугачева 2008: 134; Федорова 2017: 827] и многие другие единогласно сходятся в мысли, что глагол «упрекать» не может быть использован в перформативном значении. В целом, идея об отсутствии перформативности у глагола «упрекать» подтверждается и таким авторитетным академическим источником, как «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [Апресян 2003а]. При этом в словаре есть упоминание о случаях, когда «упрекать» все же допускает «перформативное или близкое к нему использование, правда, в нетипичных для перформативов синтаксических конструкциях и морфологических формах» [Апресян, Гловинская 2003в: 1216]. Все же, перформативность (даже с учетом периферийных случаев, рассмотренных Ю. Д. Апресяном и М. Я. Гловинской) для слов, входящих в семантическое поле упрека, несвойственна или,

по меньшей мере, крайне затруднена. Сами по себе слова «упрек» и «упрекать», а также синонимичные им, строго говоря, редко могут выступать в перформативном значении, то есть выражать упрек «во время упрека»: предложение «*Я упрекаю тебя в том, что ты куришь*» как раз и есть пример классического «иллокутивного самоубийства» [Вендлер 1985] и не является средством выражения упрека, в то время как «*Зачем же ты куришь?*» — пример упрека, хотя и не имеет в своем составе «упрекательных» глаголов и существительных.

Конечно, изучение упрека как языкового явления не входит в компетенцию словарей. Более того, приведенный выше пример «иллокутивного самоубийства» [Вендлер 1985] наглядно демонстрирует низкий потенциал лексем «упрек», «упрекать» в роли перформативов, а следовательно ожидаемую неэффективность словарей как источника информации об упреке. Однако практика свидетельствует об обратном — данные словарей являются ценным ресурсом для понимания природы упрека и не могут быть проигнорированы. Для русского языка яркими примерами таких словарных данных являются совместная словарная статья «Упрекать» Ю. Д. Апресяна и М. Я. Гловинской в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [Апресян, Гловинская 2003в: 1213-1219]⁷ и «группировка РА»⁸ — «осуждения, упреки и оскорбления» в работе М. Я. Гловинской «Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов» [Гловинская 1993: 194 -198]. Для английского языка следует упомянуть работу А. Вежбицкой «English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary», содержащую раздел «The Reprimand group» [Wierzbicka 1987: 139-149]. Ключевой характеристикой приведенных словарей можно назвать то, что они не просто отображают дефиниции лексемы «упрекать» и соотносящиеся с ней синонимические ряды, но обладают продуманной концепцией их толкования, что представляет собой словарный подход к упреку как языковому явлению на базе скрупулезной семантической рефлексии лексикографов мирового уровня.

⁷ См. в этом словаре также статьи «Обвинять» [Апресян 2003б: 683-687], «Осуждать» [Апресян, Гловинская 2003а: 729-733], «Ругать» [Апресян, Гловинская 2003б: 989-995].

⁸ Термин М. Я. Гловинской

Таким образом, несмотря на то, что слова, выражающие лексическое значение «упрек», «упрекать», сам упрек как языковое явление передавать не могут, обращение к словарям различного типа и изучение лексем этого ряда способствует получению ценных данных об упреке как языковом явлении. С одной стороны, сильной чертой словарного подхода является возможность исчерпывающего изучения семантической составляющей упрека — лексического значения, этимологии, синонимических взаимоотношений и т.д., что позволит в некоторой мере установить границы явления, с другой — следует подчеркнуть вторичность природы полученных сведений, ведь фокусом изучения упрека как языкового феномена являются не лексические единицы «упрек», «упрекать» и им подобные, а сам упрек как таковой, в единстве его формы и содержания.

В данной части работы мы постараемся в полной мере использовать сильную сторону словарного подхода — способность к уточнению границ определяемого явления посредством анализа его лексической семантики.

1.3.1. «Упрек» и «упрекать» в этимологических словарях

[Фасмер 1987а: 165]

«УПРЁК⁹, род. п. -а. Связано с *перёк* (см.), цслав. *пръкы* «поперек», первонач. «возражение»»

[Фасмер 1987б: 238]

«ПЕРЁК: *поперёк*, *перёчить*, укр. *перёка* «противоречие, противодействие», блр. *нёрек* «поперек», др.-русск. *перекъ* «ширина, поперечина», ст.-слав. въпр'ѣкы, болг. *пряко* «напрямик, поперек», сербохорв. прїјек «крутой», прїјекй «прямой, ближайший», прїјекко «через», словен. *prêk*, *prêko*, нареч., *prèk*, предл. «поперек», чеш. *pṛíka* «крутизна», *pṛíč* «поперечник», слвц. *príek* «упорство, сопротивление», польск. *przeko* «поперек», *przeczyc* «перечить», в.-луж. *prëki* «поперек, через, напротив», н.-луж. *prëki*. Из праслав. *рег-къ; см. *пере-*; образование аналогично *прок*: *про* (Брандт, РФВ 18, 9; Мейе, Ёт. 329; Брюкнер 443; Младенов 534; Преобр.

⁹ Здесь и далее сохранено оригинальное оформление словарных статей источников

П, 41; Перссон 914; Френкель, Mél. Pedersen 450). Форма *вопреки* заимств. из цслав., как и *прекословить*»

(см. также [Преображенский 1914: 41])

На настоящий момент сравнение данных этимологических словарей по упреку является затруднительным, так как авторитетные издания прошлых лет [Фасмер 1987а-б, Преображенский 1914], не утратив своей ценности, представляют собой в большей мере исторический интерес, а грандиозные проекты современности [Аникин 2007–2019, Трубачев, Журавлев, Варбот 1974–2018] еще не завершены и не имеют данных по искомым лексическим единицам. Отсутствуют лексемы «упрек» и «упрекать» также и в словаре П. Я. Черных [Черных 1999].

Кажется заслуживающим внимания наблюдение, что, согласно имеющимся этимологическим данным, семантическое поле слова «упрек» изначально содержало в себе идею сопротивления, противостояния, действия вопреки, преодоления какой-то преграды. На наш взгляд, этот конфликтогенный этимологический отголосок косвенно подтверждает обвинительную природу упрека, что входит в противоречие с часто высказываемым в лингвистической литературе представлением об упреке как имплицитном явлении, направленном на кооперацию и преодоление конфликта.

1.3.2. «Упрек» и «упрекать» в толковых словарях

Как упоминалось выше, информация о лексическом значении слов «упрек» и «упрекать» имеет практическую ценность для понимания границ упрека как явления и выработки критериев отбора материала исследования.

[Бабенко 1999: 704]

«УПРЕКАТЬ, несов. (сов. *упрекнуть*), кого- что. Произносить (произнести) *обвинения* (выделено нами — Р.Ш.) по отношению к кому-л., укоряя кого-л. в чем-л., порицая за что-л., выражая кому-л. неодобрение, недовольство; *син.* укорять (укорить) [impf. to reproach (for, with), blame, appeal to someone's conscience; to accuse (of), charge (with)]».

[БАС 1964: 773-776]

«УПРЁК, а, м. Неодобрение, *обвинение* (выделено нами — Р.Ш.), укоризна, высказанные кому-либо или обращенные к кому-либо.

УПРЕКА́ТЬ, аю, аешь, *несов.*; упрекнۇть, ну, нешь, *сов.*; *перех.* Выражать кому-либо неодобрение, недовольство, делать упреки».

[МАС 1988: 507]

«УПРЁК, -а, м. Укоризна, *обвинение* (выделено нами — Р.Ш.), высказанные кому-л или по отношению к кому-л

УПРЕКА́ТЬ, -аю, -аешь, *несов* *перех* (*сов* упрекнۇть) Выражать кому-л неодобрение, недовольство, делать упреки»

[Ожегов 2010: 669]

«УПРЁК, -а, м. Неудовольствие, неодобрение или *обвинение* (выделено нами — Р.Ш.), высказанное кому-н.

УПРЕКНУТЬ, -ну, -нешь; *сов., кого-что.* Сделать кому-н. упрёк».

[Ушаков 1940: 970]

«УПРЁК, а, м. Высказанное кому-н. или обращенное к кому-чему-н. неудовольствие, неодобрение, *обвинение* (выделено нами — Р.Ш.), укоризна.

УПРЕКА́ТЬ, аю, аешь, *несов., кого-что.* Делать кому-н. упреки, выражать кому-н. неодобрение, недовольство за что-н».

см. также [Даль 2006 б: 490, Ефремова 2006, Кузнецов 2000: 1394, Ожегов 2006: 836].

Характерно, что абсолютно все представленные толковые словари используют при описании семантики упрёка лексему «*обвинение*». Мы считаем, что дефиниции упрёка в толковых словарях в совокупности с данными этимологических словарей о его конфликтогенной природе позволяют говорить о двухкомпонентной структуре этого явления. Первый компонент соотносится с понятием «речевой (словесной, языковой, вербальной, коммуникативной) агрессии» [Воронцова 2006] и может быть определен посредством синонимического ряда глаголов, предложенных Ю. Д. Апресяном и М. Я. Гловинской в словарной статье «Упрекать» («Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [Апресян, Гловинская 2003в: 1213]): «укорять»,

«попенять»¹⁰, «журить», «осуждать», «порицать», «ругать», «бранить», «критиковать», «бичевать», «уличать», «обличать», «обвинять». Мы полагаем, что глагол «обвинять» и другие лексемы с корнем «вин-» наиболее точно отражают первый компонент структуры упрека, что и является причиной их столь частого использования при дефиниции упрека в толковых словарях. Второй компонент представляет собой негативно окрашенную составляющую, которая несет в себе идею эмоциональной «уязвленности» субъекта высказывания. Именно эта составляющая превращает обвинение в упрек.

Примеры (1) «*Вы пришли к нам, чтобы получить свое! **Вы презираете** маленьких людей!*» [А. А. Образцов. Сад ветра (1980-1995)] и (2) «*Как **вы** людей презираете, ваше высочество!.. Нет, не для себя и не для вас, а для России, для Европы, для всего человечества*» [Д. С. Мережковский. Павел Первый (1908)] содержательно близки — субъект отрицательно оценивает факт, что объект высказывания относится к людям с презрением. Таким образом, обвинительный компонент присутствует в обоих примерах. Однако первое высказывание «лишь» констатирует отрицательное отношение субъекта к факту презрения, тогда как второе — выражает еще и эмоциональную «уязвленность» субъекта, его личное внутреннее неприятие данного факта. Значение упрека формируется во втором высказывании не столько напряженностью эмоционального фона (в первом высказывании она тоже имеет место), сколько приоритетом выражения эмоциональной «уязвленности» над значением «чистого» обвинения.

Конечно, представленная интерпретация (как и любая базирующаяся исключительно на субъективном восприятии семантики высказывания) может быть оспорена. Например, так: «Поскольку в первом примере явственно присутствует напряженность эмоционального фона (на что указывают восклицательные знаки) и поскольку говорящий может причислять себя к маленьким людям (что должно вызывать у него личную «уязвленность»), первый пример не отличается от второго и тоже по сути упрек, а не обвинение». Этот

¹⁰ Именно в этом виде данный глагол зафиксирован в статье: «уходящ. ПОПЕНЯТЬ [≈ НЕСОВ пенять 2]» — форма совершенного вида выступает как основная.

предсказуемо ожидаемый тип возражений не может, как нам кажется, быть применим в рамках нашего исследования и требует отдельного комментария.

Во-первых, механический перебор пар примеров рано или поздно выявит такую пару, субъективное восприятие которой у большинства интерпретаторов будет одинаковым и позволит даже семантически, без обращения к формальным средствам, зафиксировать разницу между упреком и обвинением. Рассмотрим еще три содержательно близких примера:

(1) *«Кот Тит **предал меня**: темнота его оживила, он стал пружинистый, злой и пошел, хищная тварь, к своим крысам, плевать ему на то, что сегодня сменяется режим»*. [Анатолий Кузнецов. Бабий яр (1965-1970)]

Ироничный тон высказывания, построенного на антитезе «частные интересы кота — общее благо государства», явно редуцированный обвинительный компонент, неочевидная личная уязвленность говорящего — все говорит в пользу того, что перед нами скорее саркастическая констатация, возможно, слабый упрек, но никак не обвинение кота в пренебрежении им своего гражданского долга.

(2) *Вот ты, поп Макар, **предал меня**, и ты, Ермилыч, и ты, Тарас Семеныч, тоже... да*. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)].

Отсутствие восклицательного знака, демонстрирующего напряженность эмоционального фона, и, как следствие, смазанная «уязвленность» субъекта высказывания, позволяет предположить в высказывании скорее обвинение, чем упрек. Впрочем, трактовка примера как упрека с сильно выраженным обвинительным компонентом также возможна. Однако, контекст говорит все же в пользу интерпретации этого примера как обвинения: *«— Нет, постойте... Вот ты, поп Макар, **предал меня**, и ты, Ермилыч, и ты, Тарас Семеныч, тоже... да. И я свою чашу испил до самого дна и понял, что есть такое суета сует, а вы этого не понимаете»* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)]. Как видно, перед нами именно обвинение, объясняющее причины дальнейших поступков говорящего.

(3) *«— Лжешь здесь так же, как лгал там, в Колхиде, перед алтарем Гекаты. Полюбились тебе голубые очи царевны, ты и **предал меня**! И не надо мне твоих услуг!»* [Ф. Ф. Зелинский. Сказочная древность (1921)]

Очевидно, что третий пример в наибольшей степени подходит на роль упрека за счет ярко выраженной двухкомпонентности — обвинение и эмоциональная «уязвленность» присутствуют в высказывании примерно в равной пропорции.

Как мы считаем, вышесказанное демонстрирует, что, хотя каждый конкретный пример и может иметь сомнительную (с точки зрения одного из гипотетических интерпретаторов) семантику упрека, в то же время трудно усомниться в том, что, несмотря на субъективизм, неизбежный для семантического анализа, выявление в обвинительном высказывании эмоциональной уязвленности говорящего позволяет с большей долей вероятности отнести это высказывание к упреку.

Во-вторых, описываемая проблема является частным случаем системного для нашего исследования вопроса субъективизма обработки данных¹¹. Вопрос этот будет еще не раз поднят на протяжении всей работы. Здесь же мы хотели бы отметить, что, поскольку наша цель — доказательство существования в русском языке ингерентных упреков и выявление формальных средств их выражения инструментами корпуса, анализ семантики различных примеров имеет для исследования все же исключительно прикладное значение.

Таким образом, мы считаем, что именно наличие в высказывании эмоциональной «уязвленности» (в сочетании с обвинительным компонентом) является необходимой характеристикой, позволяющей очертить упрек как отдельный феномен речевой агрессии.

«Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [Апресян 2003б: 683-687] сообщает, что важным отличием упрека от обвинения является различное распределение пресуппозиции и ассерции, выраженное в отношении объекта и субъекта высказывания: обвинение направлено на объект, несущий ответственность за ситуацию, а упрек акцентирует ущерб самого субъекта от ситуации. Однако, в представленных выше примерах все же трудно разграничить

¹¹ Более подробно см. об этом Глава II, параграф 2.3. Фактор интуиции: проблема «первого шага» корпусного поиска формальных средств выражения упрека и параграф 2.4. Фактор интерпретации: проблема «последнего шага», допуски и погрешности корпусного поиска формальных средств выражения упрека

ущерб субъекта и ответственность объекта, зато явно видно, что, в то время как обвинение в большей мере лишь констатирует ситуацию, упрек фокусирует «внимание на обидах или других душевных ранах субъекта, в которых, по его мнению, повинен адресат» [Апресян 2003б: 684] и предполагает большую силу эмоционального воздействия на объект, чем обвинение.

Итак, одной из установок исследования является представление об упреке как структуре, состоящей из двух компонентов — обвинительной составляющей и части, указывающей на эмоциональную «уязвленность» субъекта высказывания. В связи с этим, параллельное присутствие в высказывании обоих компонентов является одним из базовых теоретических критериев отбора практического материала исследования.

1.3.3. «Упрек» и «упрекать» в синонимических и идеографических словарях

Синонимические взаимоотношения слов, находящихся в семантическом поле упрека и смежных с ним, имеют большое значение в определении границ явления. Здесь важную роль играют не только собственно синонимические, но также идеографические словари, такие как «Русский семантический словарь» Н. Ю. Шведовой [Шведова 1998-2007] и «Толковый словарь русских глаголов» Л. Г. Бабенко [Бабенко 1999].

Согласно классификации Н. Ю. Шведовой [Шведова 2007: 522 - 527], лексема «упрекать» относится к глаголам «осудительной речи», а по классификации Л. Г. Бабенко [Бабенко 1999: 374-379] — к глаголам «речевого воздействия». Уже сами названия этих таксономических разрядов позволяют предположить существование различных уровней «эмоционального накала». Под этим термином мы подразумеваем «эмоционально-обвинительную» силу высказывания.

В Таблице 1. в общем виде представлен обзор лексем, относящихся в той или иной мере к семантическому полю упрека, а также осуществлена попытка распределить синонимы по уровням «эмоционального накала».

Таблица 1 — Синонимия упрека

Сильное воздействие	Глаголы в прямом значении
	бесчестить, бичевать, бранить, изобличать, клясть, костерить, костить, обвинять, обличать, осуждать, позорить, поносить, попрекать, порочить, распекать, ругать, срамить, уличать, хаять, хулить, честить, чихвостить
	Глаголы в переносном значении
	гавкать, глодать, громить, грызть, клеймить, лаять, напасть, освистать, обложить, пилить, пушить, разить, рыкать, рычать, рывкать, тьякать
	Глагольные фразеологизмы
	бросить камень, вешать (все грехи / всех собак), всыпать / взгреть (по первое число), раздолбать / раздраконить / разнести (в пух и прах), вывести на чистую воду, извергать / изрыгать (брань / ругань / потоки брани / проклятия), крыть (на чем свет стоит), не оставить камня на камне, разделать / отделать под орех, разобрать по косточкам
Среднее воздействие	Существительные
	бичевание, изобличение, нагоняй, нападки, обвинение, обличение, осуждение, поношение, попрек, разнос, филиппика
	Глаголы в прямом значении
	критиковать, отчитывать, песочить, пикироваться ¹² , порицать, совестить, стыдить, судить, уесть, укорять, упрекать , шпынять, щунять, щучить
	Глаголы в переносном значении
	есть (поедом), наехать, выговаривать, язвить
Слабое воздействие	Глагольные фразеологизмы
	говорить / сказать (в глаза / в лицо / в лоб / в упор / без обиняков / без околичностей / без экивок, пару теплых / тепленьких / ласковых слов), колоть глаза, мотать / тянуть (нервы / душу), тыкать (в глаза / в нос / носом)
	Существительные
	выговор, головомойка, критика, наезд, неодобрение, порицание, реприманд, укор, укоризна, упрек
	Глаголы в прямом значении
	ехидничать, журить, злословить, пенять, подъялдыкивать, собачить
	Глаголы в переносном значении
	кивать, клевать, оборвать, обрезать, окоротить, поддеть, подковырнуть, пощипать, припечатать, проехаться, пройтись, пропечатать, цепляться, цыкать, шикать
	Глагольные фразеологизмы
	видеть сучок в чужом глазу и не видеть бревна в своем ¹³ , затронуть за живое, катить бочку, навести критику, не стесняться в выражениях, подпускать шпильки
	Существительные
	нарекание, замечание, придирика, злословие, шпилька
По материалам словарей: Александрова З. Е. «Словарь синонимов русского языка» [Александрова 1969], Апресян, Ю. Д. «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [Апресян 2003а], Бабенко Л. Г. «Словарь синонимов русского языка» [Бабенко 2011], Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы [Бабенко 1999], Евгеньева А. П. «Словарь синонимов русского языка» [Евгеньева 2003], Шведова Н. Ю. «Русский семантический словарь» [Шведова 1998-2007]. См. также [Абрамовъ 1915, Жуков 1987].	

¹² Выделяющийся в плане значения глагол. Не просто «упрекать», а «упрекать взаимно».

¹³ Включающий дополнительный оттенок фразеологизм. Имеет значение «упрекать за мелкие промахи, не замечая своих крупных недостатков»

Таким образом, словарный подход позволяет увидеть следующие закономерности:

1. Данные этимологических словарей показывают, что семантическое поле упрека изначально содержало в себе идею сопротивления, противостояния, действия вопреки, преодоления какой-то преграды. Этот конфликтогенный этимологический отголосок в сочетании со сведениями толковых словарей об обвинительной природе упрека ставит под сомнение взгляд на упрек как на имплицитный вид речевой агрессии, направленный на кооперацию и преодоление разногласий, а также подтверждает рабочую гипотезу исследования о двухкомпонентной природе упрека.

2. Синонимические и идеографические словари предоставляют в распоряжение исследователя значительное количество сведений о лексических единицах «упрек», «упрекать». На наш взгляд, в семантическом поле упрека и смежных явлений существует градация по вектору «эмоционального накала». С позиции формальных признаков эта градация никак себя не проявляет, но субъективно может быть определена при сравнении синонимов (например: *бесчестить* — *совестить* — *пенять*). Хотя в существующих словарях отсутствует какая-либо маркировка уровня «эмоционального накала» искомых лексических единиц, для нашей работы эта градация представляет определенный интерес, так как является дополнительным смысловым критерием, который можно сформулировать следующим образом: «при всех тождественных условиях упреком будет то высказывание, которое не имеет предельного значения силы или слабости эмоционального накала». Как видно из Таблицы 1., глаголы «сильного воздействия» характеризуются радикальностью негативных эмоций, испытываемых субъектом к объекту высказывания, и мало предназначены для полноценного описания семантического поля упрека. Глаголы «слабого воздействия» демонстрируют в общем толерантное отношение субъекта к объекту в процессе обвинения и также не способны в полной мере передавать упрек. Таким образом, место упрека в этой градации находится, по всей видимости, посередине вектора «эмоционального накала». Например, в предложениях «Учитель *упрекнул*

ученика в том, что тот не сделал домашнюю работу» и «Учитель **уличил** ученика в том, что тот не сделал домашнюю работу» «**уличил**» имеет явно более ярко выраженный обвинительный компонент, чем «**упрекнул**». Не просто «обвинил» и «был уязвлен», а был в столь сильной мере зол, раздосадован, раздражен, недоволен и т.д., что нашел время на поиск «улик» и взял труд их представить ученику. В то же время предложение «Учитель **пожурил** ученика за то, что тот не сделал домашнюю работу» демонстрирует высокую степень толерантности субъекта высказывания к проступку объекта — обвинительный компонент практически не прослеживается. Интересно, что в идеографических словарях эта эмоциональная градация может проявлять себя таксономически. У Л. Г. Бабенко [Бабенко 1999: 379] «упрекать» находится в «глаголах речевого воздействия», а «уличать» в «глаголах интеллектуальной деятельности», глагол «журить» в словаре отсутствует. У Н. Ю. Шведовой все три глагола принадлежат таксону «осудительная речь»: однако «упрекать» и «уличать» относятся к одному классу «упрек, устыжение, обвинение, обличение, осуждение, угроза», различаясь лишь подклассами: «упрекать» стоит в подклассе «упрёк, укор», а «уличать» — в подклассе «обвинение, обличение, разоблачение». «Журить» в этом словаре принадлежит к классу «грубая речь, злословие, язвительность, брань и находится в подклассе «брань, выговаривание», образуя подтип «выговаривание, журьба» [Шведова 2007: 522-531].

3. Можно сказать, что словарный подход подтверждает тезис об «иллокутивном самоубийстве» [Вендлер 1985] для слов «упрек», «упрекать», демонстрируя перформативный антагонизм между лексемами, входящими в семантическое поле упрека, и самим упреком как явлением. Таким образом, лексические единицы «упрек» и «упрекать» несут ценную информацию об упреке как о явлении, но сами как средства упрека рассматриваться не должны.

4. Как любопытная деталь обращает на себя внимание большое количество глаголов с переносным значением (*грызть, клевать, пушить* и т.п.), а также обилие фразеологизмов (*сказать в глаза, тыкать в нос, вывести на чистую воду* и т.п.), способных выражать упрек.

5. Следует также отметить некоторые лексемы и фразеологические единицы, встречающиеся в словарях как синонимы упрека, однако относящиеся, на наш взгляд, к семантическому полю «клевета», поскольку содержат в себе антагонистичное упреку значение «заведомо ложное обвинение» [Евгеньева 2003: 466]: *грязь, наговор, поклеп, оговор, напраслина, инсинуация, навет; клепать, возвести поклеп, пачкать доброе имя, забросать (закидать, поливать) грязью, затоптать в грязь* и др.

1.4. Упрек и контекст

«Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» [Азимов, Щукин 2009: 112] определяет **контекст** (лат. contextus – сплетение, тесное соединение) с трех разных позиций:

- 1) Часть письменного текста, имеющая завершённый смысл, позволяющая максимально точно раскрыть значения лексем и предложений, входящих в состав этой части.
- 2) Условия, обстоятельства, языковое окружение, ситуация речевого общения, в которых существует конкретная языковая единица.
- 3) Способ раскрытия семантики данной лексемы сквозь призму содержания всего высказывания.

Одним из самых сильных влияний прагмалингвистической традиции на современное языкознание можно считать существование своеобразного табу на восприятие лингвистических объектов вне контекста. Не являются исключением и работы, посвященные упреку. Одни исследования делают сознательный акцент на определяющей роли контекста, другие же понимают ее как априорную аксиому, не требующую доказательств. Но и в том и в другом случае контекст понимается как универсальный инструмент, без которого анализ упрека становится невозможным. Большинство исследований, затрагивающих упрек как языковой феномен, подчеркнуто декларируют доминирующую роль контекста как средства выражения упрека: «оценочный смысл, содержащийся в речевом акте упрека нельзя увидеть в высказывании, он извлекается на основании контекста и требует осмысления со

стороны адресата» [Науменко 2014: 306] (см. также [Давыдова 2003: 41, Джандалиева 2010: 176, Журавлева 2006: 229] и др.). Иными словами, вне зависимости от научных установок авторов, исследования, посвященные упреку, на метауровне объединены догматическим тезисом, который может быть сформулирован следующим образом: **«*Всякий упрек требует контекста для понимания*»**.

Действительно, представляется абсолютно бесспорным, что контекст является важнейшим средством создания упрека. Например, фраза *«Я тебя просил принести ручку»* будет иметь совершенно разные значения в зависимости от контекста и интонационного оформления:

1.

— *Ты что-то сказал?*

— *Я просил тебя принести ручку.*

Вне контекста мы будем воспринимать ситуацию этого диалога как нейтральную. Можно, конечно, предположить наличие элемента раздражения в ответной реплике, однако это не следует из примера, так как контекст отсутствует или, по крайней мере, сведен к минимуму.

2.

— *Почему ты сердишься?*

— *Я просил тебя принести ручку. Ты принес? Вот вечно ты так!..*

В ответной реплике второго примера упрек ярко выражен, благодаря контексту и сопутствующей интонации.

Оба диалога демонстрируют важнейшую роль контекста в формировании упрека. Однако, признав очевидно верную мысль, что практически любое высказывание может функционировать как упрек в соответствующем контексте, мы будем неправы, если сделаем из этого тезиса вывод об обязательной зависимости упрека от контекста, и безусловно допустим ошибку, если примем то, что упрек не может существовать как самостоятельное языковое явление со своими формальными средствами выражения вне контекста. Такой взгляд на природу упрека представляется спорным, так как входит в противоречие с

многочисленными примерами упреков, способных функционировать абсолютно автономно от контекста: «Тебе лишь бы не работать», «Тоже мне начальник выискался», «Я же тебя просил», «А еще подруга называется», «Вот всегда ты так» и др.

Будучи даже полностью изолированными от контекста, подобные дискурсивные реализации представляют для носителя русского языка не допускающий двоякого толкования сигнал упрека. Логичное, на первый взгляд, возражение, что высказывания такого типа всего лишь устойчивые сочетания с семантикой упрека, спорадически встречающиеся в языке, не выдерживает критики, поскольку речь идет именно о конструкциях¹⁴, чей потенциал реализации в языке на порядки выше возможной вариативности фразеологических единиц. Показательным примером, иллюстрирующим эту мысль, может служить конструкция упрека «личное местоимение (2, 3 л.; ед. ч., мн. ч.; Д. п.) / одушевленное существительное (ед. ч., мн. ч.; Д. п.) + *лишь бы* + инфинитив». Помимо предложенного выше примера «Тебе лишь бы не работать» («— А-а... Тебе лишь бы не работать! — пробормотал я» [Валерий Попов. Грибники ходят с ножами (1997)]) данная конструкция при вводе в лексико-грамматический поиск корпуса будет представлена множеством независимых дискурсивных воплощений (а не вариантов одного фразеологизма!), объединенных семантикой упрека: «Вы военные, а не политики, **вам лишь бы пострелять**» [Олег Гриневский. Восток — дело тонкое (1998)]; «Но вообще-то, **им по барабану — лишь бы придраться**» [Анвар Тавобов. Террор несовершеннолетних // «Вечерняя Москва», 2002.02.07]; «**Сашке лишь бы во дворе шляться. Год на тройки окончил. Оболтус**» [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]; «**Этим шутникам лишь бы на троих сообразить**, — недовольно заметил дядя Володя» [Василий Шукшин. Вянет, пропадает (1968)] и т.д.

¹⁴ Здесь и далее термин «конструкция» используется нами в том виде как он понимается в ключевых работах по «грамматике конструкций» (см., например, [Fillmore 1985, 1988; Goldberg 1995, 2003, 2006], на русском языке [Рахилина 2010]. Подробнее об этом см. Параграф 2.1. Структура методологической базы исследования).

Таким образом, помимо ситуаций, когда упрек намертво вплетен в контекст, существует множество примеров, когда упрек представляет собой в той или иной мере свободную единицу и может быть понят вне зависимости от контекста. Так, для дискурсивных реализаций описываемой конструкции в принципе трудно предложить иную интерпретацию, кроме значения упрека. В контексте и вне его эта конструкция способна выполнять свою языковую функцию — выражать упрек. Поскольку данный пример далеко не единственный и не может быть представлен как некое исключение из общего правила о зависимости упрека от контекста, требуется новая формула, описывающая взаимоотношения упрека и контекста: **«Всякий упрек может быть понят из контекста, но не всякий упрек требует контекста для понимания»**. Мы считаем, что все упреки в русском языке условно могут быть поделены на «контекстуальные» (являющиеся упреками только в соответствующем контексте) и «ингерентные» (не нуждающиеся в контексте, выраженные формальными языковыми средствами).

Разделяя идею, что каждое явление имеет «ядро» и «периферию» (см. «core-periphery model» [Friedmann 1966]), мы будем исходить из мысли, что помимо «ингерентных» и «контекстуальных» упреков существует также переходная группа «квазиконтекстуальных» упреков, спаянных с контекстом частично и способных с некоторыми ограничениями существовать и вне его. К этой группе мы относим пограничные явления различного генеза. Общим основанием для их выделения является неизбежный субъективизм дискурсивного анализа, не всегда позволяющий четко разграничить «контекстуальные» и «ингерентные» упреки. Ниже на примере дискурсивных воплощений конструкции упрека «сам + небось + глагол» представлены некоторые из них:

— Упреки, для реализации которых контекст желательное, но не требуемое условие. Контекст в таких высказываниях выполняет функцию интенсификации, делая семантику упрека очевидной и не допускающей иных толкований: **«Сами, небось, в Россию зубы лечить не поехали бы, хоть там и даром»** [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975-2003)]. Для восприятия этого примера как упрека, в принципе, уже достаточно фрагмента «сами небось не поехали бы».

Однако контекстуальная информация «в Россию», «зубы лечить», «хоть там и даром» многократно интенсифицирует семантику упрека в высказывании, не оставляя возможности иной трактовки;

— Упреки, имеющие в своем составе сильный обвинительный компонент и потому трудно поддающиеся дифференцированию с более «жесткими» видами речевой агрессии — обвинением, порицанием, осуждением и т.д.: «*Вот он, злодей: еще революцией хвастает, а сам небось на фронте сухари да махорку у солдат воровал... признавайся, ведь воровал поди?*» [Л. М. Леонов. Вор. Часть 3 (1927-1959)];

— Упреки, имеющие в своем составе слабый обвинительный компонент и потому трудно поддающиеся дифференцированию с более «легкими» видами речевой агрессии — журьбой, нареканием, придиркой и т.д.: «*Сами небось не забыли, из какой компании вы меня вытащили*» [Анатолий Степанов. В последнюю очередь (1984)] и др.

Таким образом, в «ядро» упрека как языкового явления попадают «ингерентные» упреки; «квазиконтекстуальные» упреки образуют переходную «периферию 1»; а все многообразие разнородных дискурсивных реализаций, способных становиться упреком в условиях контекста, относится к «периферии 2» (см. Таблица 2. и Рисунок 1.).

Критерий «контекст» является важнейшим для нашей работы, и, поскольку фокусом исследования являются формальные средства выражения упрека, а следовательно «ингерентные» и в какой-то мере «квазиконтекстуальные» упреки, мы считаем целесообразным полностью исключить языковой материал «Периферии 2». «Контекстуальные» упреки безусловно широко распространенное явление — в процентном соотношении такие упреки представлены в языке многократно более, чем «ингерентные». Эта интуитивно выявляемая статистическая закономерность может лечь в основу самостоятельного исследования и несомненно представляет интерес для изучения. Однако из-за своей абсолютной зависимости от контекста упреки этой группы изначально выводятся нами за пределы языкового материала нашего исследования.

Таблица 2 — Упрек и контекст

	«Периферия 2» «контекстуальные» упреки	«Периферия 1» «квазиконтекстуальные» упреки	«Ядро» «ингерентные» упреки
Необходимость контекста	абсолютная	относительная	минимальная
Примеры	<i>Ты поздно пришел – но ничего, мне очень нравится разогреть тебе ужин!</i>	<i>Скажи, а почему ты вместе с танком не сгорел?¹⁵</i>	<i>Тебе лишь бы спорить!</i>
Комментарий	Эта конструкция очень распространенный вид «контекстуального» упрека. Сначала задается некий отрицательный, по мнению субъекта высказывания, контекст, а потом иронически осмысляемый результат, вытекающий из условий этого контекста. Очевидно, что вне контекста упрек не состоится.	Хотя, на первый взгляд, кажется, что для понимания упрека здесь необходим контекст стихотворения, упрек, выраженный в вопросе, понятен, по сути, и вне художественного мира произведения. В принципе невозможно представить речевую ситуацию, в которой этот вопрос задается в прямом смысле с целью выяснения объективных причин «несгорания» в танке.	Эта конструкция будет являться упреком вне зависимости от контекста. Для нее, как и для всех «ингерентных» упреков, характерна невозможность или, по крайней мере, затрудненность передачи иной семантики, помимо семантики упрека.

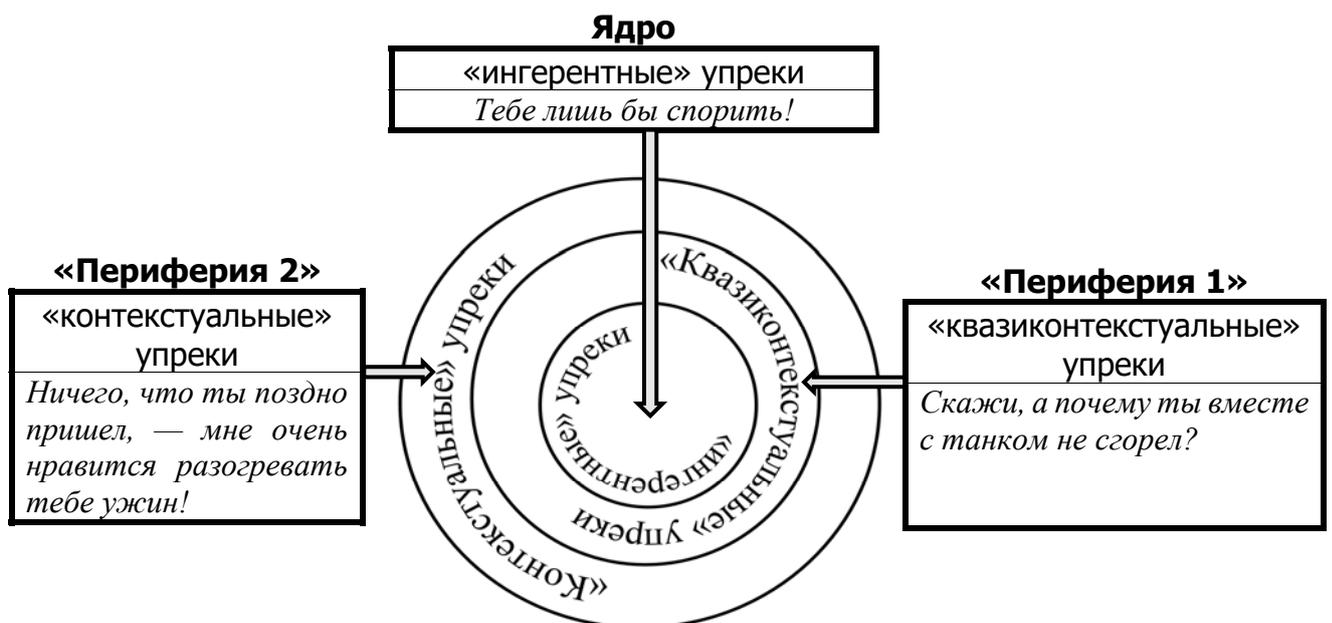

Рисунок 1 — Упрек и контекст

¹⁵ Пример взят из варианта русской народной песни «Любо»

1.5. Таксономия упрека

В лингвистических исследованиях конца XX – первой трети XXI века термины «речевой жанр», «речевой акт», «интенция речи», «речевая стратегия / тактика», «речевая агрессия», «речевая манипуляция», «речевое воздействие» и подобные им встречаются часто как взаимозаменяемые синонимы для описания идентичных явлений. Это ведет к терминологической и таксономической неопределенности и само по себе является вопросом, в последнее время привлекающим внимание исследователей (см., например, [Авраменко 2007, Дубровская 2003, Егорова 2015, Иркабаева 2010, Комлева 2011, Труфанова 2001]).

Сказанное в полной мере справедливо и в отношении работ, посвященных упреку. Многообразие подходов к изучению упрека как языкового феномена приводит к отсутствию в лингвистике единого системного представления о его природе. Вопрос о таксономическом статусе упрека в русском языке по-прежнему остается открытым. По нашему убеждению, столь мощная дисперсия и неоднородность терминологии при описании упрека (речевой жанр — речевой акт — интенция — речевая стратегия / тактика — речевая агрессия — речевая манипуляция — речевое воздействие и т.д.) являются следствием как разноплановости изучаемого феномена, так и синтетичности тенденций современной лингвистики. Немаловажную роль играет и научная парадигма, в рамках которой формировались взгляды различных авторов.

Хотя на данный момент лингвистика располагает большим количеством значимых наблюдений по содержательной стороне упрека, не существует ни одного таксономического описания упрека, с которым были бы согласны решительно все исследователи. На наш взгляд, такая расплывчатость таксономического положения упрека проистекает из механической подмены системного вопроса «что есть упрек» частными вопросами «какой термин использовать для упрека» и «подход какой школы более эффективен для описания упрека». Ситуация имеет параллель с суждениями слепых из индийской притчи, делающих выводы о сущности слона на основании тактильного обследования отдельных частей его тела. Подошедший сбоку посчитал, что слон похож на стену;

потрогавший бивень сказал, что слон подобен копыю; дотронувшийся до хобота говорил, что слон — змея; коснувшийся ноги был уверен, что слон — дерево; взявшийся за ухо утверждал, что слон выглядит как большой веер; а схватившийся за хвост провозгласил слона веревкой. Все шестеро были правы, описывая части слона, и вместе с тем не правы, поскольку никто не анализировал его как единое целое ("Though each was partly in the right, / And all were in the wrong!" [Saxe 1873: 259-261]). Аналогичное положение дел складывается с имеющимися прагмалингвистическими описаниями упрека, созданными на базе различных научных школ. Представляя собой ценную информацию по содержательной стороне упрека, подобные определения не дают ответ на вопрос «что есть упрек», а лишь верно характеризуют отдельные его «части». Недостающим звеном, позволяющим ответить на этот вопрос и связать все «части» воедино, должно, по нашему мнению, стать исследование формальных средств выражения упрека. В то же время изучение существующих таксономических статусов упрека дает возможность глубже проникнуть в единство формы и содержания этого явления.

Для анализа основных таксономических статусов упрека представляется важным максимальный охват научных публикаций последних лет — статей, монографий, материалов конференций, диссертаций и т.д. С этой целью нами было предпринято библиометрическое исследование различных электронных ресурсов (eLibrary [Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.elibrary.ru/>], Cyberleninka [Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/>] и др.). Было отобрано 48 работ, находящихся в свободном доступе и непосредственно соотносящихся с темой нашего исследования. В их числе 23 работы рассматривают упрек в качестве речевого акта, 11 понимают упрек как речевой жанр, 7 трактуют упрек как речевую стратегию / тактику, 1 работа относит упрек к речевой агрессии, 3 содержат индивидуально-авторские определения упрека и 3 используют для упрека наименования синтетической природы, образованные на терминологической базе различных подходов. В Таблице 3. представлена выборка, которая, по нашему мнению, наглядно иллюстрирует расплывчатость терминологического и таксономического статуса

упрека в работах последних десятилетий, а также демонстрирует преобладающее влияние прагмалингвистического подхода к упреку как языковому явлению.

Таблица 3 — Таксономический статус упрека в работах различных авторов

Таксономический статус упрека	Работы
Теория речевых актов	
«Речевой акт»:	[Булыгина, Шмелев 1997: 417]; [Шилихина 1999: 69]; [Карасик 2002: 116]; [Давыдова 2003: 6]; [Каразия 2004б: 64]; [Пугачева 2008: 134]; [Мухометзянова 2018б: 128].
«Оценочный речевой акт»:	[Кожухова, Валеева: 2012: 72]; [Кременевская 2014: 85]; [Бачурка 2017: 59].
«Экспрессивный речевой акт порицания»:	[Трофимова 2008: 255].
«Косвенный речевой акт»:	[Ширапова, Лунева 2008: 132]; [Качалова 2012: 55];
«Ликоугрожающий (оценочный, косвенный) речевой акт»:	[Винантова 2009: 77].
«Речевой акт с общим значением осуждения»:	[Апресян 2003б: 683].
«Ассертивный (утвердительный) речевой акт, выражающий упрек»:	[Журавлева 2007: 93].
Теория речевых жанров	
«Речевой жанр»:	[Дубровская 2003: 38]; [Дементьев 2010:48]; [Максимюк 2017: 18].
«Речевой жанр, ориентированный на изменение поведения адресата или его раскаяние»:	[Федосюк 1996: 45-60]. Цитируется по [Полякова 2001: 25-26].
«Речевой жанр, который обслуживает ситуации речевого неодобрения»:	[Стексова 2003: 728].
«Агрессивный субжанр»:	[Седов 2005б: 96].
«Речевой жанр, в основе которого лежит неодобрительно-оценочное отношение говорящего»:	[Лаврентьева 2006: 81].
Речевая стратегия / тактика	
«Речевая стратегия»:	[Федорова 2004: 106].
«Прямые и косвенные тактики речевой стратегии»:	[Шалацкий 2014: 206].
«Тактика»:	[Шалина 1998: 109]; [Паршина 2005: 114]; [Иссерс 2008: 121]; [Чернецкий 2015: 68];
Речевая агрессия	
«Слабое проявление вербальной агрессии»:	[Щербинина 2004: 63].

Продолжение Таблицы 3

Таксономический статус упрека	Работы
Авторские подходы	
«Лексический класс «осудительная речь»»:	[Шведова 2007: 522-524].
«Коммуникативная разновидность модальной семантики неодобрения»:	[Петрушина 2005: 11].
«Семантический тип неодобрения», «определенный тип эмотивно-оценочного отношения»:	[Джандалиева 2008а: 11, 22].
Синтетический термин	
«Коммуникативная тактика, реализующая стратегию манипуляции»:	[Гулакова 2004: 79].
«Тактика речевой агрессии»:	[Власова 2005: 39].
«Оценочный речевой акт, рассматриваемый в качестве тактики, используемой для реализации речевой стратегии»	[Гаврикова 2017: 283].

Таким образом, терминология, встречающаяся в современных исследованиях, посвященных упреку, отличается полиморфизмом и может иметь окказиональный характер, разные термины для описания упрека могут быть обнаружены даже в пределах одного научного текста. Наша работа не ставит перед собой глобальную цель окончательного решения вопроса терминологической и таксономической неопределенности упрека как языкового явления. Целесообразным в рамках данного исследования мы считаем анализ существующих терминологических и таксономических положений и выработку на их основе «относительного» понимания о месте упрека в русском языке, то есть понимания, которое в условиях работы может быть использовано наряду с другими критериями при отборе языкового материала.

1.5.1. Упрек: соотношение понятий *речевой акт* и *речевой жанр*

Понятие речевого акта сформировалось в контексте англо-американской лингвистической традиции и ассоциировано с периодом «лингвистического поворота» в философии логического позитивизма [Румянцева 2002: 551] — зарождением лингвистического направления аналитической философии, концепцией «обыденного языка» (англ. *ordinary language*) и классическими трудами родоначальников теории речевых актов [Austin 1962, Searle 1965].

Понятие речевого жанра связано с именем М. М. Бахтина и является основной структурной единицей теории речевых жанров, уходя корнями в русскую литературоведческую традицию. Будучи наследницами различных национальных школ и произрастая из разных научных дисциплин, обе теории приобрели по всему миру своих адептов, отстаивающих сильные стороны того или иного подхода и критикующих или игнорирующих существование одной из теорий.

Речевой акт — это высказывание, оформленное в соответствии с системными требованиями языка, выражающее цели субъекта высказывания и программирующее результаты этого высказывания [Шмелева 2003а: 571-572]. Речевой акт представляет собой феномен, который функционирует с определенной целью для выражения интеллектуального или реального действия и использует язык как инструмент реализации этой цели [Азимов, Щукин 2009: 308]. Понятие речевого акта является фундаментальной «минимальной единицей» прагмалингвистики, оно легло в основу множества прагмалингвистических исследований, начиная с 1950-х гг. по настоящее время.

Речевой жанр — комплекс речевых сущностей (высказываний, текстов), связанных общей коммуникативной целью; речевой паттерн, ориентированный на определенную коммуникативную ситуацию и используемый для выражения свойственного этой ситуации содержания [Азимов, Щукин 2009: 256]. По М. М. Бахтину, речевой жанр — это языковая конструкция, реализуемая в пределах конкретной речевой ситуации. Речевой жанр подобно литературному жанру имеет свои приемы, способы оформления, сферу применения и т.д. [Шмелева 2003б: 573 - 574].

Корреляция терминов «речевой акт» и «речевой жанр» — один из самых актуальных вопросов лингвистики конца XX – первой трети XXI века. Проблеме посвящены работы целой плеяды лингвистов, стоящих на совершенно разных научных позициях (см. об этом подробнее [Дементьев 2010: 125]). Условно все концепции могут быть поделены на 3 группы (по [Бацевич 2005]):

1. Языковые явления рассматриваются преимущественно с позиций теории речевых актов (см., например, сборник научных статей [Новое в зарубежной

лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов 1986], а также [Андрющенко 2014, Власян 2006, Качалова 2009, Кильмухаметова 2006, Кожухова 2012]).

2. Языковые явления рассматриваются преимущественно с позиций теории речевых жанров (см., например, сборник научных статей и журнал [Жанры речи 1997-2012, Жанры речи 2014-2019], а также [Горбачева 2014, Красноперова 2012, Костомаров 2014, Стексова 2011]).

3. Синтез позиций теорий речевых актов и речевых жанров. Представителями этой точки зрения в лингвистике являются А. Вежбицкая [Вежбицкая 1997], М. Н. Кожина [Кожина 1999], Т. С. Шмелева [Шмелева 1990], а также [Авраменко 2007, Иркабаева 2010, Комлева 2011, Труфанова 2001] и др. Общим знаменателем, который связывает этих разных ученых, является идея о совмещении понятий «речевой акт» и «речевой жанр»¹⁶.

На наш взгляд, классификация Ф. С. Бацевича может быть дополнена еще одной группой:

4. Модификация стандартной терминологии или создание авторской таксономической системы, содержание которых, так или иначе, вписывается в парадигмы обеих теорий.

Ниже представлены примеры описания упрека с позиций каждой из четырех групп.

1. Упрек как речевой акт

Классификация перформативных глаголов Ю. Д. Апресяна делит все речевые акты на 15 классов [Апресян 1995: 200-202]. Нас интересует 11 класс этой классификации — «глаголы осуждения». Хотя, описывая этот класс, Ю. Д. Апресян подчеркивает невозможность перформативного употребления глагола «упрекать»,

¹⁶ В российской науке превалирует именно синтетический подход. В. В. Дементьев в статье «Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике» пишет о целесообразности изучения речевых жанров как структур, состоящих из совокупностей взаимодействующих речевых актов и соотносящихся с действительностью не на прямую, а опосредованно через речевой жанр [Дементьев 1997: 112]. Исследователь цитирует работу Анны Вержбицкой «Genry towu» [Wierzbicka 1983: 134], в которой также содержится тезис о необходимости синтеза понятий речевого жанра и речевого акта, поскольку речевые акты являются «минимальными единицами» речевого жанра и в то же время сами могут быть дифференцированы на отдельные структурные элементы. Таким образом, многие исследователи «сходятся в мысли о том, что речевой акт является структурным элементом речевого жанра» [Иркабаева 2010].

сам факт упоминания об этом свидетельствует о попадании упрека как языкового явления в семантическое поле «глаголов осуждения», которые понимаются в этой классификации как иллокутивные речевые акты. «Речевые акты с общим значением осуждения» — таким термином обозначает Ю. Д. Апресян «упрекать» и другие глаголы этого синонимического ряда в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [Апресян 2003б: 683]. Многие исследователи [Давыдова 2003, Пугачева 2008, Швец 2018] и др. рассматривают упрек в качестве речевого акта подобно Ю. Д. Апресяну.

2. Упрек как речевой жанр

В то же время в русской лингвистической литературе существует мощная традиция описания упрека как языкового явления с позиций теории речевых жанров. Например, работы Т. И. Стексовой, в частности статья «Упрек» в словаре «Культура русской речи», однозначно относят «упрек» к речевым жанрам, «обслуживающим ситуации речевого неодобрения» [Стеклова 2003: 728 – 729]. Взгляд Т. И. Стексовой на упрек как речевой жанр разделяют многие исследователи (см., например, [Максимюк 2017, Сороченко 2007, Стрельникова 2011] и др.). В научной литературе речевой жанр упрека может рассматриваться как отдельно, так и вкупе с другими «агрессивными» речевыми жанрами «порицанием», «обвинением», «неодобрением», «осуждением» и т.д.

3. Синтез теорий

Оба термина (речевой акт / речевой жанр) могут употребляться для наименования таксона «упрек» в идентичном понимании в одном и том же научном тексте, посвященном упреку (см., например, [Акимова 2009: 67], [Гасанова 2020: 48]). При этом, хотя проблема соотношения понятий речевого акта и речевого жанра часто поднимается в современных исследованиях, вопрос считать ли упрек речевым актом или речевым жанром в известных нам работах никогда специально не обсуждался.

4. Авторские подходы

Упрек как языковое явление может интерпретироваться с помощью авторской модификации стандартной терминологии. Так, в монографии «Основы

психолингвистики» И. Н. Горелов и К. Ф. Седов вводят термины «гипержанр» и «субжанр», осмысляя их сквозь призму понятий «речевой акт», «речевая тактика» и «речевой жанр» [Горелов, Седов 2001: 161-162]. А в статье «Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации» К. Ф. Седов выделяет упрек как один из четырнадцати «агрессивных субжанров» [Седов 2005б: 96].

Классификация Н. Ю. Шведовой в «Русском семантическом словаре» [Шведова 2007: 522-527] также является примером, когда упрек как явление определяется автором как иная структурная единица языка, нежели речевой акт или речевой жанр. Словарь содержит лексический класс «осудительная речь», в составе которого находится глагол «упрекать» (см. Рисунок 2).

Согласно Н. Ю. Шведовой, лексический класс, в ряду других лексических классов входящий в состав конкретной «понятийной сферы», имеет свою «семантическую доминанту» — слово или словосочетание. На базе этой «семантической доминанты» производится дальнейшее деление класса на лексические множества и подмножества [Шведова 1998: 10]. При самом предварительном рассмотрении становится очевидным, что термин «лексический класс» как его определяет Н. Ю. Шведова близок к совмещенному пониманию речевого акта и речевого жанра в синтетическом подходе. Как видно из представленного ниже рисунка главными критериями, положенными в основание лексического класса «осудительная речь», включающего упрек как одно из «лексических множеств», служат семантика, контекст, субъектно-объектные отношения и коммуникативная цель, что также является основными критериями при определении типа речевого жанра и речевого акта.

Таким образом, единогласия по вопросу, считать ли упрек речевым актом или речевым жанром, среди исследователей нет. Сформулированные ниже утверждения, связанные с проблемой разграничения упрека как речевого акта и речевого жанра, будут использованы при отборе практического материала в нашем исследовании:

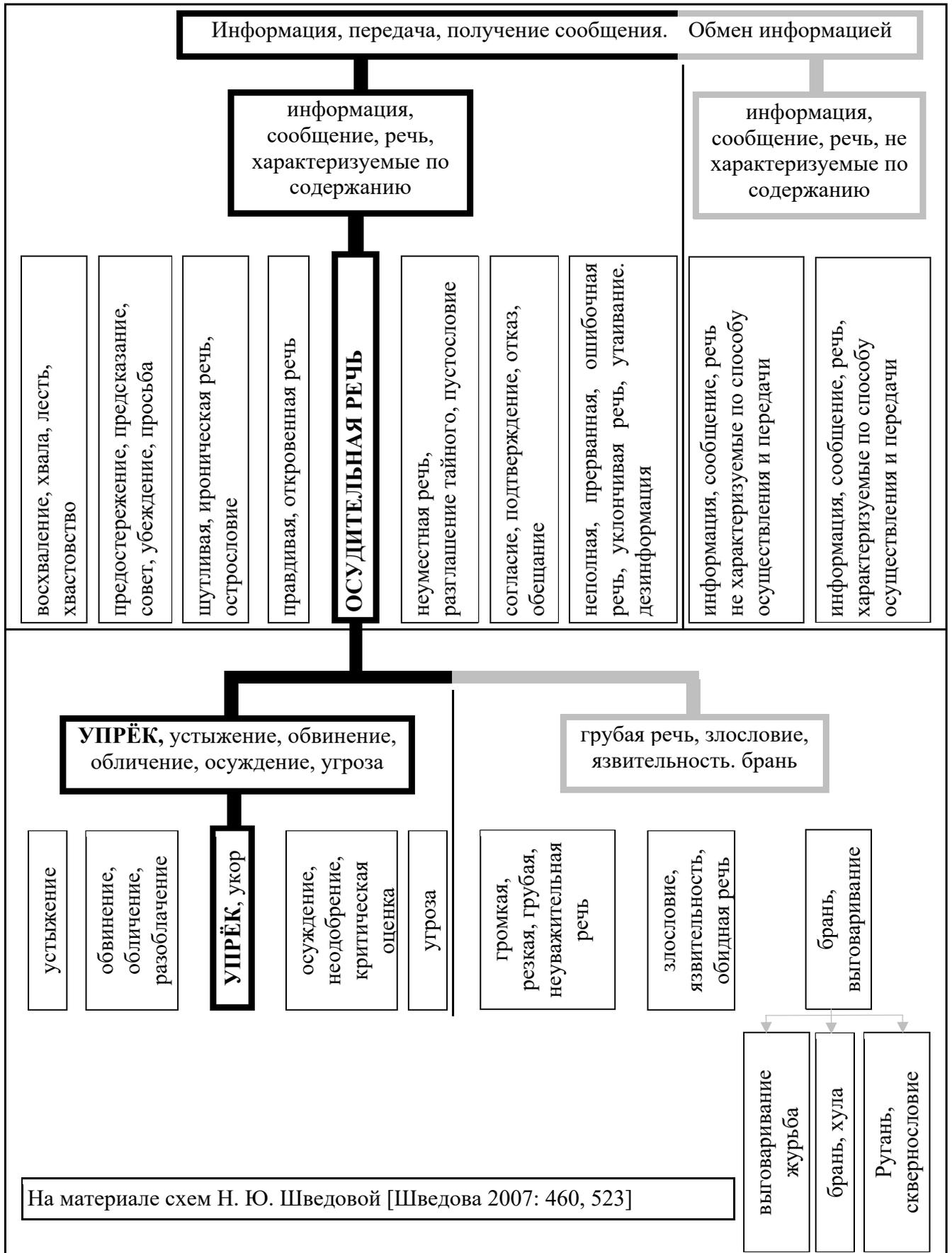

Рисунок 2 — Лексический класс «осудительная речь»

1. Мы разделяем точку зрения сторонников синтетического подхода, что взаимоотношения понятий «речевой акт» и «речевой жанр» лежат в плоскости абстрактного и конкретного, статики и динамики. Упрек как языковое явление на абстрактном уровне может быть воспринят как речевой жанр с позиции классификационного «статичного» рассмотрения. Иначе говоря, существует некий традиционный, устоявшийся, культурно и исторически сложившийся тип речевой деятельности (жанр), под который попадают средства, выражающие упрек в русском языке. Упрек на конкретном уровне в этом случае представляет собой воплощение этого жанра в речи, речевой акт, с позиции «динамического» рассмотрения. С этой точки зрения, очевидно, что упрек имеет определенную коммуникативную цель, «записанную» в памяти своего жанра, содержит два обязательных компонента (обвинительную часть и негативное эмоциональное отношение субъекта к ситуации), одновременно являясь высказыванием, обличенным в форму различных речевых актов (вопрос, намек, угроза, предостережение и т.д.). См. Рисунок 3.

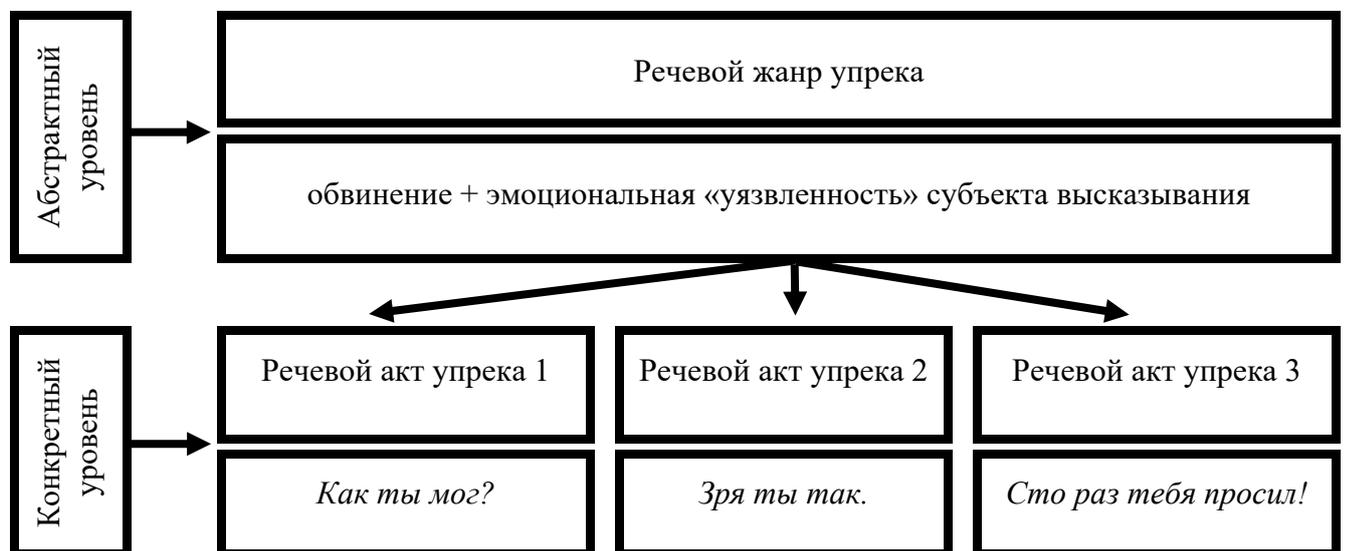

Рисунок 3 — Соотношение понятий «речевой акт» и «речевой жанр»

2. Вопрос таксономического разграничения упрека как речевого жанра и речевого акта, насколько нам известно, в научной литературе специально не дискутировался

и представляет теоретический интерес, однако в рамках нашей работы не имеет прикладного значения, так как не оказывает влияния на процедуру отбора языкового материала. В этой связи, при анализе мы будем дистанцироваться от обоих терминов при дефиниции упрека, заменяя их, по возможности, менее маркированными, такими, как «языковое явление», «языковой феномен», «понятие» и т.д.

1.5.2. Упрек: соотношение понятий «речевая тактика», «речевая стратегия», «речевая интенция», «речевое воздействие», «речевая манипуляция»

Все термины, вынесенные в заголовок, объединены общей чертой, позволяющей рассматривать их как однородные явления, — *целеполагание*. К данной терминологии обращаются при решении научных задач лингвисты совершенно разных школ и направлений. Часто в названии и тексте научной работы содержится совмещение терминов этого ряда, что также указывает на их внутреннюю однородность (см., например, [Броженко 2011, Кошеварова 2012, Радюк 2013, Соловьева 2014, Шаймарданова 2015]).

При обращении к упреку как языковому феномену многие исследователи также с большой частотой определяют его посредством перечисленных в заглавии целеориентированных понятий (см., например, «речевая стратегия и тактика» [Шалацкий 2014], «интенция» [Науменко 2014], «речевое воздействие и речевая манипуляция» [Нефедова 1998]). Поскольку целеполагание наряду с контекстом является одним из базовых критериев при анализе таксономического положения упрека в нашем исследовании, термины данного ряда в применении к упреку как языковому явлению требуют детального рассмотрения.

Речевая стратегия — глобальный коммуникативный план, строящийся субъектом высказывания с учетом условий речевой ситуации, а также реализация данного плана в процессе коммуникации. Речевая стратегия представляет собой общий алгоритм, основной задачей которого является достижение коммуникативных целей субъекта высказывания. Успешная речевая стратегия должна учитывать ролевое поведение, личностные характеристики, культурные

традиции, уровень образования, особенности менталитета объекта высказывания для наиболее эффективного достижения коммуникативных целей субъекта высказывания [Азимов, Щукин 2009: 252].

Речевая тактика — каждая конкретная стадия реализации речевой стратегии субъектом высказывания. Достижение промежуточной коммуникативной цели, а также речевые инструменты, используемые субъектом высказывания на конкретном этапе осуществления речевой стратегии [Азимов, Щукин 2009: 253].

Понятия речевой тактики и речевой стратегии имеют иерархическую природу. «Стратегия и тактики связаны друг с другом родовидовыми отношениями. Любая речевая стратегия предполагает определенный набор тактик, выбор из числа которых осуществляется говорящим на основании его представлений о коммуникативной ситуации в целом и о партнере по речевому взаимодействию в частности» [Федорова 2004]. Очевидно, что речевая стратегия и тактика могут быть соотнесены между собой по тому же принципу, что и понятия «речевой жанр» и «речевой акт». Такое понимание характерно для большинства современных работ и следует из семантики их древнегреческих прототипов «στρατηγία» и «такτικός», где «στρατηγία» предполагает достижение общей комплексной цели — победы в войне, а «такτικός» — решение отдельных военных задач внутри этой общей цели. По аналогии, речевая стратегия представляет собой абстрактный уровень, речевая тактика — конкретный. «Если речевую стратегию понимать, как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего («глобального намерения», по ван Дейку), то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Стратегический замысел определяет выбор средств и приемов его реализации, следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид» [Иссерс 2008: 109-110]. Рисунок 4., представленный ниже, является иллюстрацией к описанному соотношению терминов «речевая стратегия» и «речевая тактика».

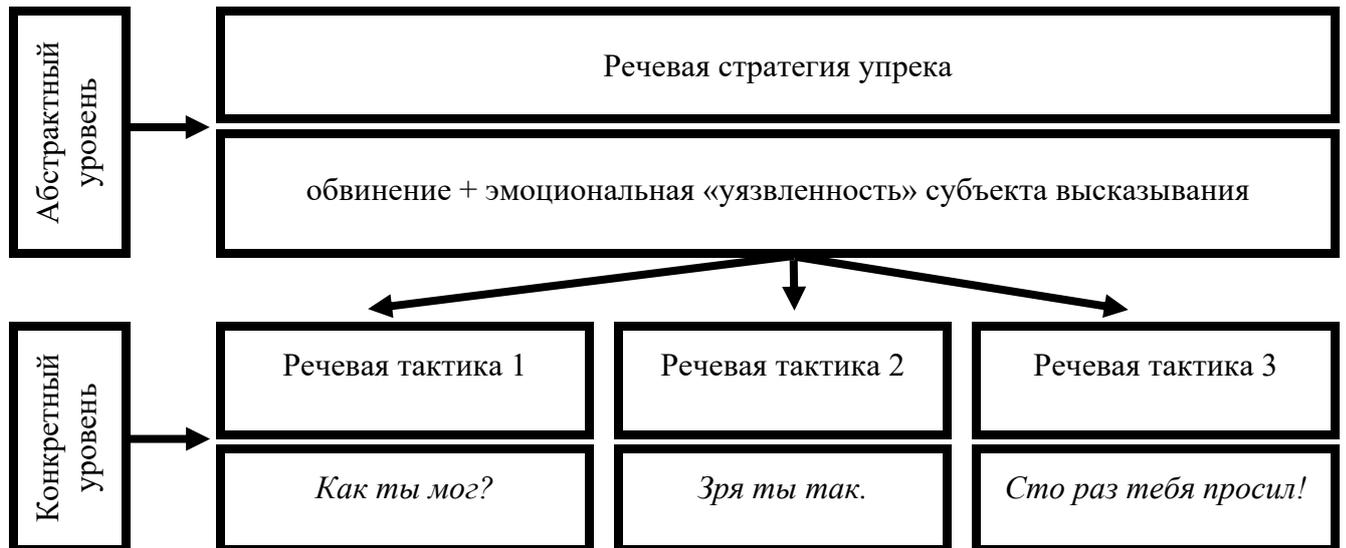

Рисунок 4 — Соотношение понятий «речевая стратегия» и «речевая тактика»

Практическая идентичность рисунков 3 и 4 поднимает закономерный вопрос: как же именно коррелируют понятия «речевая стратегия», «речевая тактика», «речевой жанр» и «речевой акт»? Вопрос этот уже задавался и активно обсуждается в научной литературе. Общепризнанная точка зрения, к которой склоняются исследователи, стоящие на позиции синтетического подхода, состоит в том, что «речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика отражают разные уровни абстрагирования текстовой деятельности» [Труфанова 2001: 56 – 65]. См. об этом также [Ерохина 2014, Крайнова 2013, Пащенко 2013]. Это понимание, по нашему мнению, необходимо дополнить указанием на парадигмальную природу обсуждаемых понятий и их различный генезис. Таблица 4 описывает, как в общем виде условно может быть представлена корреляция данных терминов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы касательно стратегическо-тактического подхода применительно к упреку как языковому явлению:

1. Понятия речевой стратегии и тактики и понятия речевого жанра и акта имеют общие черты: базовые критерии, на основе которых осуществляется выделение (контекст, цель высказывания, субъектно-объектные отношения), родовидовая иерархия, а также корреляция по «абстрактности» и «конкретности»

2. Противопоставляя, сравнивая или соотнося понятия речевой стратегии / тактики и речевого акта, исследователи «стратегической» школы в своих работах преимущественно не используют понятие «речевой жанр», но, в сущности, имеют в виду его, так как определения речевой стратегии и речевого жанра очень близки, и практически не представляется возможным разграничить их, кроме, пожалуй, сильнейшего акцента сторонников стратегическо-тактического подхода на цель высказывания.

3. Цель высказывания является базовым критерием во всех рассматриваемых концепциях, однако в рамках стратегическо-тактического подхода она стоит во главе угла и является не просто базовым, но определяющим критерием.

4. «Речевая тактика» и «речевой акт» — смежные, но не абсолютно идентичные понятия, относящиеся к разным парадигмам. Можно сказать, что речевая тактика — это процесс выбора конкретных речевых актов, служащих стратегической цели высказывания, в конкретной речевой ситуации.

Таблица 4 — Соотношение понятий «речевая стратегия», «речевая тактика», «речевой жанр», «речевой акт»

	Парадигма 1	Парадигма 2	Парадигма 3
Происхождение	в рамках русской литературоведческой традиции	в рамках западной лингвистической традиции	в рамках западной лингвистической традиции
Единицы абстрактного уровня	речевой жанр, гипержанр	—	речевая стратегия
Единицы конкретного уровня	субжанр	речевой акт	речевая тактика

Коммуникативная цель, коммуникативное намерение, коммуникативная интенция — сознательный расчет, интеллектуальный замысел, интуитивное предвидение, внутренняя установка, мысленный ориентир высказывания, а также ожидание субъектом высказывания требуемого результата коммуникации, устремленность на этот результат. Существуют 2 взгляда на

соотношение приведенных терминов. Первый взгляд отождествляет коммуникативную цель с коммуникативным намерением и коммуникативной интенцией. Согласно второму взгляду, коммуникативная цель отделяется от коммуникативного намерения и коммуникативной интенции [Иванов 2003: 254 – 256].

В нашей работе мы будем придерживаться первого взгляда: коммуникативная цель равна коммуникативному намерению / коммуникативной интенции. Вместе с тем, поскольку понятие коммуникативной цели является важным критерием для отбора материала в работе и смыслообразующим ядром для ряда целеориентированных терминологических сочетаний (прежде всего, «речевая стратегия / речевая тактика»), отказ от второго взгляда, представленного в определении выше, требует отдельного обоснования.

С одной стороны, разделяя тезис, что термины «коммуникативное намерение / коммуникативная интенция» полностью синонимичны понятию «коммуникативная цель», мы считаем логичным шагом исключение обоих терминов из инструментария исследования как порождающих дополнительную терминологическую нагрузку.

С другой, как следует из определений выше, речевая стратегия «представляет собой общий алгоритм, основной задачей которого является достижение коммуникативных целей субъекта высказывания», а коммуникативная цель — это «интуитивное предвидение, а также ожидание субъектом высказывания требуемого результата коммуникации, устремленность на этот результат». Следует отметить, что природа цели высказывания может быть как «стратегической», изначально продуманной, глобальной, так и как спонтанной, зародившейся в начале высказывания и сперва не полностью осознаваемой. При таком взгляде логичной представляется мысль, что коммуникативное намерение / коммуникативная интенция представляют собой триггерный участок речевой стратегии, ее начальную часть (частное), в то время как коммуникативная цель является глобальным фоном создания речевой стратегии (целым). В таком случае использование терминов «коммуникативное намерение / коммуникативная

интенция» для дефиниции глобальной цели высказывания представляет собой, по сути, перенос свойств частного на общее. На наш взгляд, выделение понятий «коммуникативное намерение / коммуникативная интенция» как самостоятельных терминов, не несет практической ценности, поскольку они не что иное, как начальный этап речевой стратегии, перетекающий в ее дальнейшее развертывание. Реализации этого «стратегического сценария» на конкретном уровне могут пониматься как речевые тактики (или речевые акты) в зависимости от парадигмы рассмотрения. Рисунок 5. представляет собой расширенную версию Рисунка 4. и служит иллюстрацией для описанной синекдохи терминов.

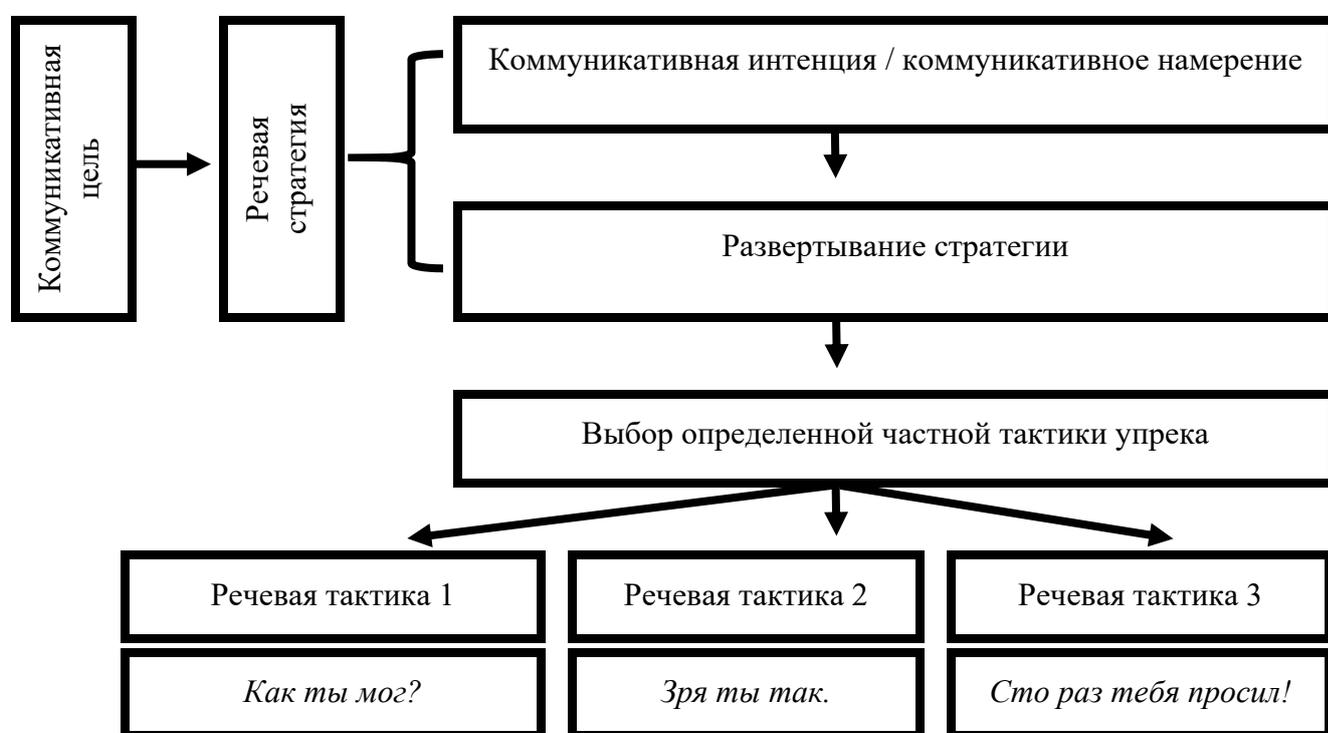

Рисунок 5 — Соотношение понятий «коммуникативная цель», «коммуникативное намерение / коммуникативная интенция», «речевая стратегия» и «речевая тактика»

В теоретическом плане разграничение терминов «коммуникативная цель» и «коммуникативное намерение / коммуникативная интенция», а также их соотношение с парадигмой «стратегического» подхода представляет определенный интерес и может быть темой отдельного исследования.

Применительно к нашей работе, практическое значение имеет сам факт существования коммуникативной цели как критерия отбора языкового материала.

Таким образом, в нашем исследовании мы будем использовать термины «коммуникативная цель» или «цель высказывания», дистанцируясь от проблемы синекдохи терминов «коммуникативная цель» и «коммуникативное намерение / коммуникативная интенция» во избежание терминологической неопределенности.

Речевое воздействие — регулирование поведения объекта высказывания посредством речи (устной или письменной) [Азимов, Щукин 2009: 253].

Речевая манипуляция — вид речевого воздействия, направленный на ввод в сознание объекта целей и установок, чуждых ему или отсутствующих у него. Речевая манипуляция основывается на психолингвистических механизмах, которые позволяют внедрить в психику объекта выгодные субъекту желания, намерения, стремления и подвигнуть объект на совершение нужных субъекту действий. *«Принципиальной и существенной отличительной чертой Р.м. является сокрытие манипулятором истинной цели воздействия на адресата (выделено нами — Р.Ш.)»* [Завьялова 2003 б: 566 – 570].

Понятия речевого воздействия и речевого манипулирования часто можно найти в работах по языку СМИ, политическому дискурсу, психологии, социологии, психолингвистике, рекламе и другим смежным дисциплинам (см., например, [Горячев 2009; Казаков 2013; Кинцель 2013; Парасуцкая 2011; Пую 2008; Седов 2003б; Сковородников, Копнина 2012]).

Термины «речевое воздействие» и «речевое манипулирование» употребляются в работах взаимозаменяемо как синонимы. Хотя оба термина напрямую взаимосвязаны с проблемой таксономии упрека как языкового явления, для нашего исследования они представляются слишком общими и неэффективными в плане разработки критериев для отбора практического материала. Под «речевым воздействием» можно понимать вообще любой результат речевой деятельности, а «речевое манипулирование» несет в себе, согласно определению, обязательный элемент — «сокрытие манипулятором истинной цели воздействия на адресата» [Завьялова 2003 б: 566 – 570].

Опираясь на представленные определения словарей, можно сделать вывод, что упрек — это вид речевого воздействия, поскольку он, как и любая речевая деятельность, имеет некий результат, и несомненно упрек — это вид манипулирования, однако манипулирования психологического, а не речевого. В отличии от лингвистической «Культуры русской речи» [Завьялова 2003 б: 566 – 570] «Большой психологический словарь» определяет манипуляцию как коммуникативное воздействие, нацеленное на появление у объекта определенных мотивов, эмоций, стереотипов и стимулирующее у объекта поведение, желательное субъекту воздействия. *«При этом не предполагается, что оно обязательно должно быть невыгодным для объекта воздействия»* (выделено нами — Р.Ш.)» [Мещеряков 2003: 245].

Как мы считаем, отсутствие в упреке желания субъекта причинить вред объекту воздействия, скрыть от него истинные задачи своего воздействия является очевидным препятствием для использования понятия «речевая манипуляция» для таксономии упрека. Можно даже говорить о «контр-природе» упрека по отношению к речевой манипуляции. Упрекая, субъект высказывания «открывает душу», обнаруживает перед объектом упрека широкую гамму негативных чувств, свою «уязвленность», а следовательно, демонстрирует и свои истинные цели. У субъекта упрека нет намерения навредить объекту, нет сознательно разработанного плана высказывания, несущего ему ущерб. Таким образом, природа упрека диаметрально противоположна природе речевой манипуляции.

Что же касается психологической манипуляции¹⁷, главное ее отличие от речевой в том, что психологическая манипуляция большей частью бессознательна и не является осмысленным актом. Упрек, как и любой другой вид «речевой (словесной, языковой, вербальной, коммуникативной) агрессии» [Воронцова 2006], безусловно может быть соотнесен с психологической манипуляцией.

¹⁷ См. об этом в параграфе 1.7. «Психологические аспекты упрека»

1.5.3. «Упрек» как структурная единица речевой (вербальной, языковой, словесной, коммуникативной) агрессии

Речевая агрессия — термин, который часто используется в современной научной литературе по отношению к языковым феноменам, находящимся в фокусе нашего исследования (см., например, сборник научных статей «Агрессия в языке и речи» [Шаронов 2004], диссертация Т. А. Воронцовой на соискание ученой степени доктора филологических наук [Воронцова 2006], а также статьи [Автаева 2010; Егорова 2015; Седов 2003а, 2005а-б; Сидорова 2009; Черкасова 2011] и др.).

Понятие речевой (вербальной) агрессии пришло в лингвистику из психологии, где оно является подвидом агрессии как феномена в целом. «Большой психологический словарь» определяет агрессию как деструктивный образ действий, идущий в разрез с общественными нормами, сопровождающийся нанесением вреда или психологической травмы и вызывающий негативные эмоции [Мещеряков 2003: 16].

Влияние психологической концепции агрессии прослеживается в дефинициях речевой агрессии лингвистическими словарями. «Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник» определяет речевую (языковую, вербальную) агрессию как вид речевого воздействия, имеющий своей целью оскорбление или нанесение вреда. Объектом речевой агрессии могут быть отдельные люди, группа, общество в целом. При этом речевая агрессия, как правило, ассоциирована с общим агрессивным состоянием субъекта [Завьялова 2003а: 562 – 564].

Существуют множество психологических классификаций, описывающих агрессию, где речевая агрессия является одним из таксонов. Согласно статье «Агрессия» в «Большом психологическом словаре», выделяются следующие виды агрессии: физическая, *вербальная* (выделено нами — Р.Ш.), прямая, косвенная, инструментальная, враждебная, альтруистическая, аутоагрессия [Мещеряков 2003] (подробнее о видах агрессии в различных источниках см. у [Филиппова 2009]).

В лингвистической литературе (см., например, [Карякин 2009, Кошкарова 2009, Сидорова 2009]) и в работах смежных дисциплин (см., например, [Палагина

2016, Платонова 2006]) получила широкое распространение психологическая классификация агрессии по Арнольду Бассу [Buss 1957], в составе которой есть упоминание о речевой (вербальной) агрессии, а также подразделение этого таксона на отдельные подклассы, что, по всей видимости, и явилось причиной популярности этой классификации в лингвистических исследованиях, посвященных речевой агрессии. Первоначально классификация была использована Арнольдом Бассом для создания опросника по оценке различных видов враждебности. В поздних работах [Buss 1961, Buss 1971] психолог уточнил свое понимание этой классификации и положил в ее основание три оппозиции агрессии: физическая — вербальная, активная — пассивная и прямая — непрямая. Таблица 5. отражает видение Арнольда Басса.

Таблица 5 — Типы агрессии по Бассу

Тип агрессии	Примеры
Физическая – активная – прямая	Нанесение другому человеку ударов холодным оружием, избиение или ранение при помощи огнестрельного ранения
Физическая – активная – непрямая	Закладка мин – ловушек; сговор с наемным убийцей с целью уничтожения врага
Физическая – пассивная – прямая	Стремление физически не позволить другому человеку достичь желаемой цели или заняться желаемой деятельностью (например, сидячая демонстрация)
Физическая – пассивная – непрямая	Отказ от выполнения необходимых задач (например, отказ освободить территорию во время сидячей демонстрации)
Вербальная – активная – прямая	Словесное оскорбление или унижение другого человека
Вербальная – активная – непрямая	Распространение злостной клеветы или сплетен о другом человеке
Вербальная – пассивная – прямая	Отказ разговаривать с человеком, отвечать на его вопросы и т.д.
Вербальная – пассивная – непрямая	Отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения (например, отказ высказать в защиту человека, которого незаслуженно критикуют)
Цитируется по монографии [Бэрон, Ричардсон 2001: 29]	

Отголоски психологической типологизации агрессии Арнольда Басса отчетливо проглядывают как в лингвистических, так и психологических классификациях, которые посвящены непосредственно речевой агрессии. Это

хорошо заметно на примере классификации К. Ф. Седова в статье «Агрессия как вид речевого воздействия». см. Таблица 6.

Таблица 6 — Виды речевой агрессии по Седову

Виды речевой агрессии	Критерий дифференциации
Вербальная / невербальная	Способ знакового выражения
Прямая / непрямая	Степень косвенности речевого акта
Инструментальная/неинструментальная	Наличие/отсутствие дополнительных иллокуций
Инициативная / реактивная	Направленность речевого акта: нападение/защита
Активная / пассивная	Степень активности речевого акта
Непосредственная / опосредованная	Характер речевого контакта
Спонтанная / подготовленная	Своеобразие конструкции речепорождения
Эмоциональная / рациональная	Присутствие/отсутствие рационального начала
Сильная / слабая	По интенсивности воздействия
Враждебная / невраждебная	Наличие/отсутствие иллокуции враждебности
Цитируется по статье К. Ф. Седова «Агрессия как вид речевого воздействия» [Седов 2003а]	

В книге «Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления» Ю. В. Щербинина различает следующие виды речевой агрессии:

«1. По интенсивности, или степени выраженности:

— слабая («стертая») и сильная речевая агрессия;

2. По степени целенаправленности агрессивного высказывания и его осознанности говорящим:

— осознанная, целенаправленная (преднамеренная, инициативная) и неосознанная (осознанная недостаточно), нецеленаправленная (непреднамеренная, реактивная, оборонительная, защитная) речевая агрессия;

3. По характеру, способу выраженности:

— явная (открытая) и скрытая (неявная) речевая агрессия;

4. По отношению к объекту (адресату высказывания):

— «переходная» и «непереходная» речевая агрессия;

5. По числу участников ситуации:

— массовая и социально замкнутая (межличностная, групповая) речевая агрессия»

[Щербинина 2004].

Психологическое исследование Л. М. Семенюк «Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции» также содержит классификацию речевой агрессии:

- «1) многочисленные отпоры;
- 2) отрицательные отзывы и критические замечания;
- 3) выражение отрицательных эмоций, например, недовольства другими в форме брани, затаенной обиды, недоверия, ярости и ненависти, когда эти высказывания не служат для простого описания эмоционального состояния;
- 4) высказывания мыслей и желаний агрессивного содержания или в форме проклятия;
- 5) оскорбления;
- 6) угрозы, принуждения и вымогательства;
- 7) упреки и обвинения» [Семенюк 1998: 16].

Хотя в различных исследованиях предпринимаются попытки предложить классификации видов речевой агрессии и в этих классификациях обнаруживается упрек как один из таксонов или как подкласс в составе более крупной таксономической единицы, ни в одной из известных нам работ вопрос об упреке как структурной единице речевой агрессии отдельно не рассматривается. Объяснение этому, по всей видимости, следует искать в обобщенности и масштабности понятия речевой агрессии. Понимание агрессии в речи подобно взгляду сверху, максимально отстраненному, дающему возможность рассмотреть систему в целом, но не предполагающему внимание к отдельным элементам этой системы. Если взаимоотношения между терминами «речевая стратегия», «речевая тактика», «речевой жанр», «речевой акт» могут быть описаны с позиции абстрактного и конкретного уровня (см. Таблица 4), то понятие речевой агрессии находится за пределами этих взаимоотношений и более соотносимо с ними как фон, на котором эти взаимоотношения существуют.

Однако, совершенно очевидно, что независимо от того, понимать ли упрек как речевой жанр, как речевой акт или как речевую стратегию / тактику, он может быть также выделен как структурная единица речевой агрессии, что следует из

данных этимологических и толковых словарей о конфликтогенной природе упрека, а также из доминантной сущности установок субъекта упрека.

Следует также коснуться невероятного терминологического многообразия, когда речь идет о языковых феноменах, связанных с понятием «речевая агрессия». «В современной лингвистике такие словосочетания, как *речевая (словесная, языковая, вербальная, коммуникативная) агрессия, язык вражды, словесный экстремизм, дискурс ненависти*, стали почти терминологическими», — отмечает в своем исследовании Т. А. Воронцова [Воронцова 2006: 6-7]. Исследователь обращает внимание читателя на недифференцированный характер терминологии, широкую синонимию первого компонента («речевой — языковой — словесный — вербальный — коммуникативный» и т.д.) и вариативность второго («агрессия — агрессивность») в составе терминологического сочетания «речевая агрессия», а также возможность использования в тексте одной работы разных терминов для описываемого явления [Воронцова 2006: 47-48]. Т. А. Воронцова объясняет эту ситуацию стремлением авторов разграничить вербальную агрессию как психологический феномен и речевую агрессию как языковое средство для выражения вербальной агрессии. Исследователь считает, что это необходимо сделать, и настаивает на использовании в качестве лингвистического термина сочетания «речевая агрессия». Мы разделяем точку зрения Т. А. Воронцовой. Речь идет не о разных научных парадигмах (как, например, в случае речевых актов и речевых тактик), а о взаимозаменяемых терминах, описывающих один и тот же феномен, и наличие только одного термина позволит исключить терминологическую неопределенность. Однако главной причиной столь развитой синонимии является, на наш взгляд, удачный, интуитивно понятный термин, не требующий сложных научных дефиниций. Не надо быть лингвистом, чтобы догадаться, что значит «речевая», «вербальная», «словесная» и т.д. агрессия. Кроме того, по сравнению с описанными ранее терминами «речевой акт», «речевой жанр», «речевая стратегия», «речевая тактика», которые имеют многочисленные точки соприкосновения и, как следствие, большой потенциал для неоднозначного

толкования, понятие речевой агрессии относительно монолитно и не допускает столь многозначной интерпретации.

Таким образом, рассматривая понятие речевой агрессии применительно к упреку как языковому явлению, можно сделать следующие выводы:

1. Понятие «речевая агрессия» может быть использовано для классификации упрека. Уверено можно сказать, что упрек — это вид или структурная единица речевой агрессии. Такое определение является, по нашему мнению, во многом синонимичным дефиниции упрека как речевого жанра (упрек как вид / структурная единица речевой агрессии — упрек как речевой жанр). За счет разного генезиса терминов («жанр» — из литературоведения, изначально термин обозначал исторически и культурно сложившийся вид литературного произведения; «агрессия» — из психологии, термин называет доминантный деструктивный по своей природе способ поведения) они акцентируют внимание на разных аспектах явления — речевом и психологическом, представляя собой, по сути, классификационное деление на абстрактном уровне. В то же время сам термин «речевая агрессия», на наш взгляд, является всеобъемлющим, включает в себя абсолютно все неоднородные феномены, относящиеся к агрессии в речи, и представляется нам фоном, средой, в которой эти явления функционируют. Рисунок 6. отражает наше видение соотношения понятий «речевая агрессия», «речевой жанр», «речевой акт», «речевая стратегия», «речевая тактика».

2. Обращает на себя внимание отсутствие работ, где упрек не просто бы упоминался как вид речевой агрессии, но рассматривался исследователями именно в таком контексте. Не встречается термин «речевая агрессия» и синонимичные ему при дефиниции упрека в словарях разных типов. Можно предположить, что это связано с тем, что упрек как языковое явление не представляет научный интерес для исследователей, занимающихся речевой агрессией — в фокусе их внимания находятся более системные вопросы глобального плана, прежде всего, механизмы речевой агрессии, взаимоотношения речевой агрессии и сознания, а также иные проблемы, лежащие на стыке лингвистики, социологии, психологией и других смежных дисциплин.

Рисунок 6 — Соотношение понятий «речевая агрессия», «речевой жанр», «речевой акт», «речевая стратегия», «речевая тактика».

3. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что использование терминологического сочетания «упрек как вид / структурная единица речевой агрессии» не имеет теоретической или практической необходимости применительно к теме нашего исследования. С теоретической точки зрения, этот термин внесет в работу терминологическую неопределенность, с практической — не дает никакого преимущества для отбора материала исследования. В то же время применительно к нашей работе, термин «речевая агрессия» может быть использован в своем обобщающем значении, когда речь идет не об упреке как структурной единице, а о всех видах языковых феноменов, объединенных идеей речевого доминирования субъекта над объектом высказывания. Также термин «речевая агрессия», генетически происходя из «агрессии» — объекта изучения психологии — может быть использован в работе при описании психологических аспектов упрека как языкового явления.

1.6. Упрек: взаимоотношения субъекта и объекта

Р. О. Якобсон отмечал, что «две точки зрения — кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо разграничены» [Якобсон 1965: 400-401]. Взаимоотношения субъекта (адресанта) и объекта (адресата) высказывания¹⁸ являются частью контекста в широком понимании, изучаются в рамках различных лингвистических направлений и являются, на наш взгляд, одним из базовых критериев выделения упрека как языкового явления среди различных феноменов речевой агрессии. Проблема корреляции субъекта и объекта (субъектно-объектные отношения) — один из «вечных вопросов» философии, откуда он был заимствован психологией и социологией, а затем и лингвистикой. В лингвистике под влиянием философской традиции «активная» роль в высказывании обычно отводится субъекту, а «пассивная» объекту. Однако представители различных областей гуманитарного знания в последнее время все чаще указывают на возможность еще одного вида отношений — субъектно-субъектных [Граждан 2016: 370-378]. Лингвисты при описании субъектно-субъектных отношений обращаются к термину «межсубъектность» (англ. intersubjectivity), подчеркивая таким образом равную роль обоих участников высказывания [Traugott 2010]. Исследования упрека, основанные на идее «межсубъектности», имеют перспективу, поскольку дают возможность признать объект высказывания «вторичным» субъектом и анализировать его на равных основаниях с субъектом «классическим». Иными словами, в отличие от традиционного понимания субъектно-объектных отношений в упреке, где позиция субъекта высказывания признается активной, доминантной и односторонне направленной, а объекту упрека отводится пассивная роль «молчаливого» акцептора, концепция субъектно-субъектных отношений предполагает обоюдную активность (пусть и не всегда равнозначную). Появление у объекта высказывания

¹⁸ В качестве синонимов для терминологического сочетания «субъект высказывания» в научной литературе по упреку встречаются термины «говорящий» и «адресант»; для «объекта высказывания» также может быть использован термин «адресат». В нашей работе мы будем оперировать терминами «субъект» и «объект» высказывания — при цитировании авторская терминология будет сохранена.

потенциала к обратной реакции и рефлексии — неотъемлемых черт субъектности — делают возможным рассмотрение упрека как двунаправленного процесса (схожие выводы можно встретить в работах по социальной психологии, см., например, [Крысько 2006: 42]).

Таким образом, при определении упрека как языкового феномена, а также при интерпретации лексем «упрекать» и «упрек» исследователи регулярно обращаются к субъекту и объекту высказывания. Как уже было отмечено, рассмотрение позиций субъекта и объекта в современной лингвистической литературе обычно осуществляется в двух аспектах:

1. Учитывается роль субъекта, роль объекта признается пассивно-акцепторной;
2. Субъект и объект («вторичный» субъект) оцениваются в комплексном взаимодействии своих ролей в высказывании.

Несмотря на потенциал второго («межсубъектного») направления, в лингвистических работах, посвященных упреку, преобладает первый (субъектно-объектный) подход, декларирующий определяющую роль субъекта высказывания (Таблица 7. содержит выборку, иллюстрирующую данный тезис). Так, Ю. Д. Апресян и М. Я. Гловинская, комментируя синонимы глагола *упрекать*, обращаются к доминантной природе их субъектов: «Главное общее свойство действий *осуждать* и *порицать* состоит в том, что их субъекты считают себя свободными от тех недостатков, которые они видят у другого, и поэтому часто испытывают чувство морального превосходства над объектом» [Апресян, Гловинская 2003а: 729]. Сказанное, на наш взгляд, не является уникальной характеристикой действий *осуждать* и *порицать*, но применимо также и к упреку как языковому явлению. Приоритетность роли субъекта высказывания подчеркивает Л. П. Крысин, говоря об «асимметрии социальных ролей участников»: «...положение говорящего как «творца» речевого акта — особое. Все, что в высказывании относится к говорящему, его интенциям, оценкам и т. д., имеет в некотором смысле более высокий ранг, нежели то, что относится к личности слушающего или третьих лиц, к свойствам объекта речи или условий общения и т.

д.» [Крысин 1989: 147, 171]¹⁹. Разделяет эту точку зрения и Т. А. Воронцова, указывая на то, что в сфере речевой агрессии доминирующая роль отведена субъекту высказывания, объект воспринимается самим субъектом как «безвольный» акцептор, его роль установками субъекта сводится к пассивному восприятию [Воронцова 2006: 36]. Тезис о вторичной роли объекта в упреке подтверждается также примерами «риторических» упреков, где объект обвинения полностью элиминирован: «*Раньше все было иначе!*», «*Ну как так-то, как так?*» «*Да что же это делается-то?*» и т.д. И в то же время совершенно невозможно представить упрек, в котором отсутствует субъект высказывания.

Таблица 7 — Определяющая роль субъекта упрека в работах различных авторов

Взгляд	Работы
Доминантная роль субъекта во всех видах речевой агрессии	[Апресян, Гловинская 2003а: 729] [Воронцова 2006: 36] [Крысин 1989: 171]
Субъект высказывания транслирует объекту упрека свою эмоциональную «уязвленность», нежелательность ситуации для себя, наличие «обманутых ожиданий».	[Апресян 2003б: 683-687; Апресян, Гловинская 2003в: 1213-1219] [Стексова 2003: 728—729]
Субъект полагает, что объект упрека нарушил «соглашение», считает необходимым выразить отрицательную оценку действиям объекта для коррекции его поведения.	[Давыдова 2003: 10] [Стексова 2003: 728—729] [Каразия 2004б: 9] [Петрушина 2005: 74] [Журавлева 2007: 93] [Пугачева 2008: 139] [Акимова 2009: 65]
Иерархический статус субъекта (действительный или воображаемый) должен быть не ниже статуса объекта упрека.	[Апресян, Гловинская 2003в: 1213] [Давыдова 2003: 73] [Стексова 2003: 728—729] [Трофимова 2008: 272] [Винантова 2009: 78]

Второй («межсубъектный») подход к упреку как языковому явлению не нашел к настоящему моменту широкого распространения и представлен всего в

¹⁹ В цитируемой работе на странице 147 представлен список слов, приводимых Л. П. Крысиным в качестве примера «лексики межличностных отношений». Среди них отсутствует глагол «упрекать», но есть значительное количество глаголов, соотносимых с речевой агрессией, в частности, глаголы «грубить», «дерзить», «перечить», «пререкаться» и т. д., детально разобранные автором на протяжении главы. Учитывая очевидную близость семантических полей, мы считаем уместным относить глагол «упрекать» в рамках классификации Л. П. Крысина к лексике межличностных отношений.

нескольких исследованиях. В Таблице 8. приведены источники, в которых, по нашему мнению, можно увидеть реализацию этого подхода.

Таблица 8 — «Межсубъектный» подход к упреку в работах различных авторов

Взгляд	Работы
В высказывании, кроме субъекта упрека (упрекающего), существует «вторичный» субъект (интерпретатор), декодирующий упрек.	[Булыгина, Шмелев 1997: 405-425] [Федорова 2004: 106]
Представлена типология реакций «вторичного» субъекта на упрек: «согласие, аргументация, игнорирование, взаимный упрек, исправление, оправдание, извинение, вопрос, возражение, одергивание».	[Джандалиева 2008а: 23]
Представлены «четыре максимы» для «семантического типа неодобрения «упрек»»: «максима позитивного отношения, максима снижения негативной реакции, максима скрытого негативного отношения и максима открытого негативного отношения».	[Джандалиева 2008б: 78, 81-82]
Представлена типология реакций «вторичного» субъекта на упрек: 1. При «эффективной реализации тактики упрека»: согласие (включая невербальное), старание ослабить эмоции упрекающего, отрицание фактов, неприемлемых для упрекающего, отказ от сопротивления, полное подчинение требованиям упрекающего, самобичевание; 2. При «малоэффективной реализации тактики упрека»: уход от разговора, неявное несогласие, демонстративное безразличие в конфликтной ситуации; 3. При «неэффективной реализации тактики упрека»: аргументация в защиту своих действий, комментирование слов упрекающего, категорический отказ от подчинения требованиям упрекающего, нестандартные негативные реакции.	[Чернецкий 2015: 71]

Говоря о «межсубъектном» подходе к упреку, особо следует упомянуть точку зрения Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, высказанную ими в работе «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)». Рассматривая лексемы «упрекать», «упрек», «попрекать», «попрек» и их семантику как оценочные речевые акты, авторы вводят еще одного участника коммуникативной

ситуации — наблюдателя (интерпретатора). Действия интерпретатора описываются в монографии двумя стратегиями:

- «1. *de dicto*. Беспристрастное описание того, что было сказано или выражено в РА, максимально адекватная передача оценки субъекта РА;
2. *de re*. Собственная интерпретация РА, добавление своей оценки и предположения о непосредственно не выраженной в РА, но предполагаемой интерпретатором цели субъекта» [Булыгина, Шмелев 1997: 405-425].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев подчеркивают парадоксальность семантики упрека. С одной стороны, лишь сам субъект может знать свою коммуникативную цель, то есть только упрекающий в праве решать, является ли высказывание упреком. С другой — только «наблюдатель извне» может интерпретировать высказывание как упрек на основе своих предположений о внутреннем состоянии упрекающего. По мнению, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, «упрек и упрекнуть/упрекать — это не собственное имя РА, а одна из возможных интерпретаций» [Булыгина, Шмелев 1997: 420-421]. Авторы полагают, что есть два вида субъектно-объектных отношений в упреке:

- «1. субъект высказывания упрекает объект;
2. наблюдатель высказывания интерпретирует речевое поведение субъекта как упрек» [Булыгина, Шмелев 1997: 420-421].

В свете субъектно-субъектного подхода к упреку данный тезис представляет интерес и имеет большой потенциал для обсуждения.

Во-первых, следует обратить внимание на трудности разграничения лексем «упрек», «упрекать» и упрека как языкового явления, присутствующие в аргументации данного тезиса. На наш взгляд, невозможность провести четкую грань между ними — одна из характерных черт работ, где упрек рассматривается с позиций прагмалингвистики.

Во-вторых, фигура интерпретатора («вторичного» субъекта) представляется нам не самостоятельной единицей коммуникативной ситуации, а одной из трех модификаций объекта высказывания.

- 1) Интерпретатор — это сам прямой объект упрека, поскольку он безусловно является «истолкователем» высказывания, к нему обращенного.
- 2) Интерпретатор — это сторонние наблюдатели, которые, не являясь прямыми объектами данного упрека, все же способны его воспринимать, подобному тому, как фраза, обращенная к конкретному человеку, становится достоянием всех присутствующих в небольшой комнате. Люди, присутствующие при упреке, естественно могут его интерпретировать, как и вообще любое высказывание, обращенное не к ним, но произнесенное в их присутствии.
- 3) Интерпретатор — это «искусственный» сторонний наблюдатель, ученый-лингвист, рассматривающий упрек сквозь призму своих знаний о языке. По нашему мнению, в любой из представленных ипостасей мы имеем дело с объектом упрека в той или иной модификации, а следовательно, выделение отдельной фигуры интерпретатора может быть избыточно.

В-третьих, тезис, что только упрекающий в праве решать, является ли высказывание упреком, входит в противоречие с идеей интерпретации высказывания объектом, а также представляется спорным в свете многочисленных примеров существования в языке «ингерентных» упреков, способных функционировать вне всякого контекста (частным проявлением которого мы считаем субъектно-объектные отношения).

На наш взгляд, главной смысловозначительной характеристикой упрека, кардинально отличающей упрек от других языковых реалий, входящих в сферу речевой агрессии, является наличие транслируемого субъектом эмоционального компонента со значением «уязвленности». Именно эта «уязвленность» субъекта позволяет дифференцировать упрек от смежных языковых явлений таких, как обвинение, осуждение, порицание, укор и т.д. Подтверждают этот тезис и данные «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» Ю. Д. Апресяна:

1. Если *обвинять* и *винить* фокусируют внимание на объекте — человеке, на которого субъект возлагает ответственность за случившееся, то «...*упрекать* (выделено нами — Р. Ш.), *корить* и *укорять* фокусируют внимание на обидах или других душевных ранах субъекта, в которых, по его мнению, повинен адресат».

2. «...в случае *упрекать* (выделено нами — Р. Ш.) субъект чаще всего оценивает ситуацию как нежелательную лично для себя; все остальные синонимы могут представлять ситуацию как нежелательную и для субъекта, и для адресата, и для третьих лиц»
3. Глагол *упрекать* (выделено нами — Р. Ш.) передает «наличие обманутых ожиданий» субъекта
4. В случае *упрекать* (выделено нами — Р. Ш.), *укорять* и *корить* имеет место «эмоциональное переживание ситуации Р. субъектом»
5. «В случае *упрекать* (выделено нами — Р. Ш.), *укорять* и *корить* непосредственная цель состоит в том, чтобы адресат понял чувства субъекта и осознал, что поступил неправильно...»
6. Должны учитываться «статусы субъекта и адресата в возрастной или социальной иерархии».

[Апресян 2003б: 683-687; Апресян, Гловинская 2003в: 1213-1219].

Т. И. Стексова при определении упрека как речевого жанра также упоминает эмоциональную «уязвленность» субъекта как важный критерий: «Адресант <...> испытывает к адресату «отрицательно-эмоциональное, оценочное отношение» [Стексова 2003: 728 – 729].

Исходя из сказанного выше об определяющей роли субъекта в упреке, можно сделать два важных для отбора практического материала исследования вывода:

1. Для разграничения упрека и смежных языковых явлений первичную роль играет субъект высказывания. Объект упрека, как правило, выступает «не имеющим права голоса», пассивным участником высказывания. Объект упрека не обязательно должен быть прямым, он может отсутствовать, возможны различные модификации объекта.
2. Представляется абсолютно последовательной точка зрения Ю. Д. Апресяна, Т. А. Воронцовой, Т. И. Стексовой о природе чувств субъекта упрека. Субъект, упрекая, не переживает никаких рефлексий относительно своей правоты, осознанно или бессознательно считая себя истиной в последней инстанции, испытывает «праведный гнев», запускающий каскад негативных эмоций, которые

согласно рабочей гипотезе о двухкомпонентности упрека мы определяем в нашем исследовании как второй (помимо собственно обвинения) необходимый смысловой компонент упрека, а именно эмоциональную «уязвленность» действиями объекта. Чувства субъекта проявляются по-разному в зависимости от контекста упрека, однако неизменным остается состояние эмоциональной «уязвленности» субъекта, без которой упрек превращается в осуждение, порицание, обвинение, укор и т.д.

1.7. Психологические аспекты упрека

Отталкиваясь от классического представления, что речевая деятельность вторична по отношению к сознанию, мы вынуждены будем допустить, что любое высказывание (в том числе и упрек) является лишь средством выражения некоей бессознательной конструкции поведения. По аналогии с работами Карла Юнга начала – середины XX века [Юнг 1997, 2008, 2010] можно предположить, что существует архетип упрека, то есть модель «упрекающего» поведения, которая издревле существует в человеческом бессознательном и имеет какие-то свои проекции, проявляясь в определенном типе языковой личности и речевого поведения.

В то же время абсолютно закономерен вопрос, который ставит Т. А. Воронцова в своем исследовании: «Разумеется, психологическое понимание вербальной агрессии имеет прямое отношение к процессу коммуникации. Вопрос заключается в другом: можно ли экстраполировать те категории, которыми оперирует психология при изучении агрессии, на сферу собственно речевой коммуникации, и если можно, то в какой степени?» [Воронцова 2006: 20]. С одной стороны, невозможно отрицать перспективность синтеза психологии и лингвистики. Специальная отрасль языкознания — психолингвистика занимается вопросами, лежащими на стыке психологии и языка. Существует ряд исследований, посвященных изучению языковых феноменов, лежащих в фокусе нашего исследования, с точки зрения обеих дисциплин (см., например, [Горелов, Седов 2001, Кинцель 2013, Седов 2003а-б, 2005а-б]). Таблица 6., описывающая

виды речевой агрессии по К. Ф. Седову, является одним из примеров практических результатов психолингвистического подхода. Также интересна в связи с психологическими аспектами упрека книга Эрика Берна «Игры, в которые играют люди» [Берн 2016а]. Как уже было сказано выше, главное отличие психологической манипуляции от речевой в том, что психологическая манипуляция большей частью бессознательна и не является осмысленным актом. Эрик Берн рассматривает различные конструкции манипулятивного взаимодействия между людьми и, в частности, говорит о таких конструкциях «игр», как:

«Вот что я из-за тебя наделал»

«Всё из-за тебя»

«Посмотри, как я старался»

«Я только стараюсь вам помочь»

[Берн 2016а: 74, 89, 90, 125]

Использование конструкций для описания манипулятивного воздействия роднит психологическое исследование Эрика Берна с методами психолингвистики. Уже из названий конструкций очевидна их «упрекательная» природа, что подтверждается клиническими случаями, описанными Берном, где в «игре» одним из основных языковых средств манипуляции собеседником выступает упрек.

С другой стороны, вопрос о границе использования психологии для описания языковых явлений, как и вообще вопрос о «беспредельном расширении компетенции лингвистики» [Кибрик 1992: 20-21], остается открытым.

С большим интересом следя за работами в области психолингвистики, мы в нашем исследовании в соответствии с поставленными задачами будем стремиться по возможности дистанцироваться от психологизации взгляда на природу упрека как языкового явления, оставаясь в русле лингвистического подхода.

1.8. Попрек / попрекать, самоупрек и взаимоупрек как виды упрека

Совершенно очевидно, что вынесенные в заглавие параграфа языковые явления ближайшие родственники упрека. Тем не менее, в лингвистической

литературе — в фундаментальных трудах [Апресян 2003а; Булыгина, Шмелев 1997], кандидатских диссертациях [Давыдова 2003], научных статьях [Кожухова 2014; Кожухова, Валеева 2012; Лу 2016; Ляшенко 2015] — прослеживается единодушная мысль о необходимости разграничения этих понятий. Поэтому в существующих описаниях этих явлений незримо присутствует оппозиция «очень похожи, однако...». В первую очередь подчеркиваются различия, в то время как общие черты лишь упоминаются и воспринимаются как несущественные. Не отрицая характеристики, помогающие разграничить «упрек», «попрек», «самоупрек», «взаимоупрек» как смежные феномены, мы полагаем, что общего у этих явлений гораздо больше, чем частного, что позволяет говорить о том, что они части единого целого, нежели отдельные, слабо связанные между собой языковые явления. Основываясь на этой точке зрения, в нашем исследовании мы будем включать описываемые ниже феномены в состав семантического поля упрека, не делая специальный акцент на характерные черты, присущие каждому из них.

1.8.1. Попрек / попрекать

Самой главной чертой попрека, если говорить о его взаимодействии с понятиями «самоупрек» и «взаимоупрек», представляется то, что «попрек» является не только термином, но и полноправной лексемой, чье существование отражено во всех фундаментальных толковых словарях (см. ниже). Взаимоупрек и самоупрек противопоставлены в этом лексемам «*попрек*» и «*попрекать*», представляя собой термины, образованные путем словосложения с помощью префиксидов «взаим-», «сам-», соединительной гласной «о» и лексемы «*упрек*». Этим объясняется отсутствие лексем «самоупрек», «взаимоупрек» в толковых словарях, это же является причиной ключевого различия: «попрек» выступает в двух ролях — как лексическая единица, обозначающая соответствующую семантику, и как термин, описывающий эту семантику, в то время как «самоупрек» и «взаимоупрек», являясь изначально терминологией, воспринимаются уже на интуитивном уровне в качестве подклассов упрека как языкового явления.

Существующие в лингвистической литературе описания попрека и его взаимоотношений с упреком демонстрируют в общих чертах единогласие при выделении характеристик для разграничения этих явлений (см. Таблица 9.).

Таблица 9 — Характеристики разграничения «упрека» и «попрека»

Характеристика	Упрек	Попрек
Эмоциональный «накал»	Средняя степень выраженности	Высокая степень выраженности
Наличие реальных или представляемых субъектом прошлых благодеяний	Возможно, но не обязательно	Обязательно
Иерархический (реальный или представляемый) статус объекта	Статус объекта равен или ниже статуса субъекта высказывания	Статус объекта (значительно) ниже статуса субъекта высказывания
Объект находится в личной сфере субъекта	Возможно, но не обязательно	Как правило, да
Оценка стороннего наблюдателя	Возможны все варианты	Отрицательная
Возможность для объекта «исправить ошибку»	Да	Нет
Время «ошибки» объекта	Любое	Только прошедшее
По материалам [Булыгина, Шмелев 1997: 405-425] и [Апресян 2003б: 683-687; Апресян, Гловинская 2003а-в: 729-723, 989-995, 1213-1219]		

Толковые словари, напротив, рассматривают попрек как синоним упрека, используя в словарной статье лексемы «упрек». «упрекать» для трактовки лексического значения попрека.

[БАС 1960: 1314]

«ПОПРЁК, а, м. Разг. Придирчивое замечание с целью поставить в вину что-либо, упрекнуть в чем-либо.

ПОПРЕКАТЬ, а́ ю, а́ е ш ь, несов.; попрекнуть, н у́, н ё ш ь, сов.; перех. и неперех. Разг. Делать попреки; укорять, упрекать».

[МАС 1987: 297]

«ПОПРЁК, -а, м Разг Упрек, укор

ПОПРЕКА́ТЬ, -аю, - а е ш ь, несов перех, обычно чем (сов попрекнуть) Разг Делать упреки, попреки, ставить что-л в укор кому-л.; упрекать»

[Ожегов 2006: 563]

«ПОПРЁК, -а, м. Обидный упрек, укор. Вечные попреки.

ПОПРЕКАТЬ, -аю, -аешь; несов., кого (что). Делать кому-н. попреки за что-н., ставить что-н. кому-н. в укор».

[Ожегов 2010: 457]

«ПОПРЁК, -а, м. Замечание с целью упрекнуть в чём-н.. выговор за провинность.

ПОПРЕКАТЬ, -аю, -аешь; несов., кого-что чем. Делать кому-н. попреки за что-н., ставить что-н. кому-н. в укор».

[Бабенко 1999: 596]

«ПОПРЕКАТЬ, несов. (сов. *попрекнуть*), кого за что, в чем, чем. Разг. Относиться (отнестись) к кому-л. с неодобрением, выражая словесно свое неудовольствие; ставить (поставить) кому-л. что-л. в укор; *син.* корить, укорять, упрекать; *ант.* поощрять».

см. также [Даль 2006а: 299, Ефремова 2006, Шведова 2007: 524].

Как следует из данных словарей, попрек — это «обидный», «несправедливый», «придирчивый» упрек, цель которого укорить тем хорошим, что сделал для объекта субъект в прошлом. Высокий «накал» эмоционального компонента делает, на наш взгляд, попрек «сверхупреком», в котором особенно контрастно проявляются все черты упрека как языкового явления, и следовательно, ценным практическим материалом. Характеристики, отличающие попрек от упрека, не перевешивают общие для обоих феноменов черты и не являются, на наш взгляд, препятствием для понимания попрека в качестве особого вида упрека. Таким образом, деление на упрек и попрек не является смыслоразличительным для нашего исследования. Мы считаем, что эти два явления хранят в себе большего общего, чем частного, попрек как «сверхупрек» входит в семантическое поле упрека и будет в нашем исследовании рассмотрен в его составе.

1.8.2. Самоупрек

В лингвистической литературе все чаще встречаются работы, в которых присутствует упоминание об этом языковом феномене [Давыдова 2003; Кожухова 2014; Кожухова, Валеева 2012; Лу 2016; Ляшенко 2015]. Самоупрек попадает и в

сферу нашего исследования, так как является видом упрека. Ему, как и упреку, присущи два обязательных компонента — «обвинительная» часть и эмоциональный компонент с общим значением «уязвленности». Главная же характеристика, позволяющая выделять самоупрек как отдельный вид в составе упрека — это то, что в случае самоупрека субъект и объект упрека едины, что демонстрирует Таблица 10:

Таблица 10 — Самоупрек как вид упрека

объект упрека		
прямой	косвенный	возвратный
<i>Я тебе так верил, а ты!</i>	<i>За что мне все это!</i>	<i>Зачем я врал и трусил?</i>
объект известен	объект неизвестен	объект равен субъекту
«Классический» упрек: есть прямой объект, к которому обращается субъект высказывания.	«Риторический» упрек: объект высказывания является «нулевым» и существует только формально (например, судьба).	«Возвратный» упрек (самоупрек): упрек, обращенный к самому себе.

Как видно из Таблицы 10., характеристика, позволяющая разграничить упрек и самоупрек, не является препятствием для включения самоупрека в состав упрека в целом.

1.8.3. Взаимоупрек

Взаимоупрек как языковое явление лишь спорадически попадает в фокус внимания исследователей. Упоминание о нем мы встретили в кандидатской диссертации Т. А. Давыдовой [Давыдова 2003] и статье китайского исследователя Лу Тинтин [Лу 2016]. Объяснение этому следует искать, по всей видимости, в композитной природе взаимоупрека. По сути, минимальная структура взаимоупрека представляет собой два отдельных упрека, в которых субъект и объект по очереди зеркально меняются местами:

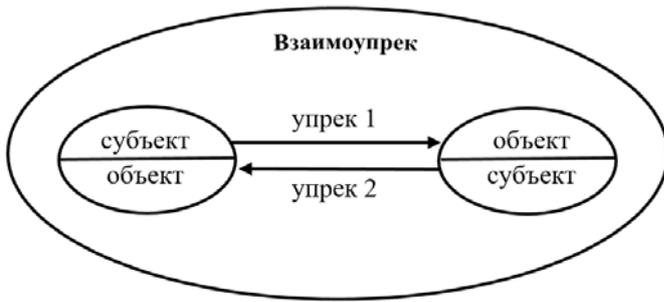

Рисунок 7 — Минимальная структура взаимоупрека

Как показывает Рисунок 7., взаимоупрек представляет из себя систему из двух и более отдельных упреков, объединенных чередованием ролей субъекта и объекта. В этой связи, представляется разумным говорить о взаимоупреке как о виде коммуникативной ситуации, в которой задействовано как минимум два оппозитных упрека, а не считать взаимоупрек отдельным явлением или особым типом упрека.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что попрек, самоупрек, взаимоупрек представляют собой близкородственные языковые явления, входящие в семантическое поле упрека, что позволяет включить их в сферу нашего исследования.

ВЫВОДЫ

Начиная работу над главой, мы поставили цель рассмотреть существующие на данный момент в лингвистике подходы к упреку и смежным языковым явлениям, выработать теоретическую базу исследования. Обобщая выше сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Подход современных исследований к упреку имеет выраженную синтетическую природу. Лингвисты рассматривают упрек в русле прагмалингвистического, психолингвистического, социолингвистического, литературоведческого, культурологического подходов. Усиление синтетической тенденции в исследованиях ведет к сокращению доли лингвистической составляющей и уменьшению внимания к формальной стороне упрека.

2. Упрек как языковое явление и лексемы, в той или иной мере связанные с семантическим полем упрека (прежде всего собственно «упрек» и «упрекать»), не тождественны. Безусловно, значение этих лексем несет в себе ценную информацию об упреке как феномене, но сами лексемы в сферу упрека не входят и средствами его выражения в русском языке обычно быть не могут.

3. Этимологические словари сообщают об изначально конфликтогенной природе упрека, а данные толковых словарей демонстрируют обвинительный характер явления. В совокупности, это указывает на «агрессивную» сущность явления и косвенно подтверждает рабочую гипотезу исследования об обязательной двухкомпонентности упрека.

4. Таксономически упрек как языковое явление может рассматриваться со следующих позиций:

- упрек как речевой акт
- упрек как речевой жанр
- упрек как речевая стратегия / тактика
- упрек как структурная единица речевой агрессии

Вопрос таксономии упрека и отграничения его от смежных языковых явлений (обвинение, укор, осуждение, порицание и т.д.) в настоящее время в лингвистике окончательно не решен. Во избежание таксономической неопределенности в

рамках нашего исследования мы будем дистанцироваться от идентификации упрека с позиций того или иного подхода, используя для отбора материала те ключевые характеристики явления, которые ставятся во главу угла во всех существующих подходах и признаются исследователями разных школ: контекст, коммуникативная цель, субъектно-объектные отношения.

5. К упреку как языковому явлению, на наш взгляд, не применимы термины «речевое воздействие» и «речевая манипуляция». «Речевое воздействие» — в широком смысле результат любой речевой деятельности, а не только упрека. «Речевая манипуляция» подразумевает спланированное, сознательное причинение вреда и сокрытие истинных целей субъекта, что не попадает в сферу упрека, базовыми чертами которого является спонтанность, открытость намерений и эмоциональная «уязвленность» субъекта. Однако, упрек может быть рассмотрен как манипуляция в контексте психологии.

6. Анализ психологических аспектов упрека дает возможность высказать гипотезу об архетипической природе упрека.

7. Попрек, самоупрек, взаимоупрек как языковые явления демонстрируют высокое генетическое родство с упреком, входят в сферу его семантического поля и будут рассматриваться нами при отборе и анализе практического материала для исследования в составе упрека.

Была поставлена задача на основе теоретической базы сформулировать критерии, которые будут использованы для отбора практического материала исследования. Под упреком мы будем понимать языковые явления, отвечающие следующим критериям:

Критерий № 1:

Двухкомпонентность упрека. Обязательное наличие эмоционального компонента. Упреком признается высказывание, содержащее обвинительную часть и эмоциональный компонент «уязвленность субъекта»

Критерий № 2:

Эмоциональный «накал» и сила воздействия.

При всех тождественных условиях упреком будет то высказывание, которое не имеет значения предельной силы / слабости эмоционального накала и воздействия.

Критерий № 3:

Считаем необходимым исключить из практического материала работы «контекстуальные» упреки («Периферия 2») ²⁰. «Контекстуальные» упреки не могут быть выделены как формальные средства выражения упрека из-за своей абсолютной зависимости от контекста, и следовательно не попадают в фокус нашего исследования.

Критерий № 4:

Взаимоотношения субъекта и объекта упрека.

На наш взгляд упреком является высказывание со следующими характеристиками:

- наличие субъекта обязательно, наличие объекта факультативно;
- роль субъекта первична и активна, роль объекта — вторична и пассивна;
- субъект доминирует над объектом, проявляя речевую агрессию и навязывая объекту свою волю;
- субъект ощущает моральное превосходство над объектом, испытывает «праведный гнев»;
- в стандартной ситуации упрека иерархический (социальный, возрастной и т.д.) статус субъекта выше (реально или в восприятии самого субъекта), чем статус объекта; статус субъекта может быть также равен статусу объекта, но не должен быть ниже его;
- субъект упрека обязательно находится в состоянии эмоциональной «уязвленности», испытывает широкую гамму негативных чувств;
- субъект упрека может считать, что связан с объектом некой конвенцией, которую объект сознательно нарушил, что и вызывает эмоциональную «уязвленность» субъекта;
- субъект может одновременно быть объектом своего упрека (самоупрек);

²⁰ См. Таблица 2. и Рисунок 1.

- субъект может указывать объекту на прошлые «благодетия», за которые объект отплатил «злом» (попрек);
- субъект, упрекая, осуществляет психологическую манипуляцию, пытаясь вызвать у объекта высказывания чувство вины;
- ответственность за интерпретацию упрека ложится на объект высказывания.

Критерий № 5:

Коммуникативная цель упрека

Из двухкомпонентности упрека следуют его 2 облигаторные цели:

- обвинить;
- выразить эмоциональную «уязвленность» и вызвать чувство вины.

Кроме того, упрек может содержать факультативные цели:

- коррекция поведения объекта высказывания;
- описание негативных характеристик объекта;
- описание предшествующих «благодетий» (попрек).

В заключение отметим, что в первой главе, посвященной теоретическим аспектам, мы сознательно отказались от создания авторского определения упрека, основанного на семантике феномена, сделав выбор в пользу критериев выделения языкового материала. Причины нашей позиции и аргументы в ее защиту были подробно изложены в самой главе, однако, поскольку формальное резюмирующее определение — это интуитивно ожидаемый атрибут теоретической части, являющейся фундаментом для последующих методологической и практической глав работы, здесь мы считаем необходимым еще раз вернуться к этому вопросу и конспективно суммировать наши тезисы:

1. Как отмечалось выше, существующий ныне дисбаланс в изучении упрека в сторону содержательной стороны, послужил причиной не только энциклопедичных по своей сути описаний семантики упрека, но и невероятного многообразия определений, данных в рамках различных подходов. Представляя собой ценный ресурс для анализа явления, раскрывая и описывая грани упрека, разноголосица дефиниций оказывает в то же время дурную услугу лингвисту своей вариативностью и неоднозначностью. Мы считаем нецелесообразным множить

плеяду существующих определений еще одним, авторским, или же пытаться отстоять авторитет одного из имеющихся, ввиду того, что отсутствие единогласия среди лингвистов имеет серьезные предпосылки — оно связано с субъективизмом семантического анализа конкретных реализаций упрека в языке. Сказанное наводит на мысль, что создание еще одного авторского определения упрека не решит проблему, а напротив — только усугубит ее.

2. Следует подчеркнуть, что анализ лексической семантики, контекста, экстралингвистических факторов и иных прагмалингвистических характеристик упрека имеет вспомогательную роль для нашего исследования. Вопрос «что есть упрек» не является центральным, в отличие от прагмалингвистических работ по упреку, созданных в последние десятилетия. Цель нашего исследования — доказательство существования в языке «ингерентных» упреков и визуализация формальных средств их выражения корпусными инструментами. Обращение к формальной стороне феномена нивелирует необходимость однопланового определения упрека и, напротив, ставит серьезный акцент на разработке конкретных теоретических критериев отбора языкового материала.

3. Как было продемонстрировано выше, разные интерпретаторы упрека могут трактовать одни и те же высказывания неодинаково — как соотнося их с упреком, так и воспринимая их в качестве обвинения или другого явления речевой агрессии²¹. Однако, в основе толкования всегда лежат три базовые характеристики, признаваемые при анализе упрека подавляющим большинством современных лингвистов, — контекст, коммуникативная цель и субъектно-объектные отношения. Мы верим, что эти характеристики вкупе с выработанными в первой главе теоретическими критериями упрека образуют надежный фундамент последующих методологической и практической частей исследования.

²¹ «Семантическое значение слова — сложное явление, особенно для эмпирического анализа, который в идеале должен использовать «объективные», т. е. наблюдаемые меры» [Ляшевская 2016: 382]

ГЛАВА 2. Методологические аспекты корпусного поиска формальных средств выражения упрека

2.1. Структура методологической базы исследования

Данная глава последовательно продолжает решение первоочередной задачи исследования — поиск и выделение принципов, на основе которых возможен отбор формальных средств выражения упрека в русском языке.

Теоретические критерии, сформулированные в первой главе, позволяют выделить упрек как языковой феномен и обозначить границы изучаемого явления. Однако практическая работа с корпусом представляется невозможной без дальнейшей формализации — выделения конкретных методов (инструментов, приемов) поиска.

Центральная методологическая проблема исследования имеет в своей основе следующий вопрос: «Как осуществлять непосредственный поиск в корпусе, какие конкретные инструменты позволят с максимальной эффективностью выявить формальные средства выражения упрека в НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]?» Ответ, на наш взгляд, должен выглядеть как следующий алгоритм:

- переход от теоретического анализа феноменов, входящих в сферу упрека, к выявлению конкретных маркеров и конструкций упрека;
- оценка и изучение ключевых факторов, оказывающих влияние на поиск формальных средств выражения упрека при непосредственной работе с корпусом;
- анализ уже имеющихся работ, в которых осуществлены попытки представить классификации упрека²²;
- создание экспериментального списка потенциальных конструкций упрека;
- апробация списка на базе корпуса с целью «визуализации» формальных средств выражения упрека;

²² Виды, классы, структуры, примеры, «бирки и реплики-клише» [Федорова 2004: 123] упрека, которые могут быть найдены в предшествующих работах, разнообразны по своему контенту и основаниям, положенным в ядро классификаций, и представляют большой интерес в плане создания списка потенциальных конструкций для корпусного поиска формальных средств выражения упрека.

— представление полученных результатов корпусного исследования.

Базой описываемого алгоритма должна служить, на наш взгляд, следующая методологическая «триада»: принципы грамматики конструкций (1), «классическое» представление о языковой форме (2) и инструментарий корпусной лингвистики (3).

1. Представление об «ингерентных» упреках как о дискурсивных воплощениях абстрактных конструкций предполагает обращение к понятийному аппарату грамматики конструкций (англ. «construction grammar»). Мы понимаем термин «конструкция» в контексте классических работ Адель Голдберг [Goldberg 1995, 2003, 2006] и Чарльза Филлмора [Fillmore 1985, 1988]²³. На русском языке наиболее, на наш взгляд, удачное раскрытие понятия «конструкция» встречено нами в монографии под ред. Е. В. Рахилиной «Лингвистика конструкций» [Рахилина 2010: 18 - 75]. Подобно многим лингвистам, мы полностью разделяем взгляд на язык как сложное взаимодействие разнообразных конструкций между собой, а не набор отдельных лексем, и видим в грамматике конструкций эффективный инструмент дискурсивного анализа (см. об этом [Рахилина, Плунгян 2009: 48]. Один из провозглашенных Адель Голдберг принципов грамматики конструкций — «То, что можно увидеть, и есть то, что существует» (англ. «What you see is what you get» [Goldberg, 2003: 219]) — открывает возможность «визуализировать» абстрактные конструкции, реализующиеся в виде «ингерентных» упреков в языке на основе ключевых характеристик формальных средств (системности, обязательности и регулярности).

2. Лингвистически понятие языковой формы, беря свои истоки в аристотелевской традиции, тесно связано с классическими трудами Г. О. Винокура, Л. Ельмслева, Ф. де Соссюра, Ф. Ф. Фортунатова, Р. О. Jakobsona и др. Описывая научную эволюцию понятия, Т. В. Булыгина и С. А. Крылов в словарной статье «Форма в языкознании» («Языкознание. Большой энциклопедический словарь») указывают, что «значения термина «Ф.» на первый взгляд не имеют между собой ничего

²³ См. также [Fillmore, Kay 1988, 1992]

общего или даже противоречат одно другому», но в то же время «понятие грамматич. Ф. совместимо как с представлением о видоизменении нек-рой сущности, так и с представлением об организующей функции Ф.»²⁴ [Булыгина, Крылов 1998: 557-558]. Отсюда следует, что лингвистическое восприятие языковой формы вне зависимости от научного направления неизменно сопровождается «классическим» представлением об ее системности, обязательности и регулярности²⁵ как главных критериях. В этом ключе, «формальные средства» — это системные языковые инструменты — те, что традиционно ассоциированы с грамматикой. Мы же, по аналогии с грамматическими средствами, говоря о «формальных средствах упрека», будем иметь в виду тезис о существовании абстрактных конструкций, обнаруживающих себя в языке в виде конкретных реализаций. Способность таких конструкций выражать «ингерентные» упреки без опоры на прагматическое содержание предполагает наличие системности, обязательности и регулярности — главных критериев формальных средств. Допущение о существовании формальных средств выражения упрека в русском языке обязывает нас сделать следующий шаг — обратиться к поиску и сбору доказательной базы этого утверждения. В случае системных грамматических средств анализ их существования в языке не требует от исследователя специального инструментария. Встречаемость грамматических явлений в языке столь высока, что метод прямого наблюдения при сборе информации о системных средствах языка оказывается в полной мере эффективным. Ситуация с формальными средствами упрека диаметрально противоположна — в этом случае метод прямого наблюдения не может быть признан продуктивным, поскольку упрек как явление неизмеримо реже встречается в языке по сравнению с грамматическими средствами. «Визуализация» в языке «ингерентных» упреков предполагает охват значительных массивов языкового материала, что не может быть эффективно осуществлено вне инструментов корпусной лингвистики.

²⁴ Сохранено оригинальное оформление источника

²⁵ См. об этом также [Петрухина 2009: 29-32]

3. Значительный потенциал исследований, базирующихся на сопряжении принципов грамматики конструкций и функционала корпусной лингвистики, едва ли оспорим. С момента выхода новаторской статьи Анатоля Стефановича и Стефана Гриса «Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions» [Stefanowitsch, Gries 2003] авторы многих исследований с успехом обращались к корпусу как эффективному инструменту при работе с конструкциями (см., например, [Ли 2014; Петрухина, Юйе 2019]). Целесообразным видится использование этого подхода также и в нашем исследовании. Структура конструкций упрека отличается высокой гетерогенностью — в их состав могут входить единицы не только лексического, но также грамматического, синтаксического и иных уровней языка. Как отмечалось выше, выделение подобных структур в дискурсивном «потоке» методом прямого наблюдения представляется практически не осуществимым или, по крайней мере, малоэффективным, учитывая низкую «концентрацию» упрека в языке и следовательно широчайший охват исследуемого материала. Однако функционал поисковой машины НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] делает возможным выявление «ингерентных» упреков посредством генерации запросов, которые сочетают в своем составе лексические, семантические, грамматические и иные характеристики и тем самым полностью воспроизводят негомогенную структуру исследуемых конструкций.

Итак, практическая часть исследования имеет основанием описанную методологическую «триаду» и подразделяется на два этапа: этап предварительного сбора материала (1) и этап корпусного поиска (2).

1. На этапе предварительного сбора материала, исходя из понимания «ингерентных» упреков в рамках идейной парадигмы грамматики конструкций, исследователь формирует список потенциальных конструкций упрека. Список имеет субъективную и экспериментальную природу.

2. На этапе корпусного поиска производится апробация списка. Исследуется «реакция» массивов корпусных данных на ввод потенциальной конструкции в виде поискового запроса. Под «реакцией корпуса» понимается прежде всего процентное

содержание упрека в результатах выдачи. Исходя из «классического» представления о формальных средствах как облигаторно обладающих системностью, обязательностью и регулярностью, мы принимаем тезис о 90% статистическом пороге²⁶ для «ингерентных» упреков. Потенциальная конструкция упрека, которая при вводе в поиск корпуса инициирует «реакцию» в виде выдачи, состоящей из упреков более, чем на 90%, демонстрирует, по нашему мнению, системность, обязательность и регулярность, что является основанием отнести ее к формальным средствам выражения упрека. Статистический порог в 90%, положенный нами в основу метода, имеет условный характер; его задача — отразить системность, обязательность и регулярность конструкций упрека, без претензии на строгую математическую достоверность. Отметим, что, эмпиризм, «здравый смысл» и «практическая значимость» при установке критерия являются стандартными основаниями в статистике: «Вопрос о том, может ли эта схема исследования использоваться в каждом конкретном случае, решается не при помощи математических навыков у исследователя, а на основе ясного представления о способности этой схемы дать правильный ответ на исследуемый вопрос» [Фишер, 1958: 23]

Таким образом, содержание второй главы исследования сводится к ответу на вопрос «Что именно и как должно быть введено в строку поиска корпуса, чтобы получить максимально эффективную «ответную реакцию» в виде выдачи формальных средств выражения упрека?»

2.2. Маркеры и формальные средства упрека

Как отмечалось выше, «визуализация» формальных средств выражения упрека инструментами корпуса подразумевает создание экспериментального списка конструкций, которые могут быть преобразованы в «язык» корпусных запросов. Условия формирования этого списка в значительной мере диктуются рядом факторов, связанных с субъективной природой начала научного поиска в

²⁶ Статистический термин, отражающий минимальное значение каких-либо показателей, ниже которого их учет не ведется [Габелко 2013: 725].

целом и дискурсивного анализа в частности²⁷. Однако энтропийный интуитивизм этапа предварительного сбора материала может быть отчасти преодолен с помощью системного явления, которое в течение последних десятилетий регистрируется в виде разнообразных терминов лингвистами, занимающимися исследованиями дискурса. «Коллексемы» (англ. — «collexemes»), вероятно, следует считать первой успешной попыткой описания этого феномена: «lexemes that are attracted to a particular construction» (англ. — «лексемы, тяготеющие к определенной конструкции») [Stefanowitsch, Gries 2003: 215]. Сюда же следует отнести, на наш взгляд, термины «маркеры на «поверхности» речи» [Иссерс 2008: 133]), «дискурсивные маркеры» [Мухортов, Краснова 2016: 120; Царенко, Шустова 2018: 102; Шилихина 2015: 120], «ключевые фразы или текстовые маркеры» [Дементьев, Степанова 2016: 57]. Описываемый феномен играет в нашей работе важную роль, помогая в определенной мере нейтрализовать субъективизм этапа предварительного сбора материала. Во избежание терминологической неопределенности, мы, говоря о корпусном поиске формальных средств выражения упрека, будем использовать для названного явления термин «*маркер упрека*».

Конструкции упрека представляют собой структуры абстрактного уровня языка и «неуловимы» для взгляда исследователя, который может наблюдать их лишь опосредованно, путем выявления их дискурсивных воплощений. В этой связи на первый план выходит вопрос «Как в дискурсивном «поток» обнаружить признаки реализации такой конструкции?». Ответом на этот вопрос и являются, по нашему мнению, маркеры упрека — своеобразные «сигналы» возможного существования упрека в изучаемом локусе дискурса²⁸. Работая с языковым материалом, исследователь — носитель языка — способен *уловить* не конструкции

²⁷ Подробнее об этом см. Параграф 2.3. Фактор интуиции: проблема «первого шага» корпусного поиска формальных средств выражения упрека.

²⁸ Здесь кажется уместным процитировать убедительную метафору, встреченную нами в монографии О. Н. Ляшевской «Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка»: «Подобно тому как можно судить о форме и структуре поверхности объекта по тени, которую отбрасывает этот объект, компьютерные лингвисты судят о семантике лексики. Они говорят: «Мы не знаем, что такое значение, но можем предположить, что присутствие тех или иных словоформ в контексте или их конфигураций соотносится с определенным типом значения» [Ляшевская 2016: 261].

в их «идеальной сущности», но некие «сигнальные отрезки» дискурса, лишенные системности, характерной для конструкций, но способные быть маркерами их существования. Примечательно также то, что сами маркеры, в большинстве случаев не являясь синтаксически и семантически автономными и будучи нередко гетерогенными по своему составу, в отличие от конструкций обычно не передают упрек самостоятельно, а лишь только сигнализируют о возможности его нахождения в данном локусе дискурса. Понимание маркера упрека в таком ключе заимствовано нами из медицины.

В медицине маркер — это вещество, ген, состояние — любой знак, позволяющий диагностировать определенное расстройство. Притом, как и в случае с дискурсивными маркерами упрека связь между медицинским маркером и самим расстройством не линейная, а опосредованная, то есть сам маркер может не иметь прямого отношения к заболеванию (иктеричность склер глаз является маркером повреждения печени, но сама никакого влияния на печень не оказывает). В тоже время, медицинский маркер совсем не гарантирует 100% диагностику заболевания, а лишь сообщает о его *потенциальной возможности*. Например, онкомаркеры — специфические белки, выделяемые опухолями разных видов. В норме в небольшом количестве эти белки существуют в теле человека, и только их резкое и значительное повышение может свидетельствовать о наличии у пациента определенного типа рака. Впрочем, иногда случается так, что уровень белков-онкомаркеров резко повысился по какой-то другой, не связанной с раком причине, в этом случае говорят о «ложноположительном маркере» или «ложноположительном срабатывании». Этим свойством медицинского маркера показывать потенциал, а не стопроцентно гарантированную истину обладают, по нашему мнению, и маркеры упрека. Это означает, что некоторые отдельные единицы и «отрезки» дискурса более специфичны и ожидаемы в упреке, чем другие, и именно их мы будем называть маркерами. Чем выше частотность, с

которой маркер появляется именно в упреке (специфичность к упреку)²⁹, тем больше «диагностическая ценность» такого маркера.

Маркеры неравноправны в своей способности служить сигналами упрека. Условно можно говорить о двух группах, которые обозначены в нашей работе как маркеры *1-го приближения* и маркеры *2-го приближения*. В основание этой классификации положено субъективное представление исследователя об уровне «диагностической ценности» маркера упрека.

Маркеры 1-го приближения представляют собой, по сути, лишь намек на потенциальную возможность упрека, с большой вероятностью ложноположительного срабатывания. К таким маркерам мы относим слова и словосочетания, которые благодаря своей семантике в большой мере, чем другие, «предрасположены» к использованию в упреке. Лексема «зря» имеет значения:

[БАС 1955: 1343]

«ЗРЯ, нареч. Разг.

Попусту, напрасно, без надобности».

[МАС 1985: 623]

«ЗРЯ, нареч. Разг.

1. Не достигая цели, без пользы, без результата

2. Без достаточных, серьезных оснований, без необходимости, без надобности»

При вводе лексемы «зря» в поисковую строку основного корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] выдача составила 4955 документов, 12854 вхождения³⁰. Очевидно, что выдача по одной лексеме сама по себе не должна быть репрезентативной — даже при самой предварительной оценке не менее половины примеров окажутся ложноположительными для упрека. Вместе с тем, выделение этой лексемы в ходе

²⁹ Здесь и далее в работе сочетание «специфичность к упреку» используется нами по аналогии с терминологическим аппаратом медицинской статистики, где «под *специфичностью* понимают вероятность того, что здоровый будет классифицирован как здоровый» [Альбом, Норелл 1996: 36]. Поскольку нас интересуют именно «здоровые» — высказывания, входящие в семантическое поле упрека, — сопутствующий термин «чувствительность» — «вероятность того, что больной будет классифицирован как больной» [Альбом, Норелл 1996: 36] в работе использован не будет.

³⁰ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

дискурсивного анализа указывает на возможное наличие упрека, что, в свою очередь, говорит о ее маркерном потенциале: «— *Тела вот много вы тут накопили на шоколадах-мармеладах да на фруктах, но вот насчёт совести... Зря фрицевские виселицы спалили, зря!*» [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]. По аналогии с тем, как в медицине лейкоцитоз (повышение уровня лейкоцитов в клиническом анализе крови) служит для врача основанием «онкологической настороженности» (рак — не единственная возможная причина лейкоцитоза), маркер 1-го приближения лексема «зря» служит для исследователя основанием «заподозрить» существование формального средства выражения упрека в данном локусе дискурса. Впрочем, количество результатов вне семантики упрека будет также значительным: «*Чтобы охолодить зря раскатавших губу на нефтяную ренту избирателей, Шахновский поделился таким откровением: рента — это то же, что и "золото партии"*». [Иван-дурак и миллиардер Шахновский // «Завтра», 2003.08.22].

Как видно из рассмотренных примеров, маркеры 1-го приближения служат инструментом этапа предварительного сбора материала, а само их выявление может косвенно свидетельствовать о присутствии в изучаемом локусе дискурса «ингерентных» упреков.

Маркеры 2-го приближения представляют собой уже гораздо более специфичные для упрека дискурсивные сигналы. Продолжая аналогию с медицинскими маркерами, можно сказать, что, если небольшое повышение лейкоцитов в крови более 9×10^9 клеток/литр говорит всего лишь о лейкоцитозе любой этиологии, то сверхвысокие цифры (более 20×10^9 клеток/литр) гораздо с большей вероятностью указывают именно на онкологию. Подобно этому, маркер 2-го приближения «зря + личное местоимение, Им. п.» (зря на расстоянии от -1 до 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & nom r:pers), 1348 документов, 2298 вхождений³¹ в основном корпусе НКРЯ, является более точным сигналом о возможном наличии упрека в языке, нежели просто лексема «зря»: «— *Галя, —*

³¹ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

говору, — *зря ты так... Не надо, я вчера вёл себя как свинья...*» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]. Как и в случае с сверхвысокими цифрами лейкоцитоза, вероятность ложноположительного срабатывания все же остается: «*И те люди обычные люди, а может, не совсем обычные, не зря же мы к ним ездим*» [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].

Анализ результатов по маркеру 2-го приближения «*зря + личное местоимение, Им. п.*» позволяет выявить определенную закономерность: примеры, содержащие в своем составе личное местоимение 2 лица, в подавляющем количестве случаев попадают в семантическое поле упрека независимо от контекста. Согласно методологии нашего исследования, следующим шагом в подобной ситуации является переход непосредственно к этапу корпусного поиска, что позволит оценить потенциал конструкции «*зря + личное местоимение 2 лица, Им. п.*» (*зря* на расстоянии от -1 до 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & nom & 2p r:pers) в качестве формального средства выражения упрека. Ввод конструкции в основной корпус НКРЯ дал следующие результаты: 660 документов, 961 вхождение, из них 28 вне семантического поля упрека³². Полученные данные означают, что конструкция прошла статистический порог, установленный исследованием для формальных средств выражения упрека (специфичность к упреку более 90%; у конструкции — 97%), что является основанием отнести ее к формальным средствам выражения упрека в русском языке.

Как следует из вышесказанного, в качестве формального средства выражения упрека в полной мере может выступать лишь конструкция, имеющая системную природу. Например, конструкция «*я + круглое число + «раз» + глагол речи*» представляет собой уже не маркер, а формальное средство выражения упрека, способное передавать его вне контекста («*Я сто раз говорил!*»). Процедура корпусного поиска, ведущая к этому выводу, рассмотрена ниже.

Ввод в лексико-грамматический поиск основного корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]

³² Статистика актуальна на ноябрь 2020.

сочетания «числительное + *раз*» (NUM на расстоянии 1 от **раз gen**) предоставил в распоряжение исследователя 22791 документ, 91980 вхождений³³. Как и в примере с наречием «зря», такая выдача не может быть показательной для упрека, так как маркером 2-го приближения в данном случае являются не любые сочетания числительных с существительным «раз», а только содержащие круглые числа, способные выразить негативные эмоции субъекта упрека за счет гиперболизации количественной характеристики действия. Однако эта выдача очерчивает верхнюю границу и позволяет перейти к дальнейшему корпусному поиску. Сузить выдачу можно, ограничив числительные в искомом сочетании только порядковыми и количественными «количественное / порядковое числительное + *раз*» (NUM | ANUM r:card | t:ord на расстоянии 1 от **раз gen**) — 11651 документ, 39919 вхождений³⁴ в основном корпусе. Следующим способом повышения специфичности выдачи будет расширение границ маркера путем ввода еще одного компонента — местоимения «я»: «я + количественное / порядковое числительное + *раз*». Выдача составит 517 документов, 619 вхождений³⁵ (**я nom** на расстоянии 1 от NUM | ANUM r:card | t:ord на расстоянии 1 от **раз gen**). «Ручной» просмотр такого количества результатов для отсеивания формальных средств выражения упрека уже физически возможен. Однако в сочетании с «раз» нас интересуют только круглые числа, а не числительные вообще. Установка ограничения для числительных по критерию «круглые числа» в НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] не предусмотрена, поэтому следующим шагом будет ввод в лексико-грамматический поиск основного корпуса предполагаемой конструкции упрека без критерия «круглые числа»: «я + количественное / порядковое числительное + *раз* + глагол речи» — 25 документов, 25 вхождений³⁶ (**я nom** на расстоянии 1 от NUM | ANUM r:card | t:ord на расстоянии 1 от **раз gen** на расстоянии 1 от V t:speech). Не все результаты этой выдачи оказываются «ингерентными» упреками, поскольку порядковые числительные,

³³ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

³⁴ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

³⁵ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

³⁶ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

включенные в условия поиска, вместо ожидаемых вариантов упрека «*Я сотый раз повторяю!*», дали варианты типа «*В ее присутствии я второй раз произнес слово «дядя»*» [Анатолий Алексин. Сигнальщики и горнисты (1985)]. Убрав из условий порядковые числительные — «я + количественное числительное + *раз* + глагол речи» (я пом на расстоянии 1 от NUM | ANUM r:card на расстоянии 1 от **раз** gen на расстоянии 1 от V t:speech), мы получим 19 документов, 19 вхождений³⁷ для основного корпуса. Все результаты выдачи могут быть отнесены к «ингерентным» упрекам. 18 из них удовлетворяют критерию «круглые числа», 1 результат «*Я пять раз вызывала аварийку и они говорят, что я должна сама плитку купить и тогда они приедут и мне ее бесплатно подключат*» [Разговоры с Верой Ивановной // «Профессионал», 1998.07.01] фактически выражает то же значение, что и круглые числа, — «слишком много + напрасно = упрек». Поиск конструкции по остальным релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] даст в совокупности еще 9 дополнительных вхождений³⁸. Подавляющее число из них также является «ингерентными» упреками, однако обращают на себя внимания 2 примера, найденные в газетном и устном корпусах: «*Я восемь раз беседовал с папой с глазу на глаз*» [Надежда Попова. Экс-президент Польши В. Ярузельский: «Меня хотят посадить на восемь лет» // Известия, 2006.04.04] и «*...а ведь только за первый год жизни твоей, я семь раз сказал, что ты умрешь*» [О.Б. Сиротинина. Беседы с О.Б. Сиротининой (2008) // Из коллекции Саратовского университета]. Очевидно, что эти предложения не являются упреками, хотя и входят в состав выдачи на конструкцию. Появление этих примеров в выдаче мотивировано условиями конструкции: «восемь» и «семь» — количественные числительные. Отметим, однако, что числительные «восемь» и «семь» не воспринимаются сознанием носителя русского языка в гиперболизированном ключе «очень много» и, следовательно, не могут участвовать в оформлении упрека, то есть причина, по которой эти примеры, на наш взгляд, непоказательны, имеет чисто инструментальный характер. Как было упомянуто

³⁷ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

³⁸ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

выше, для реализации «ингерентного» упрека в этой конструкции нужны не просто количественные числительные, а круглые числа, гиперболизирующие количество действий. Появление в лексико-грамматическом поиске НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] параметра отбора количественных числительных по критерию «круглые числа» механически устранил эти примеры из выдачи. Любопытно также, что пример «...а ведь только за первый год жизни твоей, я семь раз сказал, что ты умрешь» [О.Б. Сиротинина. Беседы с О.Б. Сиротининой (2008) // Из коллекции Саратовского университета] поднимает еще один важный вопрос исследования — субъективная интерпретация исследователем полученных данных³⁹. Подобный пример может быть понят не только как констатив «Я делал это семь раз», но и как самоупрек «Зачем же я так делал?».

Таким образом, мы полагаем, что конструкция «я + круглое число + «раз» + глагол речи» является формальным средством выражения упрека в русском языке (специфичность к упреку 92,8%). Данные корпусного поиска свидетельствуют, что воплощения этой конструкции в русском языке представляют собой «ингерентные» упреки, выраженные формально, без вовлечения контекста. Представленная процедура (см. Рисунок 8) служит, по нашему мнению, примером общего метода выявления формальных средств выражения упрека в русском языке посредством корпусного поиска.

Вопрос о том, где проходит грань между высокоспецифичным маркером упрека и формальным средством, выражающим упрек в языке, является для нашей работы одним из центральных и должен, по нашему мнению, рассматриваться в следующем ключе.

Природа высокоспецифичных маркеров дуалистична. С одной стороны, количество «ингерентных» упреков в выдаче на корпусный запрос с высокоспецифичным маркером может достигать условных 100%, что поднимает проблему разграничения таких маркеров и потенциальных конструкций —

³⁹ См. об этом в параграфе 2.4. «Фактор интерпретации: проблема «последнего шага», допуски и погрешности корпусного поиска формальных средств выражения упрека»

формальных средств выражения упрека. С другой — маркер не имеет системной природы: независимо от степени своего приближения и связи с контекстом маркер представляет собой интуитивно и эмпирически извлеченный из дискурса «сигнальный отрезок», часто состоящий из не связанных между собой синтаксически элементов, что не допускает восприятие маркера как формального средства выражения упрека.

Ввод	Результат
«числительное + <i>раз</i> »	22791 документ, 91980 вхождений
«количественное / порядковое числительное + <i>раз</i> »	11651 документ, 39919 вхождений
«я + количественное / порядковое числительное + <i>раз</i> »	517 документов, 619 вхождений
«я + количественное / порядковое числительное + <i>раз</i> + глагол речи»	25 документов, 25 вхождений
«я + количественное числительное + <i>раз</i> + глагол речи»	19 документов, 19 вхождений

На материале основного корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]

Рисунок 8 — Процедура лексико-грамматического поиска формальных средств выражения упрека на материале конструкции «я + круглое число + «раз» + глагол речи».

Маркер — инструмент, позволяющий «спрогнозировать» потенциальную конструкцию упрека, которая, будучи преобразованной в поисковый запрос корпуса, даст возможность получить «ответную реакцию» в виде выдачи, содержащей в себе «ингерентные» упреки. Маркер существует физически, «осознаем» — и с этой точки зрения формален, подобно средству выражения упрека.

Маркер — нечто, что есть в языке и имеет свою форму. Однако, несмотря на это, маркер категорически нельзя отнести к объективным единицам — по механизму своего выявления маркер полностью зависит от субъективного восприятия исследователя, его интуиции. Можно сказать, что маркер существует лишь в такой системе, где присутствует сознание интерпретатора. На наш взгляд, со стороны интерпретатора будет опрометчивым утверждение, высказанное в форме непререкаемой догмы, что такой-то «сигнальный отрезок» — маркер упрека, а вот тот маркером упрека являться не может. Осознавая субъективную природу маркеров, интерпретатор может лишь утверждать, что *он воспринимает* (выделено нами — Р.Ш.) такой-то «сигнальный отрезок» как маркер упрека. И напротив, потенциальная конструкция упрека имеет системную и объективную природу, поскольку может быть «визуализирована» на основе своих воплощений посредством корпуса и подтверждена при преодолении статистического порога в качестве формального средства выражения упрека.

Таким образом, маркеры упрека представляют собой единицы этапа предварительного сбора материала (они могут быть выявлены как в корпусе, так и в любых других источниках), в то время как формальные средства выражения упрека — единицы исключительно этапа корпусного поиска, которые могут быть «визуализированы» только на основании анализа результатов поискового запроса, сгенерированного по потенциальной конструкции упрека.

Маркер упрека — это субъективно различаемый «сигнальный отрезок» дискурса, помогающий исследователю на этапе сбора предварительного материала «заподозрить» потенциальную конструкцию упрека.

Формальное средство выражения упрека — это потенциальная конструкция, чей уровень специфичности к упреку составляет по условиям исследования более 90%, что должно быть объективно подтверждено статистическими данными на основании результатов выдачи на этапе корпусного поиска.

Из этого следует, что маркеры и формальные средства выражения упрека представляют собой явления различных парадигм, которые плохо поддаются сравнению и не должны смешиваться: маркер упрека — субъективная единица,

соотносящаяся с этапом предварительного сбора материала, тогда как формальное средство выражения упрека — объективная единица, подтверждаемая статистическими данными на этапе корпусного поиска.

Все вышеизложенное, проливает, на наш взгляд, свет на природу взаимоотношений между высокоспецифичными маркерами 2-го приближения и формальными средствами выражения упрека в русском языке, и в то же время ставит перед исследованием ряд вопросов теоретического и практического плана:

1. В какой мере и насколько обосновано применение интуиции при создании исследователем списка маркеров и конструкций для поиска формальных средств упрека?
2. Каковы интерпретационные допуски и погрешности корпусного поиска формальных средств выражения упрека?
3. Как взаимосвязаны «диагностическая ценность» маркеров и количество результатов в выдаче?

2.3. Фактор интуиции: проблема «первого шага» корпусного поиска формальных средств выражения упрека

Интуиция — знание, формирующееся неосознанно, спонтанно, в результате чувственного прозрения. В философии — прямой путь постижения истины без привлечения рационального осмысления и логического анализа данных [Азимов, Щукин 2009: 88].

В лингвистике условно существуют два подхода к пониманию роли интуиции как инструмента исследования: первый связан с «классической традицией», второй — с узусным подходом (англ. «usage-based approach»).

Под классической традицией мы имеем в виду работы, где интуиция исследователя признается важным (или даже основным) инструментом. «Иногда человек, по-видимому, вовсе не подготовленный, может интуитивно возыметь творческую мысль и оставить позади себя многих проводших целые годы в самом добросовестном и глубоком изучении данного предмета» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 150-151]. Упоминание об интуиции как лингвистическом инструменте в том или

ином виде встречается у многих «мастеров старой школы» (см., например, [Апресян 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1997] и др.), а также в работах исследователей последующих поколений: «Еще одним мощным источником знаний о языке является, безусловно, *интуиция*, «высоко развитая способность к эмпатии», которая позволяет «вжиться в объект, стирает границу между субъектом и объектом, делая из объекта наблюдения объект своеобразного самонаблюдения, точнее интроспекции» [Pinker 2001: 185]» [Федорова 2004: 9].

«Узусная» традиция декларирует отказ от априорных конструкций и классификаций, порожденных интуицией исследователя: «Точно с тем же недоверием, с каким сторонники системного подхода относятся ко всякого рода «экспериментальным проверкам», сторонники теории узуса относятся к суждениям, основанным на не подтвержденной фактами интуиции: язык шире любого отдельного носителя, тем более носителя пристрастного, т. е. озабоченного поиском некоего абсолюта — будь то подтверждение принципов «универсальной грамматики» или, например, свидетельств преобладания «настоящей московской нормы»» [Плунгян 2008: 11].

Узусный подход является более современным по времени возникновения и представляет собой своего рода реакцию на схоластическую природу умозрительных конструкций и классификаций, созданных на основе абстрактных гипотез без опоры на реальные факты языка. Это ни в коей мере не означает, что узусный подход отрицает метод первоначальной научной гипотезы или теоретическое исследование. С точки зрения адептов узусного подхода любая конструкция или классификация должны содержать систематизацию фактов, полученных в результате исследования, а не служить для этих фактов изначальным «прокрустовым ложем», на котором исследователь, подобно персонажу мифа, «вытягивает их» или «отрубает им ноги», подгоняя данные под свою интуитивно созданную гипотезу (подробнее об этом см. [Плунгян 2008]). Нам близок такой взгляд на природу научного познания, и в нашем исследовании мы будем стремиться следовать вектору «от данных — к конструкции», а не наоборот.

Однако, «проблема интуиции» применительно к корпусному поиску формальных средств более сложна, чем просто оппозиция этих двух подходов.

Предположительная процедура корпусного поиска формальных средств имеет в своей основе дедуктивную логику и исключает интуитивное начало:

1. Опираясь на природу языкового феномена (в нашем случае упрека), исследователь формулирует теоретические критерии выделения формальных средств;
2. Опираясь на теоретические критерии, исследователь выявляет и максимально формализует методологические инструменты корпусного поиска;
3. Опираясь на методологические инструменты, исследователь приступает к поиску формальных средств выражения языкового феномена (в нашем случае упрека) в корпусе.

Однако в то же время природа такой процедуры таит в себе скрытый антагонизм с точки зрения корпусного поиска формальных средств:

1. Прежде всего, нарушается один из основных принципов узусного подхода — индуктивность. Направление вектора исследования должно пролегать от эмпирических данных к систематизации и теории, в то время как в случае с описанной процедурой корпусного поиска формальных средств у исследователя уже имеются некие «гипотезы» в виде потенциальных конструкций упрека, на основании которых он планирует формировать поисковые запросы и получать корпусные выдачи;
2. Стремясь исключить интуицию из реестра научных инструментов исследования, мы получим бесконечно циклический процесс формализации корпусного поиска: для выделения критериев поиска (x), надо иметь критерии (y), на основе которых можно сформулировать критерии (x), для критериев (y) также нужны критерии (z), для которых необходимы критерии (w), которым... и т.д.

Описанное выше демонстрирует, что один из основных принципов узусного подхода — систематизация *post factum*, а не «подтягивание» эмпирических результатов под умозрительную конструкцию, просто физически не может быть в полной мере реализован в случае корпусного поиска формальных средств. Иными

словами, какими бы методами исследователь не пользовался для получения результатов корпусного поиска, он будет субъективен в своем первом «импульсе-прозрении», как бы не стремился этого избежать. Так рождается «проблема первого шага», которая может быть сформулирована как следующее правило: «корпусный поиск формальных средств на основе эмпирических результатов выдачи и с помощью установленных критериев технически может быть осуществим при выполнении обязательного условия — триггерное звено в цепи поиска («первый шаг» поиска) должно представлять собой реализацию интуиции исследователя и не может быть заменено формальным критерием». Применительно к нашей теме это означает, что для получения конечного результата — выдачи, содержащей «ингерентные» упреки, исследователю необходимы созданные на основе интуиции процедура поиска и список инструментов поиска — потенциальных конструкций упрека.

Сам по себе факт важной роли интуиции в сфере научного познания не является чем-то новым и привлекающим внимание: известно, что рациональной части исследования всегда предшествует интуитивная, формирующаяся в первоначальную гипотезу. Опасность «проблемы первого шага» кроется в невозможности контролировать само начало поиска, основанное на бессознательной природе интуитивного «импульса-прозрения». Мы полностью разделяем точку зрения А. Ю. Мордовина, высказанную им в статье «Роль бессознательного и интуиции в лингвистическом анализе в рамках корпусного подхода». Согласно А. Ю. Мордовину, хотя частотность единиц в корпусе и является абсолютно объективным фактором, способным оказать помощь в доказательстве или опровержении выдвинутой исследователем гипотезы, сам механизм, который порождает в мозгу исследователя эти единицы, остается неизвестным и находится в области бессознательного, нежели контролируемого научного анализа. «...прежде чем искать языковую реализацию архетипа в корпусе, исследователь уже произвел ту самую, заслуживающую недоверия, внутреннюю работу по восстановлению осознанной формы собственного

восприятия коллективного бессознательного (его элементов – архетипов), и теперь лишь ищет подтверждения своим догадкам» [Мордовин 2011: 115].

Таким образом, фактор интуиции не просто «оказывает влияние» на процесс корпусного поиска, он является иницирующим «первым шагом» этого поиска. Неконтролируемость, субъективность и бессознательная природа триггерного «импульса-прозрения» ставит перед исследователем вопрос о «самодоверии» к своему видению поставленной задачи и своей интерпретации полученных результатов, а также о неизбежных погрешностях и допусках корпусного поиска.

2.4. Фактор интерпретации: проблема «последнего шага», допуски и погрешности корпусного поиска формальных средств выражения упрека

Интуиция, «растворенная» в корпусе и корпусных исследованиях, «предшествующая математически воспроизводимой части анализа» [Мордовин 2011: 115], порождает еще один определяющий фактор, оказывающий влияние на корпусный поиск формальных средств, — интерпретацию.

Интерпретация —

1. Придача смысла знакам любой системы, в том числе знакам формализованных и естественных языков.
2. Анализ идейно-художественного содержания текста, раскрытие его замысла и глубинной сущности [Сафронова 2003: 219 – 221].

Субъективную природу интерпретации, ее зависимость от интуиции и общей системы взглядов отмечают исследователи, работающие как в русле корпусной лингвистики, так и в рамках других направлений:

«...актуализация архетипа в виде слов (концептов) для статистического поиска в корпусе (для контент-анализа) происходит под действием интуиции. <...> ...про-корпусный метод по-прежнему не вполне свободен от индивидуальных отпечатков языковых картин мира целого ряда людей: составителей корпусов текстов, контент-аналитиков и, наконец, самого потребителя результатов контент-анализа» [Мордовин 2011].

«При этом характер интерпретации обуславливается не только личными

ассоциациями, но и спецификой картины мира, в соответствии с которой каждый человек как носитель определенной культурно-языковой традиции воспринимает действительность» [Сафронова 2003: 219 – 221].

Определяющий характер интуиции в корпусном исследовании формальных средств базируется на антагонизме субъективизма и объективизма в научном познании и упирается не в аргументы «за» или «против» одного из этих философских мировоззрений, не в «модную» тенденцию, главенствующую на момент написания той или иной работы в данной научной области, а в отношение самого исследователя к методам, используемым им в работе. В значительной мере именно об этой проблеме говорит в своей монографии «Metaphors we live by» Д. Лакофф, вводя понятия «миф субъективизма» и «миф объективизма» (англ. «myth of subjectivism» и «myth of objectivism») [Lakoff 2003]. В 2004 году, когда появился НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>], казалось, что эта извечная борьба между субъективным и объективным подходом в лингвистике завершилась безоговорочной победой объективизма. В руках лингвистов оказалось мощное оружие доказательной базы, объективность которой была самоочевидна и признавалась всеми. Впрочем, дело было не только в объективности, но и в качественно новом уровне эффективности работы с большими массивами данных. Лингвист докорпусной эпохи затрачивал в прямом смысле годы на доказательство своей гипотезы. То, что сейчас достигается нажатием клавиши, требовало громад карточек, отпечатанных на пишущей машинке или кропотливо выписанных от руки из огромных академических томов (Подробнее об этом см. [Плунгян 2008: 12-13]). И даже проведя такую титаническую работу, педантичный исследователь ощущал ее «неидеальность» и не полную объективность, связанную со многими экстралингвистическими факторами, главными из которых являлись не только упомянутое выше несовершенство технического инструментария, но, прежде всего, субъективизм интерпретации, порожденный интуицией и научными взглядами самого исследователя. Так проявляет себя проблема «последнего шага». Даже испытывая абсолютную уверенность, что источник содержал 100% возможных данных и что

эти данные были извлечены им без единой ошибки и на основе безукоризненно формализованных критериев, лингвист отдавал себе отчет, что самое слабое звено цепи анализа — это он сам, так как именно он, являясь интерпретатором полученных данных, не может в полной мере контролировать процесс интерпретации и обработки данных, происходящий в его разуме.

Убрало ли появление корпусов фактор интерпретации из процесса обработки массивов данных? Снизило ли его влияние? Ответ на оба вопроса — безусловно нет. Лингвистические корпуса максимально приблизили контролируемую часть анализа к абсолютному нулю на осях объективности и эффективности, но подводная часть айсберга — интерпретация данных осталась абсолютной такой же, что и в докорпусную эпоху. Иными словами, объективность данных и эффективность их извлечения возросли на порядки, в то время как субъективность их интерпретации и обработки осталась на прежнем уровне.

Невозможность на современном этапе развития лингвистики обойти субъективность интерпретации и обработки данных осознается лингвистами. В научной литературе нередко можно встретить своеобразные предупреждения о субъективности полученных результатов: «Необходимо отметить, что правила не следует понимать буквально, что они представляют собой реконструкции, опирающиеся на интуицию и речевой опыт исследователя. <...> Очевидно, что при переходе к частностям некоторые из них могут быть оспорены— любая конструкция эффективна как инструмент познания именно в меру понимания того, что она отличается от оригинала» [Иссерс 2008: 148, 260]. Однако преодолеть неизбежный субъективизм лингвистического исследования пока не представляется возможным.

Применительно к теме нашего исследования можно выделить два аспекта, включающие в себя основные допуски и погрешности фактора интерпретации в процессе корпусного поиска формальных средств выражения упрека:

1. Относительность статистики
2. Относительность репрезентативности.

2.4.1. Относительность статистики

Работа с корпусом предполагает в первую очередь количественный анализ данных. Самоочевидно, что статистика является основой основ корпусных исследований. Однако речь об абсолютной статистике в случае корпусного поиска формальных средств выражения упрека, по нашему мнению, не идет и идти не может. Это парадоксальное утверждение с точки зрения статистики «точных цифр», применяемой в технических, научно-естественных, социологических и экономических областях науки, полностью справедливо для процесса корпусного поиска формальных средств выражения упрека. Кардинальное отличие кроется в технической невозможности учета множества факторов, которые влияют на статистическую выдачу формальных средств выражения упрека и лежат в области интуитивного «импульса-прозрения» и субъективной интерпретации⁴⁰. На цифры корпусной выдачи формальных средств выражения упрека влияют следующие факторы:

- 1) Список потенциальных конструкций упрека (основной инструмент поиска) создается на субъективной основе: количество конструкций в списке, частотность их использования в языке, степень их приближения — эти и другие факторы лежат в сфере субъективного выбора, основанного исключительно на интуиции и научных предпочтениях исследователя. Преодолеть эту количественную неопределенность не представляется возможным. Сама интуитивная и экспериментальная природа списка делает некорректными любые предположения о «должном», нормативном количестве конструкций упрека в нем⁴¹.
- 2) Инструментом и доказательной базой нашего исследования является НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]. НКРЯ по праву принадлежит пальма первенства в плане высокого качества разметки текстов, объема лексических единиц, проработанности программного

⁴⁰ Вышесказанное послужило причиной отказа от использования популярных в современной корпусной лингвистике громоздких методов математической статистики, а также векторного представления корпусных данных (см. о них подробнее [Ляшевская 2016: 257-279]) в пользу более простой (и, как следствие, интуитивно понятной) схемы исследования.

⁴¹ По этой же причине нам кажется сомнительной возможность точного учета количества конструкций упрека в языке в целом.

обеспечения, дружелюбности интерфейса. Однако другие, не столь известные лингвистические корпуса русского языка все же существуют. Одним из проектов, обращающих на себя внимание, является ГИКРЯ [Генеральный интернет-корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>]. Несмотря на известные недостатки интерфейса, низкую скорость обработки данных и собственный необоснованно усложненный язык поисковых запросов, ГИКРЯ можно назвать «интернет-братом» НКРЯ: его ценность реализуется в обозначенной в названии корпуса задаче сбора и разметки текстов Интернет-ресурсов — социальных сетей, блогов, новостей и т.д. Мы считаем возможным использование ГИКРЯ в нашей работе как вспомогательного источника статистических данных в некоторых пограничных и спорных случаях. Одним из таких случаев является расхождение в статистике выдачи разных корпусов. Ввод маркера «сто раз» как точной формы в поисковую строку обоих корпусов даст суммарную выдачу в 3300 примеров при поиске по релевантным корпусам (НКРЯ) и 71126⁴² примеров при поиске по всем сегментам (ГИКРЯ). С чем связана такая существенная разница в выдаче? Самые очевидные ответы на этот вопрос (разница выдачи в обоих корпусах зависит от источников, использованных их составителями, на нее влияет количество слов в каждом корпусе, она может обуславливаться программными решениями и т.д.) не исчерпывают допустимые причины. Возможно ли вообще учесть все факторы, влияющие на количество результатов в выдаче? Или как указывает А. Ю. Мордовин, «репрезентативность стандартного корпуса распространенного языка, призванного отражать язык в целом, испытывает значительное влияние со стороны языковой личности составителя корпуса» [Мордовин 2009: 36], а значит причины разницы выдачи лежат в конечном счете в области бессознательного составителей корпусов? Эти вопросы представляют определенный интерес и могут стать темой отдельного исследования, однако не лежат в фокусе нашей работы. Мы не ставим перед собой задачу вычисления точного числа формальных средств выражения упрека в русском языке, и, как было

⁴² Статистика актуальна на ноябрь 2020.

упомянуто выше, сомневаемся, что задача, сформулированная в таком виде, может быть в принципе решена. Наша цель — доказательство существования в русском языке формальных средств выражения упрека, выявление закономерностей, связанных с ними, а также выработка методики корпусного поиска формальных языковых средств на материале упрека. Для этой цели относительность статистики не является сколько-нибудь значимым фактором.

3) Самые предварительные результаты работы с формальными средствами выражения упрека демонстрируют значительную вариативность, влияние которой на статистику выдачи также трудно поддается контролю. Под «вариативностью» мы понимаем наличие между несколькими конструкциями, являющимися формальными средствами выражения упрека, очевидной генетической связи. К «вариативности» мы также относим изменение элементов, не выходящее за пределы самой конструкции.

Например, конструкция *«вечно ты + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени» («Вечно ты жалуешься!»)*, родственна конструкции *«вечно ты + косвенное предложное дополнение с предлогом «с»» («Вечно ты с сомнениями!»)*. Вторая конструкция является неполным предложением, образованным в результате опущения сказуемого перед косвенным предложным дополнением в первой конструкции (*«Вечно ты лезешь с сомнениями»*). Другим примером вариативности служит замена *«ты»* в конструкции *«вечно ты + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени»* на другие личные местоимения в Им. п.: *«вечно вы / он / она / мы / вы / они + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени» («Вечно вы жалуетесь!»)*. Как вариативность можно рассматривать преобразование исходной конструкции *«вечно ты + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени»* в конструкцию *«вечно + личное местоимение в Д. п., ед. и мн. ч. + сказуемое односоставного предложения, выраженное глаголом в настоящем времени или инфинитивом»*. Например, *«Вечно тебе мерещится!»* или *«Ведь не вечно же тебе сидеть с бабушкой и нянькой...»* [И. И. Панаев. Опыт о хлыщах (1854-1857)]. Сюда же следует отнести варианты конструкций, образованные в результате инверсии компонентов. Например, при

инверсии конструкции «вечно ты + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени», 19 документов, 19 вхождений (**вечно** на расстоянии 1 от **ты** nom на расстоянии 1 от V, praes), в конструкцию «ты вечно + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени» (**ты** nom на расстоянии 1 от **вечно** на расстоянии 1 от V, praes) количество результатов в выдаче резко возрастет — 41 документ, 41 вхождения⁴³ («А ты вечно суёшь свой нос куда не просят!» [Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996]). Однако добавится и незначительное количество ложноположительных срабатываний («Знаете — чувство, что вот теперь-то все пути завершены и ты вечно можешь посиживать на крылечке своего обретенного дома, любоваться на всякие закаты, покуривая трубочку» [Илья Бояшов. Путь Мури (2007)]).

Вариативность, присущая формальным средствам выражения упрека, ставит перед исследователем ряд вопросов по подсчету результатов выдачи. Например, считать ли несколько родственных конструкций за единую конструкцию или учитывать их как отдельные независимые варианты? В нашем исследовании мы будем стремиться к описанию родственных конструкций как единого явления, но сама возможность подобных вопросов очевидно указывает на иллюзорность попыток «абсолютной» статистики применительно к формальным средствам выражения упрека в русском языке.

4) Формальные средства выражения упрека представляют собой конструкции, которые могут иметь достаточно сложную структуру. Сложность структуры заключается в первую очередь в неоднородности элементов. Конструкция может состоять из различных сочетаний лексем, семантических признаков, грамматических категорий и синтаксических ролей. Конструкция «подлежащее, выраженное личным местоимением 1-го лица ед.ч., + обстоятельство, выраженное количественным сочетанием, включающим в себя круглое число и слово «раз», + сказуемое, выраженное глаголом речи»⁴⁴ может служить иллюстрацией данного

⁴³ Статистика актуальна на февраль 2020.

⁴⁴ Для наглядности представлено развернутое описание рассмотренной ранее конструкции «я + круглое число + «раз» + глагол речи».

утверждения. Программные средства НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] в большинстве случаев позволяют преобразовывать конструкции со сложной структурой в поисковый запрос. Однако настройка параметров поиска для каждой отдельной конструкции индивидуальна, производится на эмпирической основе и не может быть унифицирована в связи с большим разнообразием конструкций. Кроме того, как было упомянуто в предшествующем разделе, в ряде случаев все же существуют технические ограничения на поиск в корпусе: например, маркер 1-го приближения «количественное сочетание, включающее в себя круглое число и слово «раз»» не может быть использован в корпусном поиске напрямую, так как установка ограничения по семантическому признаку «круглые числа» в программной оболочке НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] на момент исследования не поддерживается. Очевидно, что эти, на первый взгляд, чисто технические детали также попадают в сферу действия фактора интерпретации, так как ввод параметров в поиск корпуса оказывается подчинен субъективным решениям создателей поисковой программы корпуса и работающего с этой программой исследователя. Любое самое незначительное изменение параметров поиска (уменьшение или увеличение интервала между элементами конструкции, инверсия элементов, ввод в конструкцию дополнительных условий и т.д.), а также любые сложности с настройкой поисковых инструментов корпуса под нужды исследования ведут к значительным колебаниям цифр выдачи.

5) Физическую невозможность для исследователя досконально обработать большие массивы выдачи следует также, на наш взгляд, отнести к статистическим погрешностям фактора интерпретации. Числовая реализация сочетания «большие массивы выдачи» субъективна и зависит от установок исследователя, целей работы, предмета корпусного поиска и других факторов. В нашем исследовании под «большими массивами» мы будем подразумевать итоговую выдачу, превышающую 5000 вхождений (для сравнения, первичная выдача на маркер 1-го приближения может составлять десятки тысяч примеров). Так как речь в таких

случаях идет не просто об увеличении времени и трудоемкости обработки материала, но и умножении риска погрешности интерпретации, в нашей работе при необходимости мы будем рассматривать «сверхбольшие» выдачи с точки зрения относительной статистики, говоря о предварительной или общей обработке данных и имея в виду усредненный результат, тенденцию, которую выдача демонстрирует.

6) К интерпретационным погрешностям статистики также относится, на наш взгляд, проблема, сформулированная максимой Р. Коуза: «If you torture the data long enough, it will confess» («Если достаточно долго пытаться данные, они признаются в чем угодно», цитируется по [Klein 2001:84]). Работа со статистикой выдачи предполагает интеллектуальную вовлеченность лингвиста в процесс обработки информации и, как следствие, его неизбежную пристрастность. Существуют две крайности интерпретации, соотносящиеся с оппозицией структурного и узусного подходов: стремление привести все полученные данные к единому знаменателю и тенденция рассматривать их как полностью независимые единицы. Очевидно, что в первом случае цифры статистики будут уменьшаться, а во втором — увеличиваться. Это свидетельствует, что погрешности интерпретации данных из-за пристрастности и вовлеченности исследователя — вопрос не только научной этики.

7) Невозможность получения статистики «точных цифр» связана также с видом дискурса (устным / письменным) и типом корпуса (в настоящее время в НКРЯ, помимо основного, включены синтаксический, газетный, параллельный, обучающий, диалектный, поэтический, устный, акцентологический, мультимедийный, мультимедийный параллельный, исторический корпуса). Установка искусственных ограничений поиска по виду дискурса и типу корпуса приведет к изменению цифр выдачи в сторону уменьшения, однако практическая целесообразность такого ограничения для нашего исследования сомнительна. В нашей работе мы отталкиваемся от мысли, что формальные средства выражения упрека могут существовать в любом виде дискурса и могут быть выявлены в любом типе корпуса. Языковая интуиция подсказывает, что упрек как феномен и «ингерентный» упрек как частное проявление этого феномена в большей мере

связаны с разговорным функциональным стилем и более ожидаемы в устном дискурсе или «электронном модусе речи», нежели письменном дискурсе (Под «электронным модусом речи» мы подразумеваем тексты различных жанров электронной переписки. Подробнее об этом [Мордовин 2009:31]). Однако для корпусного исследования формальных средств выражения упрека предположительное преобладание устного дискурса (или «электронного модуса речи») не имеет принципиального значения: формальные средства выражения упрека представляют собой конструкции, которые реализуются в любых видах дискурса. По той же причине мы считаем нецелесообразным поиск только в одном типе корпуса, поскольку в задачи исследования входит доказательство существования формальных средств выражения упрека в русском языке и поиск закономерностей, связанных с ними, а не определение частотности использования этих средств в разных типах корпусов.

Однако, стремясь к максимальной репрезентативности и объективности корпусных данных, мы вынуждены учитывать проблему дублирования примеров, которая накладывает строгое техническое ограничение на использование ряда корпусов НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]. Классической иллюстрацией этой проблемы может служить крылатая фраза «*А судьбы кто?*» [А. С. Грибоедов. Горе от ума (1824)]. При точном поиске в НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] фраза инициирует выдачу в основном, акцентологическом, газетном, мультимедийном, обучающем, параллельном, поэтическом корпусах. С одной стороны, поскольку контекст и источники (оригинальное произведение, газетная статья, художественный фильм, устная речь и т.д.) различны, все примеры должны быть учтены в статистике как равноправные. С другой — интуитивно представляется неверным статистический учет одного идентичного примера как нескольких. Чтобы свести к минимуму риск учета одного результата несколько раз, нами принято решение исключить из статистики: — акцентологический корпус, в состав которого входят устный и поэтический корпуса;

— обучающий и параллельный корпуса, которые содержат литературные тексты, существующие и в основном корпусе;

— мультимедийный корпус, в значительной мере повторяющий выдачи устного корпуса.

Кроме того, за пределы исследования выведен диалектный корпус, не включающий в свой состав тексты литературного языка, а также незначительный по объему синтаксический корпус, имеющий функциональные ограничения для создания поисковых запросов на базе гетерогенных конструкций, содержащих не только синтаксические, но и лексические, грамматические и семантические характеристики.

В этой связи, релевантными для нашей работы являются основной, газетный, поэтический и устный корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>], представляющие базу и инструмент исследования.

Не имеет практического значения для исследования и классификационное деление упреков на вербальные и невербальные. Во-первых, эта классификация носит скорее психологический, чем лингвистический характер, во-вторых, корпусное исследование имеет дело с массивами текстов, а язык жестов и другие невербальные сигналы не фиксируются в текстах и, следовательно, не могут служить базой лингвистического исследования.

8) К погрешностям статистики корпусных данных относится также количественное изменение результатов выдачи, с которым ученый может столкнуться в процессе исследования. Так, повторный мониторинг корпусных данных 2 главы, проведенный через 6 месяцев после ее написания, обнаружил в некоторых случаях их количественные колебания, всегда в сторону увеличения. Например, ввод в поисковую строку основного корпуса лексемы «зря» в феврале 2020 года предоставил в распоряжение исследователя 4446 документов, 11548 вхождения. А в сентябре 2020 года уже 4955 документов, 12854 вхождения. Сам по себе рост чисел выдачи на один и тот же поисковый запрос в относительно короткий временной промежуток не вызывает удивления и свидетельствует о развитии

корпуса и приросте текстов в нем. Однако, описанное явление ясно демонстрирует влияние временного фактора на количественные данные и невозможность «абсолютной» статистики в корпусном поиске формальных средств.

2.4.2. Относительность репрезентативности

Репрезентативность — (показательность, типичность), характеристика, позволяющая делать обобщение о целом, зная его часть, или получить представление о части, зная целое [Ильичев 1983: 579].

Репрезентативность — базовая характеристика корпуса. Вслед за А. Ю. Мордовиным [Мордовин 2009], мы полагаем, что репрезентативность корпуса основывается на качественных и количественных параметрах. Под «качественными» мы подразумеваем параметры, порожденные интуицией и субъективными предпочтениями составителей корпуса, — мировоззрение, критерии отбора текстов, баланс жанров, технические и программные решения и т.д. К количественным параметрам мы относим объем корпуса — общую цифру всех текстов корпуса (119203 документа для основного корпуса НКРЯ)⁴⁵ и сумму всех слов, его составляющих (288727494 слова для основного корпуса НКРЯ)⁴⁶. Постоянное наращивание объема корпуса⁴⁷ нивелирует влияние субъективизма качественных параметров на корпус и делает его более репрезентативным, так как подразумевает работу большего числа составителей и нарастание гетерогенности текстов вследствие различия языковых картин составителей (Подробнее об этом [Мордовин 2009:36]).

Однако существует фактор, который подвергает сомнению объективную природу количественных параметров и ставит вопрос об относительности репрезентативности. Термин «Встречаемость» («частота встречаемости», «коэффициент встречаемости», «индекс встречаемости») изначально зародился в биологии и экологии, оттуда попал в медицину, после чего распространился в

⁴⁵ Статистика актуальна на февраль 2020.

⁴⁶ Статистика актуальна на февраль 2020.

⁴⁷ Так, объем основного корпуса в ноябре 2020 составил уже 124565 документов, 321712061 слово.

социологии и статистике. В настоящее время наблюдается пенетрация понятия в лингвистическую терминологию и метаморфоза его исходного лексического значения. В первоначальном естественнонаучном смысле термин означал «показатель, использующийся в экологических исследованиях для оценки численности и распределения особей данного вида или набора видов, роли одних видов в питании других. Количественно оценивается индексом встречаемости» [Зданович, Криксунов 2004: 44]. «Индекс встречаемости — число проб, в которых обнаружены особи исследуемого вида, выраженное в процентах к общему числу проанализированных проб» [Зданович, Криксунов 2004: 76]. В качестве лингвистического термина «индекс встречаемости» показывает, с какой частотой встречается лексема, словосочетание, синтаксическая конструкция и т.д. в корпусе (см., например, использование этого термина у [Воейкова 2009]).

Сам по себе индекс встречаемости не может дестабилизировать объективизм количественных параметров корпуса — он всего лишь указывает на частотность какого-то явления в тексте. Однако индекс становится камнем преткновения в случаях, когда цифры реальной выдачи не соответствуют ожидаемой исследователем встречаемости. Если допустить, что причины, которые, на первый взгляд, представляются в данной ситуации наиболее вероятными (неверный интуитивный посыл исследователя, некомпетентность, пристрастность, стремление фальсифицировать объективные данные, техническая ошибка ввода), ложны, то остается единственно возможным и парадоксальный ответ: языковая интуиция и здравый смысл исследователя верны, а данные корпуса нет, и, следовательно, результаты выдачи в этом случае не репрезентативны. Здесь субъективное вмешательство исследователя в процесс поиска является не интерпретационной погрешностью, а жизненно необходимым условием для работы. Наиболее ярким примером такой ситуации служит «нулевой индекс», когда ввод не просто не дает ожидаемой выдачи, но показывает ноль (отсутствие) результатов. М. Д. Воейкова в статье «Качественная характеристика лица в русском и немецком языках: заполнение лакун и поиск соответствий» [Воейкова 2009: 27] приводит примеры словосочетаний, интуитивно воспринимаемые носителем

русского языка как высокочастотные, однако давшие (в 2009 году) нулевой индекс при точном поиске в НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]: *«опасный безумец, опасная крамола, стройная возлюбленная, дрянная потаскушка, скорбная жалоба, строгий мундир, похотливая готовность, благонравная соседка, смехотворная скудость, веселая шуточка, безбородый офицер, превосходная память, побитая собака, старая мать»*. Десять лет спустя точный поиск этих словосочетаний по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] показал следующие результаты⁴⁸:

1. Словосочетания *«опасный безумец, стройная возлюбленная, дрянная потаскушка, похотливая готовность, благонравная соседка, смехотворная скудость, веселая шуточка, безбородый офицер»*: нулевой индекс;

2. Словосочетания

«опасная крамола»: 1 документ, 1 вхождение (основной корпус)

«скорбная жалоба»: 1 документ, 1 вхождение (основной корпус)

«строгий мундир»: 1 документ, 1 вхождение (газетный корпус);

3. Словосочетания

«превосходная память»: 11 документов, 12 вхождений (основной корпус)

«побитая собака»: 41 документ, 42 вхождения (основной корпус)

6 документов, 6 вхождений (газетный корпус)

1 документ, 1 вхождение (устный корпус)

«старая мать»: 82 документа 92 вхождения (основной корпус)

3 документа 3 вхождения (газетный корпус)

12 документов, 16 вхождений (поэтический корпус)

2 документа, 2 вхождения (устный корпус).

Разница в современных результатах и данных, полученных М. Д. Воейковой в 2009 году, может быть интерпретирована следующим образом:

1. Объем корпуса за 10 лет значительно возрос;

⁴⁸ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

2. В своей статье М. Д. Воейкова не описала процедуру работы с корпусом, с помощью которой были получены обсуждаемые результаты. Можно предположить, что исследователь учитывала данные только точного поиска в основном корпусе. В этом случае словосочетание «*строгий мундир*» (пункт 2), имеющее 1 вхождение в газетном корпусе, но не отраженное в основном корпусе, также попадает под понимание «нулевого индекса»;

3. Поскольку данные, собранные М. Д. Воейковой, в больше половины случаев (64%) подтверждаются современными результатами, «нулевой индекс» — это объективно существующий феномен корпусного поиска.

Ожидаемый индекс встречаемости — это крайне субъективный фактор, и можно не согласиться с М. Д. Воейковой, что словосочетания типа «*похотливая готовность*» или «*безбородый офицер*» очень частотны для русского дискурса и должны обязательно иметь высокий индекс встречаемости в корпусе. Однако действительно трудно смириться с мыслью, что интуитивно частотное словосочетание «*веселая шуточка*» дает нулевой индекс абсолютно по всем релевантным корпусам. Также вызывает вполне понятное недоверие факт, что на 124565 документов⁴⁹ основного корпуса не нашлось ни одного вхождения на интуитивно частотные для художественного стиля словосочетания «*опасный безумец*» или «*стройная возлюбленная*».

Ситуация, в которой исследователь оказывается между своей интуицией и здравым смыслом с одной стороны и объективными данными корпуса с другой, встречается в полной мере и применительно к упреку. Так ввод в точный поиск основного корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] маркера 2-го приближения «*не слава богу*» предоставит в распоряжение исследователя выдачу в 43 документа, 46 вхождений⁵⁰. Конструкция «*все не слава богу*» демонстрирует выдачу в 14 документов, 14 вхождений⁵¹. Однако попытка ввода вариантов этой конструкции «*все тебе не слава богу*» и «*Все*

⁴⁹ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

⁵⁰ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

⁵¹ Статистика актуальна на ноябрь 2020.

у тебя не слава богу» вопреки ожиданиям даст нулевой индекс встречаемости не только в основном, но и в других релевантных корпусах НКРЯ. Хотя языковая интуиция не является инструментом корпусного поиска и объективным методом получения данных, было бы абсурдно на основании нулевого индекса встречаемости в корпусе сделать вывод, что формальные средства выражения упрека — конструкции «*все тебе не слава богу*» и «*все у тебя не слава богу*» полностью отсутствуют в русском языке. Таким образом, приходится признать, что в подобных случаях результаты выдачи НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] не репрезентативны. Причины, вероятно, следует искать в описанном выше влиянии на корпус субъективных факторов, а также в том, что в каждый момент времени любой корпус конечен. На наш взгляд, наращивание объема корпуса в какой-то точке временной проекции должно привести к исчезновению проблемы нулевого индекса. Косвенно этот вывод подтверждает и поиск конструкций «*Все тебе не слава богу*» и «*Все у тебя не слава богу*» в ГИКРЯ [Генеральный интернет-корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://int.webcorporar.ru/drake/>] — 5 результатов для «*Все тебе не славу богу*» и 7 результатов для «*Все у тебя не слава богу*»⁵². Наличие выдач в другом корпусе, специализированном на электронный модус речи, свидетельствует о том, что нулевой индекс — «юношеская болезнь» лингвистических корпусов, которая с течением времени будет преодолена.

Таким образом, на корпусный поиск формальных средств выражения упрека влияет фактор интерпретации. Он выражается в различных аспектах статистики и репрезентативности. Корпус дал в руки лингвистов мощную доказательную базу, но говорить об абсолютной объективности и контролируемости корпусных исследований на данном этапе развития лингвистики пока трудно. В то же время описанные выше субъективные аспекты фактора интерпретации являются обязательными, но далеко не превалирующими атрибутами корпусного поиска и представляют собой допуски и погрешности, которые неизбежны при любом

⁵² Статистика актуальна на ноябрь 2020.

научном анализе. Существование фактора интерпретации и связанная с ним относительность статистики и цифр выдачи является одним из условий корпусного поиска формальных средств выражения упрека в частности и научного познания в целом. Фактор интерпретации — феномен, который обязательно должен учитываться в процессе корпусного поиска, но ни в коем случае не может служить доказательством его необъективности или препятствием к его осуществлению.

2.5. Корреляция «диагностической ценности» и статистики выдачи

Таблица 11. и Рисунок 9., представленные ниже, наглядно демонстрируют определенную закономерность: количество результатов выдачи уменьшается при увеличении специфичности. При этом отмечается следующая особенность: разница в количестве результатов выдачи между маркером 1-го приближения и маркером 2-го приближения составляет несколько порядков, как в приведенном примере, а между маркером 2-го порядка и формальным средством выражения упрека незначительна.

Таблица 11. Корреляция «диагностической ценности» и статистики выдачи

	Маркер 1-го приближения	Маркер 2-го приближения	Формальное средство упрека
Поисковый запрос	<i>вечно</i>	<i>вечно ты</i>	конструкция « <i>вечно ты + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени</i> »
Результаты выдачи	вечно Найдено 5053 документа, 12634 вхождений.	вечно на расстоянии от 1 от ты Найдено 82 документа, 84 вхождения.	вечно на расстоянии 1 от ты пом на расстоянии 1 от V & praes Найдено 19 документов, 19 вхождений.
Примеры	« <i>Вечно отключается в нужный момент</i> » [Переписка в icq между agd- ardin и Колючий друг (2007.12.21)]	« <i>Вечно ты с сомнениями</i> » [Л. Н. Андреев. Валя (1899)]	« <i>Вечно ты звонишь не вовремя</i> » [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]
На материале основного корпуса НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://www.ruscorpora.ru] ⁵³			

⁵³ Статистика актуальна на февраль 2020.

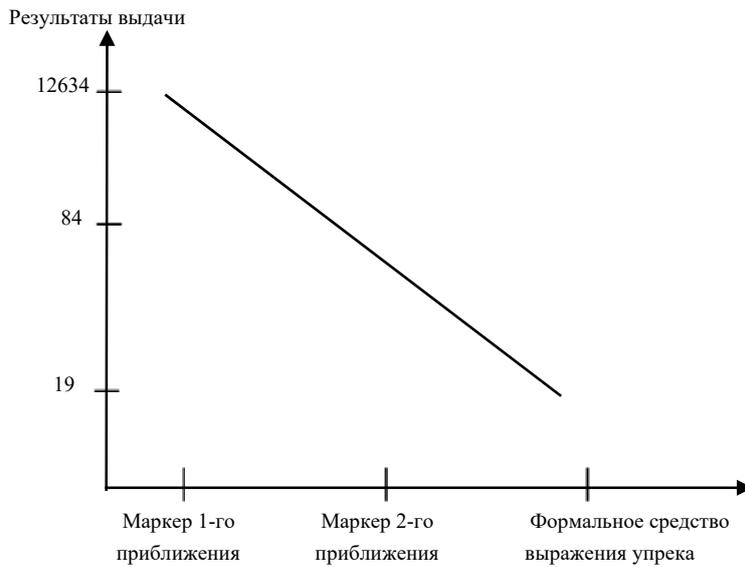

Рисунок 9 — Корреляция «диагностической ценности» и статистики выдачи

В нашем примере маркер 1-го приближения наречие времени *«вечно»* относится к группе маркеров «длительного и регулярного времени» (*постоянно, всегда, никогда, опять, каждый раз* и т.д.) и имеет стандартные характеристики, присущие этой группе: будучи весьма частотным для упрека, наречие *«вечно»*, по крайней мере, в половине примеров выдачи даст ложноположительный для упрека результат.

Разница в количестве результатов выдачи между маркером 2-го приближения *«вечно ты»* (82 документа, 84 вхождения) и формальным средством выражения упрека конструкцией *«вечно ты + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени»* (19 документов, 19 вхождений) не столь значительна и не выходит за пределы одного порядка. Это объясняется крайне высокой специфичностью маркера 2-го приближения *«вечно ты»* к упреку. Все 84 вхождения представляют собой примеры «ингерентных» упреков. «Диагностическая ценность» этого маркера столько высока, что встает вопрос о его природе. Если сочетание *«вечно ты»* при вводе в поисковую строку корпуса уже само по себе гарантирует выдачу, на 100% состоящую из «ингерентных» упреков, не означает ли это, что мы имеем дело с конструкцией, формальным средством выражения упрека, а не маркером 2-

го приближения? На первый взгляд, в пользу этого соображения говорит также то, что само сочетание «вечно ты», оформленное соответствующей интонацией, вполне способно передать упрек, о чем свидетельствуют такие примеры выдачи, как: «*И вечно ты...*» («—*Никогда больше не смейте собираться у свечи! — говорила она детям и тотчас же, обратясь к няньке, прибавляла: — И вечно ты... старая*» [В. Г. Короленко. Ночью (1888)]).

Вопрос о грани между высокоспецифичными маркерами и формальными средствами выражения упрека уже поднимался в нашей работе. Как было отмечено, маркеры противопоставлены формальным средствам по ряду оппозиций, главной из которых следует, по нашему мнению, считать различную парадигмальную природу, являющуюся препятствием для сравнительного анализа этих явлений. Высокая специфичность маркера не делает его формальным средством, поскольку маркер представляет собой субъективную единицу этапа предварительного поиска и не имеет системной природы, а также лишен семантической и синтаксической завершенности, как это видно на примере маркера «вечно ты».

Таким образом, можно сделать вывод о существовании закономерности в корреляции «диагностической ценности» и статистики выдачи: количество результатов выдачи уменьшается при увеличении специфичности поискового запроса к упреку. Уменьшение выдачи характеризуется «статистической пропастью» между маркерами 1-го и 2-го приближения и плавным снижением от маркеров 2-го приближения к формальным средствам выражения упрека.

2.6. Список маркеров и потенциальных конструкций упрека

Представленный ниже список в практических целях подразделен на два параграфа.

Параграф 2.6.1. содержит маркеры 1-го приближения. Выделение маркеров 1-го приближения в обособленную группу обусловлено высокой субъективностью их природы и слабой специфичностью по отношению к семантике упрека.

Параграф 2.6.2. объединяет в себе маркеры 2-го приближения и потенциальные конструкции формальных средств выражения упрека. Совмещение

в отдельном параграфе единиц различных парадигм продиктовано их очевидной генетической связью, а также стремлением зафиксировать «переход» от субъективного уровня маркеров к объективному уровню конструкций.

Список маркеров и потенциальных конструкций упрека, представленный ниже, не претендует на всеобъемлющую завершенность. Напротив, необходимо подчеркнуть его потенциальную, синтетическую, экспериментальную и авторскую природу.

1. Потенциальность списка проявляется в возможности коррекции (изменении, включении, элиминации) составляющих его компонентов.
2. Синтетичность списка связана с существованием не только авторского взгляда на маркеры и конструкции упрека, но также точек зрения лингвистов, чьи работы по упреку предшествовали данному исследованию. Упрек в качестве объекта лингвистического анализа встречается в целом ряде работ и как ядро исследования, и как периферия родственных тем. Несмотря на ярко выраженную прагмалингвистическую и компаративную природу таких исследований, во многих из них содержатся ценные наблюдения о средствах выражения упрека в русском языке. Анализ различных работ показывает, что, несмотря на несхожесть подходов к феномену упрека существуют средства выражения упрека, которые упоминаются практически у всех авторов (например, различные типы вопросительных и восклицательных предложений, модальность, сослагательное наклонение, интонация, частицы, междометия, пейоративы и т.д.) и средства, которые встречаются только в некоторых источниках (суффиксы с унизительно-пренебрежительным значением, лексические повторы, вопросительные обороты «так ведь», «не правда ли», «не так ли» и т.д.). В большей части встреченные наблюдения касаются прагмалингвистических характеристик и контекстуальных средств передачи упрека, однако в работах встречаются также ценные замечания, примеры и таксономические единицы различных классификаций, которые попадают под данное нами определение маркеров и формальных средств выражения упрека и будут учтены. Наблюдения и классификации следующих авторов оказали влияние на создание настоящего списка маркеров упрека:

[Гулакова 2004: 79-133], [Давыдова 2003: 102-121], [Журавлева 2007: 94-96], [Каразия 2004б: 72-92], [Петрушина 2005: 74-75, 84-90], [Стексова 2003: 728-729], [Федорова 2004: 123-151].

3. Экспериментальность списка диктуется тем фактом, что все включенные в него маркеры и потенциальные конструкции упрека представляют собой своего рода «предположения», которые в дальнейшем будут обоснованы или опровергнуты в процессе корпусного поиска.

4. Авторская природа списка обусловлена неизбежным субъективизмом «первого шага», основанного на интуиции, бессознательном и научных предпочтениях составителя.

Список является завершающей частью этапа предварительного сбора материала и в то же время участком инициации этапа корпусного поиска, своеобразным «техническим проектом» поисковых запросов и имеет целью апробацию составляющих список потенциальных конструкций упрека посредством изучения «реакций» массивов корпусных данных.

2.6.1. Маркеры 1-го приближения

Структурно группа маркеров 1-го приближения неоднородна — она может быть разделена на маркеры, которые входят в состав формальных средств выражения упрека как лексемы (сочетание лексем) — лексические и лексико-грамматические маркеры, а также на маркеры, оформляющие упрек с помощью гетерогенных по своему составу (грамматических, синтаксических, стилистических и т.д.) языковых средств. Ко второму виду маркеров относятся языковые явления, которые в той или иной мере вплетены в контекст и представляют собой периферийные случаи, позволяющие отнести их, как к маркерам 1-го приближения, так и контекстуальным средствам выражения упрека. Несмотря на определенный субъективизм и наличие контекстной составляющей, мы считаем возможным отнести эти явления к группе маркеров 1-го приближения, поскольку многие из них представляют значительный интерес в качестве потенциальных сигналов упрека и не могут быть проигнорированы.

1. Конвенциональность и двухпропозиitivность упрека.

В исследованиях, выполненных в русле прагмалингвистического подхода, в качестве характеристики упрека часто упоминается существование некой «конвенции» между субъектом и объектом высказывания (см. об этом, например, [Стексова 2003: 728-729]). По мнению многих лингвистов, упрек должен состоять из двух частей — оглашение субъектом самой «конвенции» и информации о «нарушениях», которые объект упрека совершил. Типичным примером является сообщение отрицательного, по мнению субъекта, факта, а потом его ироническое осмысление в «положительном свете» (*Опять ты куришь в квартире — очень приятно всем этим этим дышать!*). Нам представляется спорным тезис об обязательной «конвенциональности» упрека, однако мы полностью разделяем идею, что двухпропозиitivные высказывания часто маркируют упрек (*Ты поздно пришел — но ничего, мне очень нравится разогревать тебе ужин!*).

2. Модальность и сослагательное наклонение.

Эти грамматические явления часто сопутствуют упреку («*Не следовало тебе этого делать!*», «*Ах, если бы я только знал тогда!*»). Абсолютно во всех известных нам работах по упреку, вне зависимости от научного мировоззрения их создателей, модальность и сослагательное наклонение в том или ином ключе признаются спутниками упрека.

3. Вопросительные и восклицательные знаки препинания.

Эти маркеры сигнализируют о наличии в устном дискурсе вопросительной (ИК 3) и восклицательной (ИК 6) интонации. На письме являются графическим оформлением таких частотных для упрека маркеров как вопросы и восклицания («*За что ты так со мной?*», «*Я ведь говорил!*»).

4. Вопрос и восклицание.

Представляют собой группу маркеров, четко формализованную за счет соответствующих знаков препинания. По отношению к упреку следует выделить частотное использование специальных вопросов — (см. «Вопросительные слова») и риторических вопросов и восклицаний — (см. «Тропы»). Вероятно, для упрека также характерны «агрессивные» вопросы (Термин В. Ю. Апресяна [Апресян

2003в]) и «агрессивные» восклицания (*Ты оглох? Я с кем разговариваю? Я тебе русским языком говорю!*).

5. Тропы⁵⁴.

Троп — в поэтике и литературоведении средство художественной выразительности. Такое использование слов и словосочетаний, при котором их иносказательное значение соотносится с буквальным по принципу смежности, сходства или противоположности [Корольков 1972: 626—630]. Тропы (Мы будем использовать термин в широком понимании, включая в него все средства художественной выразительности, приемы, фигуры и т.п.) сопровождают упрек во многих случаях. Важной особенностью этого маркера является тот факт, что некоторые виды тропов очень специфичны для упрека, в то время как другие почти в нем не встречаются. В данном списке представлены наиболее ценные с диагностической точки зрения для упрека тропы. Как и многие маркеры 1-го приближения, имеющие контекстуальную составляющую, тропы за некоторым исключением (например, умолчание) не могут быть использованы в качестве триггера поискового запроса, что в некоторой степени уменьшает их диагностическую ценность для исследования.

1) Риторический вопрос и риторическое восклицание

Риторический вопрос — вопросительное предложение, имеющее характер интенсифицированного утверждения или отрицания [Сковородников 2003а: 592]. Риторический вопрос — вопрос, который не требует ответа и ответ на который не ожидается. Это свойство риторического вопроса делает его маркером упрека, поскольку семантическое поле упрека не предполагает наличие ответа на упрек, а только выражение эмоциональной уязвленности субъекта (*Сколько еще мы будем терпеть эту несправедливость? За что ты так со мной?*).

⁵⁴ Представленные в этом разделе дефиниции тропов ни в коей мере не претендуют на уникальность или новаторство и взяты из классических академических источников. Мы в полной мере отдаем себе отчет, что на одного взыскательного читателя наличие словарных определений для столь хорошо изученного явления как тропы может произвести негативное впечатление «школярского» стиля, в то время как на другого окажет неприятный эффект их совершенное отсутствие. Несмотря на возможные возражения, мы, следуя давней академической традиции и стремясь сохранить последовательность и целостность изложения материала, приняли решение использовать определения тропов в тексте нашей работе.

Риторическое восклицание — явление, которое может рассматриваться в качестве обычного восклицательного предложения или пониматься как троп, близкий по своим характеристикам к восклицательному вопросу [Сковородников 2003б: 603].

Риторическое восклицание, как и риторический вопрос, обращено «в воздух» и не подразумевает ответной реакции объекта, что делает его возможным маркером упрека. (*Я не знаю, что тебе еще сказать! Ты была для меня всем!*)

2) Инверсия

Инверсия — прием, основанный на изменении нейтрального порядка членов предложения для достижения художественного или эмоционального эффекта [Сковородников 2003в: 211].

подавляющее большинство работ по порядку слов к основным функциями инверсии относит усилительную и выделительную (см., например, [Шишкин 2016: 58]). Благодаря этим двум функциям, инверсия в предложении часто может служить синтаксическим маркером упрека. Так, в паре примеров «*Я говорил тебе не ходить туда!*» (1) и «*Говорил я тебе не ходить туда!*» (2) оба предложения при соответствующей интонации способны выражать упрек, однако пример (2), созданный на основе инверсии, имеет очевидно более выраженную семантику упрека.

3) Метафора

Метафора — художественный прием придания высказыванию инносказательного смысла на основе принципа сходства [Емельянова 2003а: 324 — 327]. Скрытое сравнение свойств делает метафору частотным маркером упрека, что подтверждают и результаты исследований: «Мы можем говорить о метафоре как о языковом показателе тактики упрека, т.к. в 62% всех отмеченных нами случаев тактики упрека встретила метафора» [Гулакова 2004: 112]. Простые метафоры могут входить в состав упрека (*Ты же для меня весь мир!*), но и сам упрек может быть частью сложных метафор. В работах по упреку, написанных в русле теории речевых актов, часто встречается мысль, что упрек может создаваться последовательностью речевых актов — совокупностью предложений, а не только

единичным высказыванием. Такие совокупности представляют собой своеобразные инвективы, которые часто реализуются посредством сложных метафор. Примером подобной сложной метафоры, содержащей упрек, является «Баллада о брошенном корабле» В. С. Высоцкого. Сама сложная метафора-инвектива не может служить поисковым запросом, однако появление ее в выдаче является косвенным указанием на наличие формальных средств выражения упрека: *«Как же так, я ваш брат!», «До чего ж вы дошли?», «Значит, что мне — уйти?»* [Высоцкий 2012: 18-20] — во всех примерах упрек реализован посредством формальных средств. Характерной чертой сложных метафор-упреков является «квазиконтекстуальность» — целые отрывки таких инвектив могут быть поняты как упрек вне всякой зависимости от контекста:

*«До чего ж вы дошли,
Значит, что мне - уйти?
Если был на мели —
Дальше нету пути?!»*

[Высоцкий 2012: 18-20]. Для интерпретации этой строфы в качестве упрека, контекст стихотворения не играет решающей роли, упрек существует вне сюжета благодаря наличию формальных средств выражения упрека в каждой строке. Учитывая сказанное, мы полагаем целесообразным включение метафор (в том числе сложных метафор-инвектив) в список маркеров упрека 1-го приближения.

4) Эстетическая категория комического: юмор, ирония, сатира, сарказм, гротеск

Комическое — эстетическая категория, отражающая в искусстве реалии жизни, имеющие противоречивую, несообразную, абсурдную природу и осмысляющая эти реалии сквозь призму смешного [Шпагин 1966: 689—691].

Оформление упрека в языке с помощью различных видов комического ситуация очень частотная. В то же время выделение комического в качестве маркера 1-го приближения находится под вопросом. Проблема заключается не столько в возможном наличии контекстуальной составляющей (комическое вполне может быть реализовано в упреке и вне контекста), но в отсутствии формальных

признаков выражения комического в языке. Из сказанного следует, что, с одной стороны, комическое не следует относить к маркерам упрека из-за субъективности этой эстетической категории и нарушения критерия формальности, с другой — невозможно игнорировать факт частотности и диагностической ценности видов комического с преобладанием негативного отношения к объекту осмеяния — иронии, сатиры, сарказма, гротеска (*Прямо не знаю, как тебя благодарить-то! Вы же теперь министр, мозги Вам не к чему, так ведь? Как же это мы, убогие, без тебя-то? Ты такой умный, тебе череп не жмет?*). Очевидно, что из-за своей абстрактной и субъективной природы комическое не может служить в качестве конкретного поискового запроса, однако появление комического в результатах выдачи должно восприниматься исследователем как сигнал потенциального наличия упреков, выраженных формальными средствами, что и обуславливает включение этой эстетической категории в список маркеров 1-го приближения.

5) Антифразис

Антифразис (греч. — ἀντίφρασις) — придание словам противоположного смысла для достижения иронического эффекта [Сурков 1962: 243].

Хотя антифразис обычно называют подвидом иронии, на наш взгляд, он должен быть выделен как отдельный троп и маркер упрека (*Ну ты же у нас самый умный!*). На примере антифразиса можно наблюдать характерное для маркеров упрека сочетание внутренней антитезы и высокой степени признака.

6) Умолчание

Умолчание — художественный прием, при котором часть смысла высказывания передается не вербально, а с помощью подразумеваемого субъектом подтекста [Сковородников 2003г: 725].

Подобно риторическим вопросу и восклицанию умолчание имеет графическое выражение в письменном дискурсе — многоточие (*Да вы... да вы что.... Да как Вы смеете?*).

7) Гипербола и литота

Гипербола — художественный прием, основанный на принципе преувеличения с целью придания речи большей выразительности [Корольков 1964: 185—186].

Литота (греч. λιτότης — простота, сдержанность) — художественный прием, основанный на принципе преуменьшения с целью придания речи большей выразительности [Корольков 1967: 394—395].

Оба тропа по своей природе оценочны, что позволяет им маркировать упрек (*Неужели тебе ни капельки не стыдно? Ты уже миллион раз обещал!*)

8) Сравнение

Сравнение (лат. comparatio) — художественный прием уподобления одного объекта другому по одному или нескольким общим признакам с целью выявления значимых сходств и различий [Кожевников, Николаев 1987: 418].

Сравнение чего-либо для вынесения оценочного суждения — черта, свойственная упреку. Этот троп может использоваться как маркер 1-го приближения в корпусном поиске «ингерентных» упреков за счет наличия формальных реализаций в языке — сравнительных союзов (*как, как будто, словно, будто, точно, как бы*). Кроме того, для упрека характерны «зоосравнения» [Гулакова 2004: 109], в связи с чем сочетание сравнительных союзов с наименованиями животных, а также скрытое (метафорическое) сравнение с использованием наименований животных может служить маркером 1-го приближения (*Ты относишься ко мне как к собаке! И с таким ослом я живу!*).

9) Эпитеты

Эпитет — образное определение, имеющее экспрессивно-эмоциональную окраску и несущее в себе ярко выраженную оценку говорящего [Корольков 1975: 921—924].

Эпитет представляет собой еще один троп, имеющий оценочную природу. См. подробно «Экспрессивно-оценочная лексика».

6. Фразеологизмы

Фразеологизм — словосочетание или предложение, характеризующееся устойчивостью и неделимостью, смысл которого не может быть выведен из значения отдельных компонентов — слов [Емельянова 2003б: 737-739].

Фразеологические единицы способны входить в состав упрека, а также оформлять упрек как самостоятельные высказывания (*Он меня поедом ест! Что ты мне нервы*

тянешь? Начальство нам совсем кислород перекрыло... Да они в чужом глазу сучок видят, а в своем бревна не замечают! У тебя руки не оттуда растут! Вот тебе бабушка и Юрьев день... и др.). Подобные фразеологизмы представляют диагностическую ценность в качестве поисковых маркеров первого приближения.

7. Экспрессивно-оценочная лексика

Экспрессивно-оценочная лексика — лексемы, содержащие в себе выраженный оценочный компонент. Лексемы с эмоциональной окраской могут иметь широкий оценочный спектр: ирония, неодобрение, презрение, ласкательность, торжественность и др. [Жеребило 2010: 467].

Экспрессивно-оценочная лексика обычно условно подразделяется на лексику с отрицательной и положительной коннотацией. Эта классификация имеет очень развитую терминологию: вместо «экспрессивная лексика» используют «эмоциональная», «эмотивная»; термин «оценочный» заменяют на «аксиологический»; для лексем с положительной коннотацией (окраской, семантикой) встречаются относительно редкие «мелиоративы» или «мелиоративная лексика»; много близких терминологических вариантов существует для лексики с отрицательной коннотацией (окраской, семантикой) — «пейоративы» или «пейоративная лексика», «дерогативы» или «дерогативная лексика», «инвективы» или «инвективная лексика». Столь развитая синонимия терминов указывает на интерес лингвистов к этому явлению, а многообразие терминологических вариантов для лексики с отрицательной коннотацией указывает на ее количественное преобладание по сравнению с лексемами, имеющими положительную коннотацию. Упрек, как и любой другой вид «речевой (словесной, языковой, вербальной, коммуникативной) агрессии» [Воронцова 2006], часто маркируется использованием экспрессивно-оценочной лексики, прежде всего, с отрицательной коннотацией (*Шпионил? Что ты все время ноешь? Ты хоть одну книжонку прочти!*). Поскольку экспрессивность и оценка могут достигаться разнообразными способами в русском языке, необходимо подчеркнуть связь экспрессивно-оценочной лексики с другими маркерами списка: эпитетом, гиперболой и литотой — тропами, которые могут быть отнесены к сфере

экспрессивно-оценочной лексики (*Холодный и бессердечный человек! Ты абсолютное зло! У тебя нет ни капельки сострадания!*). Следует отметить, что отрицательная коннотация и экспрессивность могут быть достигнуты не только с помощью пейоративов, но также посредством включения в упрек табуированной лексики. Подобные употребления в свете своей специфики лежат на периферии нашей темы и требуют, как мы полагаем, отдельного исследования. На словообразовательном уровне еще одним способом достижения экспрессивности и негативной оценочной коннотации является использование суффиксов существительных с уничижительно-пренебрежительным значением (-ишк/-яшк, -ец/-иц/-ц, -уг/-ыг/-яг, -онк, -енк и др.). Такие диминутивы (например, *людишки, товариц, ворюга, книжонка* и т.д.) образуют группу слов, обозначаемую полузабытым термином «уничижительные имена»: «Уничижительные или унизительные имена (граммат.). — Школьная грамматика этим термином объединяет в одну группу имена существительные, образованные с различными суффиксами, придающими оттенок пренебрежительного умаления или уничижения» [Брокгауз, Ефрон 1902: 817]. Благодаря тому, что корпусный поиск может осуществляться посредством ввода суффиксов, уничижительные имена являются возможными маркерами 1-го приближения для упрека.

8. Лексические повторы

Позиционно-лексический повтор — вид повтора, при котором в синтаксической структуре имеются повторяющиеся участки с идентичным лексическим контентом [Сковородников 2003д: 483-484].

Наличие лексических повторов в результатах выдачи может свидетельствовать о существовании упрека (*Не знаешь? А кто за тебя знать будет? Сказали ждать... А чего ждать?*).

9. Придаточные условия

Упрек может быть оформлен с помощью придаточного предложения условия. Характерной особенностью для упрека является возможность использования условного придаточного без главной части (*А если бы я утонул? Если бы ты меня*

сначала спросил...). Это вписывается в три общих синтаксических тенденции упрёка:

— эффект эмоциональной уязвленности субъекта достигается за счет лаконичных «быстрых» высказываний;

— умолчание как троп передает упрек посредством обрыва и незавершенности предложения;

— этиология упрёка связана с устным дискурсом, для которого естественно существование придаточных без главной части.

Условное придаточное является для упрёка маркером 1-го приближения на синтаксическом уровне вне зависимости от наклонения сказуемого (*А если тебе сказали бы из окна прыгнуть, ты бы и это сделал? Если ты хоть на секунду оторвешься от телевизора!*). Сослагательное наклонение уже само по себе является маркером 1-го приближения для упрёка в любом типе предложений (И придаточное условия не исключение), но даже при наличии изъявительного наклонения придаточное условия демонстрирует потенциал к маркированию упрёка (*Тебе наплевать, если со мной что-то случится! Если ты такой — можешь уходить!*).

10. Маркеры «длительного и регулярного времени»

Обстоятельства времени и образа действия, выраженные соответствующими обстоятельственными наречиями, а также предложными и беспредложными конструкциями с существительными и субстантивированными частями речи, содержащими сему «время», являются высокочастотными маркерами 1-го приближения для упрёка: *постоянно, всегда, никогда, опять, снова, каждый раз, всякий раз, вечно, все время, всю жизнь, до (самой) смерти, денно и ночью, день и ночь, круглосуточно, во всякое время, весь век, до скончания веков, всякий час, до последнего дыхания, до морковкина заговенья, хронически, спокон веков, вовек, завсегда, извечно, из века в век, из раза в раз, в который раз, опять двадцать пять, вдругорядь, в очередной раз, по-новой, круглый год, без конца, бесконечно, круглые сутки, всю дорогу, без передышки, как заведенный, непрерывно, систематически, стабильно, неустанно, поминутно, беспрестанно, безостановочно, ежеминутно,*

ежечасно, ни разу, сроду, отродясь, не было случая, чтобы, лучшие годы и др. С упреком (Никогда ты меня не слушаешь! В очередной раз все испортил!) подобные обстоятельства роднит их способность передавать эмоциональную уязвленность посредством семантики длительно тянущегося процесса или периодически происходящего действия, неприятных субъекту высказывания и вызывающих у него раздражение.

11. Личные местоимения

Местоимения всех разрядов представляют диагностическую ценность как маркеры 1-го приближения для упрека. Ценность эта неоднородна: вопросительные местоимения (см. также «Вопросительные слова») обладают гораздо большим потенциалом маркирования упрека, чем, например, отрицательные местоимения (Ср., например: *«Что вы за люди такие?»* и *«Ничего тебе нельзя доверить!»*). Высокую «диагностическую ценность» имеют также личные местоимения (*Я так тебе верил! Как же ты мог?*). В первую очередь, это касается личного местоимения 1-го лица единственного числа (*я*) и личных местоимений 2-го лица единственного и множественного числа (*ты, вы*) во всех формах⁵⁵. Несмотря на низкую специфичность к упреку личных местоимений вне сочетаний, игнорировать факт высокой частотности нахождения личных местоимений в упреке просто невозможно.

12. Вопросительные слова

Для оформления упрека характерны специальные вопросы. Обязательной чертой таких вопросов является наличие вопросительных слов, выраженных вопросительными местоимениями (*кто, что, какой, который, каковой, чей, кой, сколько*) и вопросительными местоименными наречиями (*где, куда, когда, зачем, как, почему, откуда, отчего*). К увеличению диагностической ценности

⁵⁵ Безусловным «королем» маркеров упрека является личное местоимение 2 лица ед.ч. (*ты*) во всех падежных формах. Это представляется легко объяснимым, если вспомнить, что упрек в высказывании очень часто обращен к объекту, статус которого субъект оценивает как более низкий или равный себе, но никогда не более высокий. Господин, находясь в хорошем расположении духа, может упрекнуть слугу: *«Ведь уж скоро десятый час! Федот, что же ты, братец, одурел что ли? Не подаешь гостям чего-нибудь горяченького? Живей носи кофе и чаю!»* [А. А. Нильский. Закулисная хроника (1893-1897)]. Но слуга, конечно, не может упрекать господина, как и обращаться к нему на «ты».

специального вопроса приводит появление в нем частиц, особенно усилительной частицы *же* (*ж*) (*А что ж ты тогда не пришел? Когда же это все кончится? Зачем же ты так со мной?*).

13. Частицы

Наличие как формообразующих, так и смысловых частиц является маркером 1-го приближения для упрека (*«Давай, ну что же ты! — подначивает Лампе»* [Мысин Н. Центровой «Химок» Мачей Лампе: Во время драфта НБА я чуть не плакал // Советский спорт, 2008.03.11], *«— Дом полон бездельников! Неужели нельзя купить бутылку молока?»* [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000)]). Разные виды частиц обладают разной специфичностью к упреку. Смысловые частицы более частотны в упреке по сравнению с формообразующими (исключая частицу *бы* (*б*), оформляющую другой маркер упрека — сослагательное наклонение). Диагностического равенства нет и внутри разряда смысловых частиц. Так, например, исключительна роль усилительных частиц, интенсифицирующих упрек (*Я же тебя просил! Ты даже не позвонил!*), и вопросительных (*Разве ты человек? Неужели про каждого надо рассказывать?*), участвующих в создании другого маркера упрека — вопроса.

14. Междометия

Междометия (Мы будем использовать термин в максимально широком значении, включая звукоподражательные слова и формулы вежливости, а также устойчивые сочетания междометий с частицами), частотны при оформлении упрека. Подобно частицам многие междометия могут маркировать упрек. Как и частицы, некоторые из них обладают более высокой специфичностью в силу своей природы (Например, междометие *«ай-ай-ай»* согласно МАС в значении 2 *«выражает неудовольствие, упрек, порицание, сожаление и.т.п.»* [МАС 1985: 27], то есть вне всякого контекста, по меньшей мере в 50% случаев, способно выражать упрек вне контекста). Для упрека также характерно использование формул речевого этикета (*здравствуйте, извините, пожалуйста, спасибо* и т.д.) в антифразисном ключе (*Ну спасибо, услужил! Ты извини, конечно, но... Ни тебе здрасте, ни тебе до свидания...*).

Ниже перечислены междометия, обладающие, на наш взгляд, возможной диагностической ценностью по отношению к упреку: *ах, батюшки, ну и ну, ой, ой-ой-ой, ох, алле, ого, увы, фи, фу, цыц, эх, эхм, гм, тьфу, боже, господи, ишь, подумаешь, подумать только, пожалуйста, помилуйте, скажите, вона (прост.), то-то, полно, ей-же-ей, батюшки-света, боже мой, боже праведный, боже правый, господи боже мой, господи прости (прости господи), боже упаси (упаси бог), боже сохрани, господи благослови, господи помилуй, слава богу, черта с два, что за черт, поди ж ты, скажите на милость, вот тебе на, вот тебе раз, вот так так, вот то-то и оно (то-то и оно-то), вот это да, как бы не так, чтоб тебя, горе, беда, вот так штука, вот так клюква, вот так номер, мерси, ай, ай-ай-ай, бог с тобой, вот тебе на, вот тебе раз, как бы не так, как же, на тебе (нате), ну да (ну да, как же), ну и ну, однако, эва, эк, эка, эх, эхма, с ума сойти, ой-ой-ошеньки, охохонюшки, охохошеньки, ах ты, ох ты, ух ты, их ты, ишь ты, эх ты, тьфу ты, фу ты, ну ты. тьфу черт, ах боже мой, тьфу на него, тьфу мне на них, здравствуй(те), до свиданья, спасибо, благодарю, благодарствуй(те), прощай(те), извини(те), прости(те), пожалуйста, всего хорошего, всего (разг.), мое почтение, привет (разг.), здорово (прост.), пока (разг.), ан нет, ан глядь (Список создан на основе междометий, представленных в [Шведова 1980: 731-735]).*

2.6.2. Маркеры 2-го приближения и потенциальные конструкции упрека

Представленные ниже маркеры 2-го приближения являются высокоспецифичными «сигналами», позволяющими «заподозрить» упрек в том или ином локусе дискурса. Несмотря на субъективность своей природы, они дают исследователю возможность «спрогнозировать» соответствующие потенциальные конструкции упрека, которые, в свою очередь, являются объективными единицами поиска и представляют собой «технические проекты» корпусных запросов. Вследствие своей экстралингвистической природы механизм перехода от субъективных единиц этапа предварительного сбора материала (маркеров) к объективным единицам этапа корпусного поиска (потенциальным конструкциям упрека) остается за рамками нашего исследования и может послужить темой

отдельной работы. Мы же при составлении описания нижеследующих потенциальных конструкций упрека стремились отразить признаки этого перехода посредством структуры самого описания — от маркеров к конструкциям.

1.

Комбинация частицы «*небось*» с местоимениями / наречиями и глаголами

Такие сочетания демонстрируют высокую специфичность к упреку, что делает их маркерами 2-го приближения.

Потенциальные конструкции:

- 1) «*небось* + *опять* + глагол»
- 2) «*сам* + *небось* + глагол»

2.

«Отрицательная перформативность»

Как уже упоминалось в работе, использование «упрекательных» глаголов (*упрекать, попрекать, корить, обвинять, осуждать* и т.д.) в упреке сильно затруднено и является классическим примером «иллокутивного самоубийства» [Вендлер 1985]. В то же время употребление этих глаголов в отрицательном предложении может быть специфично для упрека и являться маркером 2-го приближения. Пример подобного использования глагола «*упрекать*» встречается в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)»: «Напротив, с отрицанием этот глагол естественным образом употребляется в 1 л. настоящего времени: *Я не упрекаю вас, но...*» [Булыгина, Шмелев 1997: 413].

Потенциальная конструкция:

«*не упрекаю, но...*»

3.

«Модальный оператор неодобрения» [Петрушина 2005: 84]

Под этим термином М. В. Петрушина понимает «устойчивое сочетание формы прошедшего времени глагола *найти* (*нашел*) с вопросительно-относительными по природе местоимениями или местоименными наречиями - *кто, что* (в формах косвенных падежей), *куда, где, откуда, когда, отчего* и др.»

(«*Нашел, с кем спорить!*», пример М. В. Петрушиной), а также конструкции «*Ну и водитель!*», «*Что за водитель?*», «*Тожже мне водитель!*» [Петрушина 2005: 84].

На наш взгляд, при соответствующей модификации речь будет идти не о неодобрении «вообще», а непосредственно об упреке.

Потенциальные конструкции:

1) «*найти* (прошедшее время, 1 место в предложении) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив

2)

вариант 1: «*ну + что + за + одушевленное существительное*»

вариант 2: «*что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией*»

3)

вариант 1: «*ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией*»

вариант 2: «*ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты*»

4)

вариант 1: «*тоже + мне + одушевленное существительное*»

вариант 2: «*тоже + одушевленное существительное + выискаться* (прош. время)»

4.

Сочетания, имеющие в своем составе личные местоимения (Д. п.), выделительно-ограничительные частицы и инфинитив

Для сочетаний этого вида характерно присутствие личных местоимений в Д. п. и выделительно-ограничительных частиц, а также нередко и сослагательного наклонения, что в совокупности делает их маркерами упрека 2-го приближения.

Потенциальная конструкция:

вариант 1: «*тебе + лишь бы + инфинитив*»

вариант 2: «*тебе + только бы + инфинитив*»

5.

Сочетания, имеющие в своем составе вопросительно-относительные местоимения (местоименные наречия), усилительную частицу «уж» и личные местоимения (Д. п.).

Сами по себе, вне связи с другими лексемами, местоимения обладают хотя и высокой частотностью, но низкой специфичностью применительно упреку. Однако использование сразу двух разрядов — личных и вопросительно-относительных местоимений (местоименных наречий) — вместе с частицами превращает такие сочетания в маркеры 2-го приближения.

Потенциальная конструкция:

вариант 1: «где + уж + личное местоимение Д. п.»

вариант 2: «куда + уж + личное местоимение Д. п.»

6.

Комбинация маркеров «длительного и регулярного времени» с личными местоимениями 2 лица

Такие сочетания должны, по нашему мнению, быть выделены в отдельную группу маркеров 2-го приближения в силу своей частотности и специфичности.

Потенциальные конструкции:

1)

вариант 1: «вечно + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»

вариант 2: «опять + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»

2)

вариант 1: «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + всегда + глагол (2 л.; наст. вр.)»

вариант 2: «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + постоянно + глагол (2 л.; наст. вр.)»

7.

«Я + предупреждал(а)...»

Предложения с глаголом «предупреждать» имеют признаки маркера 2-го приближения для упрека. Обязательными чертами таких предложений является наличие подлежащего, выраженного личным местоимением 1-го лица ед. ч. Им. п., и сказуемого, выраженного глаголом «предупреждать» в прошедшем времени. Очень частотны для таких высказываний наличие усилительных частиц «же», «ведь», личных местоимений 2 л. Д. п. Остальные параметры могут варьироваться.

Потенциальная конструкция:

«я + частица + *предупреждал* (а)»

8.

Количественные сочетания, включающие в себя круглые числа и слово «раз»

К ним (с осторожностью) могут быть также отнесены сочетания «*столько раз*», «*сколько раз*», «*много раз*» и др. Если в случае с маркерами «длительного и регулярного времени» эмоциональная уязвленность упрекающего (раздражение) передается через субъективное ощущение временной «бесконечности» неприятного процесса, то в числовых сочетаниях со словом «раз» той же цели служит гиперболизация количественной характеристики.

Потенциальная конструкция:

«*сто + раз + говорить* (прошедшее время)»

9.

Семантическое поле стыда

Категория стыда попадает в сферу изучения многих наук (философии, социологии, биологии, психологии, религиоведения и др.). Мысль о взаимосвязи стыда и упрека встречается у исследователей, работающих в русле различных научных дисциплин (см., например, [Hanson 1996]). Для нашего исследования имеет значение практическое следствие близости этих двух явлений. Лексемы, имеющие в своем составе корни «*стыд*», «*совест*», «*срам*» и другие, входящие в сферу притяжения семантического поля стыда, должны обладать высокой диагностической ценностью как маркеры 2-го приближения.

Потенциальные конструкции:

- 1) «*не + стыдно + личное местоимение* (2 лицо)»
- 2) «*личное местоимение* (2 лицо) + *не + совестно*»
- 3) «*срам да и только*»

10.

Семантическое поле «нарушение границ»

В эту группу входят сочетания различного генеза. В целом, они ассоциированы с такими маркерами упрека 1-го приближения как личные и

вопросительные местоимения (местоименные наречия), модальность, вопросительные (восклицательные) знаки. Такие сочетания характерны для упрека и могут быть интерпретированы как маркеры 2-го приближения. Высказывания, содержащие их, объединены общей семантикой — субъект транслирует уязвленность фактом реального / мнимого / еще не случившегося и т.д. нарушения его личных границ, прав, свобод и т.д., возлагая вину на объект.

Потенциальные конструкции:

- 1) «*как* + личное местоимение (2 лицо)» + *сметь* (2 лицо)!»
- 2) «*сколько* + *можно* + ?»
- 3) «*какое право* + личное местоимение (2 лицо) + *иметь* (настоящее время, 2 лицо)»
- 4) «*с какой стати* + личное местоимение (2 лицо) + глагол»

11.

Комбинация лексем «*зря*», «*напрасно*» с личными местоимениями

Такие сочетания высокоспецифичны для упрека, что позволяет отнести их к маркерам 2-го приближения.

Потенциальные конструкции:

- 1) «*зря* + личное местоимение (2 лицо, Им. п.)»
- 2) «*напрасно* + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)»

12.

Комбинации, включающие в свой состав сочетание «*a* + *еще*» и существительное

Такие сочетания демонстрируют высокую специфичность к упреку и должны быть отнесены к маркерам 2-го приближения.

Потенциальная конструкция:

«*a* + *еще* + существительное (Им. п., одушевленность) + !»

13.

Семантическое поле «справедливое наказание»

Упрек часто подразумевает, что реальные / мнимые действия объекта упрека привели с точки зрения субъекта к отрицательным последствиям, которые не останутся / не остались безнаказанными. Лексемы и словосочетания, передающие

эту семантику, — еще один показательный пример лексических маркеров 2-го приближения.

Потенциальные конструкции:

1) *«подделом + личное местоимение (Д. п.)»*

2) *«так + личное местоимение 2-го лица (Д. п.) + и + надо»*

14.

Сценарии психологической манипуляции, описанные Э. Берном в книге «Игры, в которые играют люди» [Берн 2016а]

Можно предположить, что терминологические сочетания, с помощью которых Э. Берн обозначил сценарии психологической манипуляции, способны маркировать упрек. Вызывает интерес, что разные авторы предлагают различные варианты перевода этих терминов на русский язык (см. Таблица 12):

Таблица 12 — Сценарии психологической манипуляции по Э. Берну в разных переводах

А. И. Фет [Берн 2016а: 74, 89, 90, 125]	А. Грузберг [Берн 2016б: 70, 86, 87, 129]
<i>«Вот что я из-за тебя наделал»</i>	<i>«Смотри, что я из-за тебя сделал»</i>
<i>«Всё из-за тебя»</i>	<i>«Если бы не ты»</i>
<i>«Посмотри, как я старался»</i>	<i>«Видишь, как я старался»</i>
<i>«Я только стараюсь вам помочь»</i>	<i>«Я только пытаюсь вам помочь»</i>

Два сценария в обоих переводах содержат маркер упрека 2-го приближения *«из-за + личное местоимение (2 лицо)»* и при соответствующей модификации требуют дальнейшего рассмотрения.

Потенциальная конструкция:

вариант 1: *«все + из-за + личное местоимение (2 лицо)»*

вариант 2: *«я + из-за + личное местоимение (2 лицо)»*

Завершая список маркеров и потенциальных конструкций упрека, необходимо еще раз подчеркнуть его экспериментальную и гипотетическую природу. Список не ставит себе задачей описание абсолютно всех существующих

в русском языке маркеров и потенциальных конструкций упрека, он представляет собой первоначальный материал для инициации корпусного поиска формальных средств выражения упрека.

Все представленные выше потенциальные конструкции вне доказательной базы по своей сути умозрительны, представляют собой «технические планы» корпусного поиска и нуждаются в подтверждении на основе массивов языковых данных. НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] предоставляет исследователю подобную возможность, выступая одновременно как в роли инструмента, так и в качестве доказательной базы. Логичным выглядит предположение, что часть потенциальных конструкций, представленных в списке, обнаружит свою несостоятельность, в то время как другие подтвердят свой статус в качестве формальных средств выражения упрека. В то же время, уже сейчас, исходя из контента списка, можно спрогнозировать четыре тенденции этапа корпусного поиска:

1. Сочетания различных видов маркеров в одном высказывании будут более эффективны, чем отдельные маркеры. Например, потенциальная конструкция упрека, содержащая одновременно междометия и местоимения, с большей вероятностью укажет на формальное средство выражения упрека, чем конструкция, включающая в себя только междометие или только местоимение по отдельности.
2. Чем меньше составных элементов в потенциальной конструкции упрека, тем количественно больше будет выдача.
3. Превалирование среди личных местоимений личного местоимения 2-го лица ед.ч. является характерным признаком упрека и в определенной мере позволит сузить поле поиска.
4. Генетическое родство и высокая специфичность маркеров 2-го приближения и формальных средств выражения упрека делает в отдельных случаях крайне затруднительным их разграничение, несмотря на принадлежность этих единиц к разным типам сущностей.

ВЫВОДЫ

Приступая к работе над главой, мы ставили следующие задачи: разработка методологической базы исследования, рассмотрение закономерностей, присущих корпусному поиску формальных средств выражения упрека, а также создание экспериментального списка потенциальных конструкций упрека. Обобщая результаты работы, можно сделать следующие выводы:

1. Корпусный поиск формальных средств выражения упрека предполагает:
 - переход от теоретического анализа феномена упрека к отбору конкретных инструментов — маркеров и потенциальных конструкций упрека;
 - изучение факторов, влияющих на корпусный поиск формальных средств выражения упрека;
 - переосмысление в рамках поставленной задачи существующих классификаций упрека, с целью поиска и выделения потенциальных конструкций упрека.
2. Практическая часть работы имеет фундаментом методологическую «триаду» — идеи грамматики конструкций, «классическое» представление о формальных средствах, функционал корпусной лингвистики — и подразделяется на два этапа: этап предварительного сбора материала и этап корпусного поиска.
3. Согласно идее исследования, если «реакцией» корпуса на поисковый запрос, сформированный на базе потенциальной конструкции, становится выдача, результаты которой с точки зрения семантики упрека преодолевают установленный исследованием статистический порог в 90%, такая потенциальная конструкция должна быть признана формальным средством выражения упрека, а все результаты данной выдачи, попадающие в семантическое поле упрека, ее воплощениями — «ингерентными» упреками.
4. Маркер упрека — это сигнальный отрезок дискурса, несущий информацию о возможности существования упрека в исследуемом локусе. Маркеры упрека — субъективные единицы этапа предварительного сбора материала, лишённые, как правило, синтаксической и семантической завершенности, не обладающие системной природой и зависящие от интуиции и научных предпочтений

исследователя. Маркеры условно могут быть классифицированы на основании своей «диагностической ценности» как маркеры 1-го и 2-го приближения.

Маркеры 1-го приближения имеют высокий уровень субъективности и низкий специфичности, вследствие чего часто могут давать ложноположительные по отношению к упреку результаты выдачи.

Маркеры 2-го приближения представляют собой сигнальные отрезки дискурса, обладающие высокой «диагностической ценностью» и служащие для исследователя своеобразным интуитивным триггером для прогнозирования и создания потенциальных конструкций упрека.

Механизм трансформации единиц субъективного уровня (маркеров 2-го приближения) в единицы объективного уровня (потенциальные конструкции упрека) имеет, по всей видимости, психолингвистическую природу и требует самостоятельного исследования.

5. Формальные средства выражения упрека представляют собой объективные единицы этапа корпусного поиска, поскольку могут (и должны) быть подтверждены эмпирическим путем посредством «визуализации» потенциальных конструкций упрека на основании результатов корпусной выдачи. Формальные средства выражения упрека по условиям исследования должны демонстрировать специфичность выше 90%, они имеют системную природу, смысловую и синтаксическую завершенность.

6. Вопрос о разграничении маркеров и формальных средств выражения упрека является одним из узловых для нашего исследования. Он делится на две условные части: различение маркеров 1-го и 2-го приближения между собой и переход от маркеров 2-го приближения к потенциальным конструкциям упрека. Первая часть в большинстве случаев не представляет сложности. Маркеры 1-го приближения противопоставлены маркерам 2-го приближения за счет своей высокой субъективности и низкой специфичности. Другим важным критерием является «статистическая пропасть» в выдачах корпуса между маркерами 1-го и 2-го приближения. Основную трудность вызывает вторая часть вопроса — разделение маркеров 2-го приближения и формальных средств выражения упрека.

Разграничительными критериями при одинаковом диапазоне специфичности к упреку следует считать отсутствие или наличие системной природы, а также синтаксической и смысловой завершенности. В качестве основного критерия выступает принадлежность маркеров и конструкций к различным парадигмам, что делает невозможным их смешение.

7. На процедуру корпусного поиска формальных средств выражения упрека неизбежное влияние оказывает фактор интуиции, порождающий проблему «первого шага». Суть этой проблемы заключается в невозможности формализации и контроля триггерного звена поиска — интуитивного «импульса-прозрения» исследователя. Как бы четко не были сформулированы и определены критерии корпусного поиска, начало свое они берут из неконтролируемой области бессознательного, из чего следует, что на всем последующем процессе научного анализа и корпусного поиска будет лежать отпечаток научных взглядов и интуиции исследователя. Другой стороной проблемы «первого шага» является фактическая невозможность исключить интуицию из процедуры корпусного поиска, так как согласно логике, каждый последующий критерий должен быть обусловлен предшествующим, в то время как первый в ряду критериев может быть определен только субъективно, на основе интуиции исследователя.

8. Субъективизм «первого шага», а также сам факт существования персоны исследователя с ее интуицией, уникальной картиной мира, научной идеологией и т.д. порождает еще один ключевой фактор влияния на корпусный поиск формальных средств — фактор интерпретации. В составе фактора интерпретации представляется целесообразным выделение двух аспектов:

- Относительность статистики
- Относительность репрезентативности

С точки зрения процедуры анализа полученных данных, «слабым звеном» корпусного поиска является фигура «интерпретатора». Итоговые результаты оцениваются исследователем, но эта оценка происходит не только на основе формальных критериев, но и под влиянием вовлеченности исследователя в свою

работу, что, как и в случае с фактором интуиции, приводит к неизбежному субъективизму. Так возникает «проблема последнего шага».

9. Взаимосвязь «диагностической ценности» маркеров и потенциальных конструкций упрека с количеством результатов в выдаче выражается следующим правилом: чем выше специфичность к упреку, тем меньше выдача корпуса. Между маркером 1-го и 2-го приближения существует «статистическая пропасть» — разница в несколько порядков, в то время как цифры выдачи маркера 2-го приближения и формального средства выражения упрека отличаются относительно мало и колеблются, как правило, внутри одного порядка.

10. Заключительная часть главы представляет собой список маркеров и потенциальных конструкций упрека. Список имеет экспериментальную, синтетическую, гипотетическую и авторскую природу.

ГЛАВА 3. Представление результатов корпусного исследования формальных средств выражения упрека в русском языке

3.1. Процедура корпусного поиска формальных средств выражения упрека

Данная глава представляет собой практическую и экспериментальную реализацию теоретических критериев и методических принципов исследования, рассмотренных в первой и второй главах.

Наиболее сложным в техническом плане остается вопрос о преодолении субъективизма «первого» и «последнего шага» корпусного поиска. Как было показано во второй главе, фактор интуиции и фактор интерпретации являются характеристикой не только корпусного подхода, но в той или иной мере присущи любому научному анализу и не могут быть полностью элиминированы из исследовательской деятельности в целом и процедуры корпусного поиска в частности.

Вместе с тем, одним из тезисов исследования выступает мысль о приоритете при работе с корпусом качественного подхода над количественным, примате «относительной» статистики над статистикой точных цифр. В корпусном поиске формальных средств первичным, на наш взгляд, является не вопрос «Сколько именно реализаций данного феномена зафиксировано в корпусе?», а вопрос «Представлен ли изучаемый феномен в корпусе?». И на этот вопрос корпус может дать совершенно объективные ответы. Субъективизм «первого» и «последнего» шага нивелируется в данном случае, поскольку акцент поиска смещается с интерпретации количества данных на их получение. Статистический порог, принятый в исследовании как основной критерий доказательства формальной природы потенциальных конструкций упрека, условен и отражает «классический» взгляд на формальные средства как обладающие системностью, обязательностью и регулярностью. Его функция — не сбор точной количественной информации, а доказательство существования формальных средств выражения упрека в русском языке. Учитывая все возможные погрешности, а также условность самого статистического порога, следует признать, что потенциальные конструкции,

набравшие, например, 70-89% специфичности к упреку, также, вероятно, должны быть отнесены к формальным средствам выражения упрека. Такой вывод демонстрирует «узкое место» метода — часть материала будет неизбежно утрачена, что, конечно, отрицательно сказалось бы на объективности представленных результатов, иди речь о статистике «точных цифр». Однако, неизбежные погрешности не играют никакой значимой роли и даже могут служить косвенным подтверждением тезисов работы в случае смещения фокуса статистики с поиска точных цифр на доказательство самого факта существования формальных средств выражения упрека в русском языке. Технически выполнимым объективным условием при таком подходе становится тщательная стандартизация и алгоритмизация самой процедуры корпусного поиска. Строго говоря, речь не идет о «поиске» как таковом, поскольку имеется в виду апробация уже существующего списка потенциальных конструкций упрека посредством корпуса. Однако сочетание «корпусный поиск» не обязательно означает нахождение чего-либо с помощью поисковой машины корпуса, но гораздо чаще встречается в лингвистической литературе по отношению к любой исследовательской деятельности, производимой в корпусе. Мы используем термин «поиск» именно в таком понимании. Рисунок 10. демонстрирует, как неизбежный субъективизм «первого» и «последнего» шага может быть частично преодолен последовательной унификацией и систематизацией этапа корпусного поиска.

Субъективные факторы «первого шага» перестают оказывать столь значимое влияние на процедуру корпусного поиска, в силу того что механизм представленного алгоритма полностью исключает контекстуальную составляющую и функционирует вне прагмалингвистических дефиниций упрека. Задачей алгоритма является апробация потенциальных конструкций на базе корпуса с целью поиска формальных средств выражения упрека в русском языке, в то время как точные цифры выдач играют второстепенную роль. Иными словами, по условиям исследования для подтверждения существования в русском языке «ингерентных» упреков, выраженных конкретной конструкцией, важен сам факт выдачи, содержащей более 90% результатов, попадающих под семантику упрека.

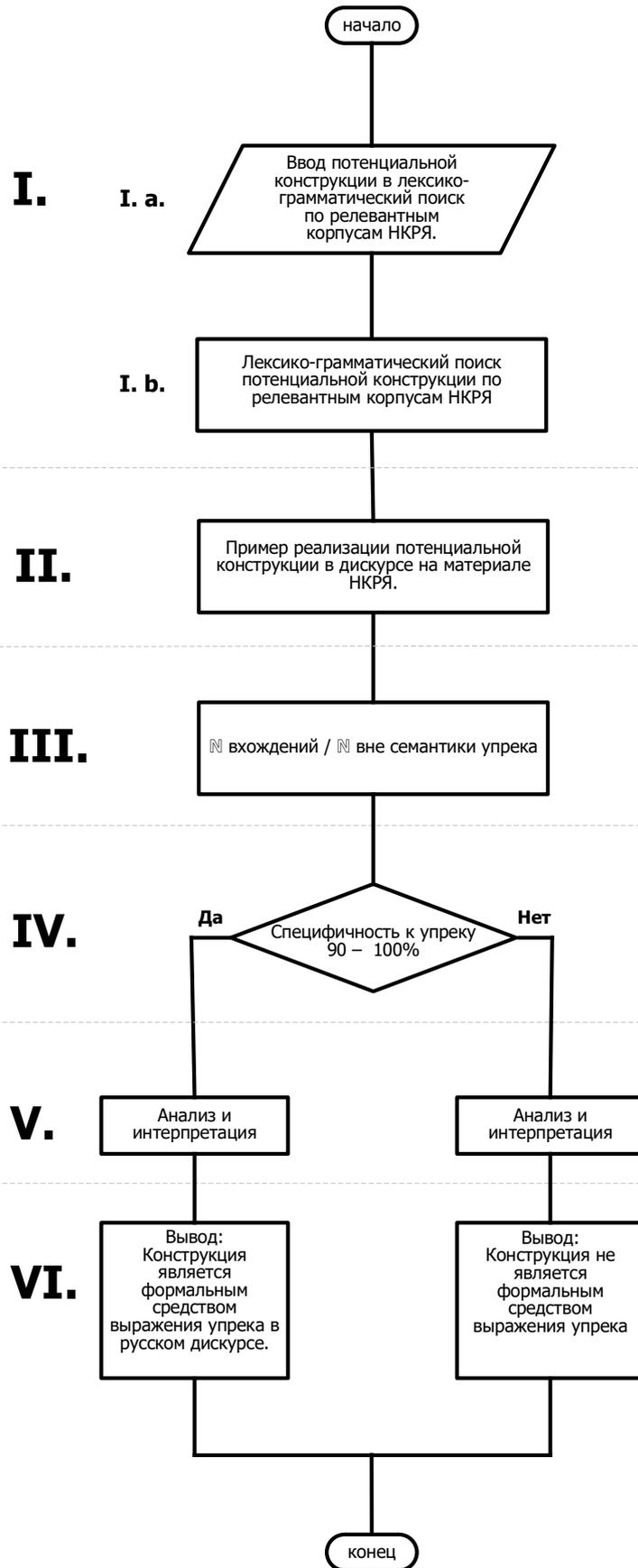

Рисунок 10 — Алгоритм корпусного поиска формальных средств выражения упрека.

В то же время количественная характеристика самой выдачи несет дополнительную смысловую нагрузку, указывая на частотность формального средства в языке. Таким образом, природа предложенного алгоритма, а также отказ от диктата точных цифр в определенной мере снижают энтропию «первого шага».

Сказанное также справедливо и для преодоления субъективизма «последнего шага». Хотя «последний шаг» алгоритма — анализ и интерпретация данных — в меньшей мере поддается контролю и унификации, наличие теоретических критериев и методологических принципов отбора материала, рассмотренных в первой и второй главах, позволяют в некоторой мере преодолеть субъективизм оценки результатов.

3.2. Данные корпусного поиска формальных средств выражения упрека по потенциальным конструкциям упрека⁵⁶

1.

Комбинация частицы «*небось*» с местоимениями / наречиями и глаголами

1) «*небось* + *опять* + глагол»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*небось* + *опять* + глагол» (**небось** на расстоянии от 1 до 3 от **опять** на расстоянии от 1 до 3 от **V**)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 28 документов, 28 вхождений / 1 вне семантики упрека

Газетный корпус: 3 документа, 3 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: выдачи нет

⁵⁶ Статистика актуальна на январь - ноябрь 2020.

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Так и будешь ходить всю зиму? Небось, опять на перилах ездил?*» [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

31 вхождение / 1 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

96,7%

V. Анализ и интерпретация

Наиболее характерными и ожидаемыми при интерпретации семантики примеров являются возражения вида «То, что в корпусной выдаче, как утверждает автор, 96,7% упреков — крайне сомнительно» и «Эта конструкция — не упрек, а обвинение / оскорбление / порицание и т.д.». Хотя, как отмечалось выше, анализ контекста и семантики играет прикладную роль и не является целью исследования, в свете типичности подобных замечаний мы считаем необходимым еще раз вернуться к этому вопросу, продемонстрировав нашу точку зрения на примере конкретной конструкции.

1. Невозможно отрицать, что семантическое поле упрека имеет свои границы, воспринимаемые через «предельность» значений. Нельзя упрекнуть кого-то в убийстве ребенка (**Небось опять убил ребенка? Сколько можно? Это уже пятый в этом месяце!*) так же, как и трудно представить упрек в проявлении милосердия (**Как же тебе не стыдно? Небось опять ходил бедным помогать?*). Хотя в обоих примерах присутствует эмоциональная уязвленность говорящего, упрек не может состояться. Такие «упреки» звучат для носителя языка скорее как антифразис с элементами гротеска, созданный с художественной целью. В первом случае обвинительный компонент в своей бесчеловечности заведомо превышает предел воздействия, возможный для упрека, во втором — полностью элиминирован, поскольку помощь бедным очевидно не может служить причиной порицания. Однако в выдаче такие искусственно сконструированные «пороговые» случаи

закономерно отсутствуют, из чего косвенно следует, что корпусные примеры, которые могут ставиться под сомнение гипотетическими интерпретаторами, все же в той или иной мере попадают в семантическое поле упрека или по крайней мере тяготеют к нему и не должны сразу категорично отвергаться как «не-упреки» без тщательного анализа и убедительной аргументации. Рассмотрим ситуацию на примере «сомнительных» высказываний из выдачи на конструкцию «*небось* + *опять* + глагол»:

(1) «***Небось опять что-то комбинирует, выкручивает... Сволочь волосатая***» [Александра Маринина. За все надо платить (1995)].

(2) «***Ты небось опять голодная сидишь, привезу тебе продукты, накормлю, но мне нужно будет немного поработать***» [Александра Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)].

(3) «***Небось опять скажете — ни в чем не виновен!***» [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)].

Кажется, что все представленные примеры объединены общей тенденцией — частица «*небось*» предстает здесь в своей «оригинальной» эпистемической модальности и поэтому речь в предложении идет не об упреке, а об уверенности говорящего. Но так ли это в действительности? В примере (1) видно, что выражение уверенности в том, что «*сволочь волосатая*» что-то делает, не является коммуникативной целью этого предложения. Субъект высказывания не просто уверен в действиях «*сволочи*», но и явно не одобряет их. Уверенность здесь лишь основание упрека, который и является истинной коммуникативной целью высказывания. В примере (2), за счет явного ослабления обвинительной компонента, «*небось*» проявляет свою «вероятностную» природу контрастнее. Семантика упрека не так очевидна, как в примере (1), однако отметим, что вторая часть «*...но мне нужно будет немного поработать*» содержит противительный смысл, что, в целом, позволяет отнести это высказывание к «ласковому» упреку с ослабленным обвинительным компонентом. Пример (3), напротив, содержит усиленную обвинительную составляющую, которая явно заслоняет «вероятностную» сущность «*небось*». Добавим к этому резкую эмоциональность

примера, транслируемую с помощью двойного отрицания, лексемы с корнем «вина», тире между частями, восклицательного знака, и перед нами «классический» упрек, где «небось» подчеркивает обвинительный и эмоциональный тон высказывания, а не сообщает об убежденности говорящего, что кто-то что-то скажет.

2. Вопрос различения упрека и иных видов речевой агрессии проистекает из системной проблемы субъективизма интерпретации данных. Упрек с сильным обвинительным компонентом нетрудно спутать с более «жестким» видом речевой агрессии⁵⁷: «— *А вот как мои детки черногорцы? Небось опять заведут кровавые свары, начнут резать друг друга. Вот о чем болит моя душа*» [Н. Н. Алексеев. *Игра судьбы* (1899)], а упрек со стертой обвинительной составляющей может сливаться с доброжелательной журьбой или благодушной иронией: «*Увидев готовую машину, он дружески обернулся к техникам: — Небось, опять не отдыхали? Всю ночь возились? — Так точно, товарищ капитан!*» [Н. Ф. Гильярди. *Борис Сафонов* (1950)]. Однако, не вызывает сомнений, что на одного гипотетического интерпретатора, который не сочтет пример упреком, в конце концов найдется другой гипотетический интерпретатор, воспринимающий тот же самый пример как упрек. Упирается ли в таком случае проблема в количество интерпретаторов? Может быть, опрос достаточного числа респондентов позволит поставить точку в этом вопросе? Мы очень сомневаемся в верности этого утверждения и целесообразности такого опроса. Даже если представить, что можно провести опрос по корпусным примерам на какую-то одну конструкцию упрека и при этом не учитывать немаловажные характеристики информантов (возраст, пол, социальное положение, образование и т.д.), такое анкетирование лишь покажет, что те или иные воплощения данной конструкции воспринимаются / не воспринимаются группой носителей языка как упрек, но не будет служить бесспорным доказательством, что сама конструкция является / не является формальным средством выражения упрека. Поскольку речь в исследовании идет о

⁵⁷ Прежде всего с обвинением.

тенденциях, а не о точной статистике, нашим решением задачи была установка заведомо высокого статистического порога. В пользу такого решения говорит следующий мысленный эксперимент. Допустим, что три интерпретатора независимо друг от друга анализировали корпусную выдачу на одну потенциальную конструкцию упрека. Первый считает, что упреков в выдаче 70%, второй — 80%, третий — 90%. Согласно установке исследования, конструкция может быть формальным средством выражения упрека только с позиции третьего интерпретатора. Однако вне рамок исследования «низкие» 70%, полученные первым членом команды, — это, на практике, высокий показатель, явно подтверждающий формальную природу конструкции и выводы третьего интерпретатора.

Таким образом, хотя разброс языковых воплощений прототипического упрека может быть очень велик и корпусная выдача в полной мере отражает эту многоликость, приведенный разбор примеров демонстрирует, что парадигма исследования лежит не в плоскости интерпретации семантики корпусных данных, а в сфере доказательства тенденции к существованию «ингерентных» упреков и формальных средств их выражения. На наш взгляд, это доказывает объективность выводов по конструкции в целом, даже при допуске, что некоторые ее корпусные воплощения были отнесены к упрекам ошибочно.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2) «сам + небось + глагол»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«сам + небось + глагол» (**сам** на расстоянии от 1 до 3 от **небось** на расстоянии от 1 до 3 от **глагол**)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 101 документ, 108 вхождений / 7 вне семантики упрека

Газетный корпус: 6 документов, 6 вхождений / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 4 документа, 4 вхождения / 1 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Сами, небось, бифштексы жрут, а нам — треска*» [К. И. Чуковский. Дневник (1922)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

119 вхождений / 8 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

93,2%

V. Анализ и интерпретация

На примере конструкции «сам + небось + глагол» рассмотрим ряд вопросов, порождаемых «фактором интерпретации».

1. Можно ли работать с корпусными примерами без учета интонации и логического ударения?

Роль интонации и логического ударения трудно переоценить для любых явлений устного дискурса в целом и упрека в частности. Однако в отношении упрека это замечание справедливо с одной важной оговоркой — речь идет о «контекстуальных» упреках. Поскольку в фокусе исследования находятся «ингерентные» упреки и формальные средства их выражения, мы не видим оснований дифференцировать в нашей работе устную и письменную речь. На первый взгляд, это решение приведет к неразличению употреблений вида (1) «сам + небось + глагол» и (2) «сам + небось + глагол», где первое подчеркивает активное личное участие субъекта, а второе передает упрек: (1) «Сам небось все и съел» и (2) «Сам небось все и съел». На практике же это гипотетическое, существующее исключительно за счет интонации различие никак себя не проявляет. Полученные корпусные примеры в подавляющем большинстве ведут

себя как упреки вне зависимости от логического ударения. Так, фраза «*Дикость! Сам, небось, пьянствовал и гулял. Ну, гулял же?*» [Ю. И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус (1983)] имеет семантику упрека при любом употреблении. Ср.: (1) «*Дикость! Сам, небось, пьянствовал и гулял. Ну, гулял же?*» и (2) «*Дикость! Сам, небось, пьянствовал и гулял. Ну, гулял же?*». Конечно, при учете интонации и эмфазы в примере ожидаемо появляются дополнительные смысловые оттенки. И все же, на наш взгляд, он в любом случае остается упреком. Мы допускаем, что на конструкцию «сам + небось + глагол» возможно создать такой жизнеспособный пример, в котором изменение логического ударения приведет к смене семантики упрека на что-то иное. Однако, такая ситуация видится нам маргинальной, представляющей скорее теоретический интерес для исследователей в области интонации и ударения, и потому не имеющей практической ценности для нашей работы. Так как все релевантные для нашей работы корпуса НКРЯ (в том числе и устный) существуют в письменной форме, такие факторы, как интонация, логическая эмфаза и т.д. вряд ли можно учесть системно, что, как показывает анализ примеров, ни в коей мере не является препятствием для реализации задач исследования.

2. Оказывают ли модификации поискового запроса воздействие на цифры выдачи?

Да. Например, сокращение расстояния между элементами конструкции до 1 (**сам** на расстоянии от 1 до 1 от **небось** на расстоянии от 1 до 1 от **глагол**) снизит цифры выдачи по релевантным корпусам НКРЯ до 46 результатов (ср.: 119 результатов при расстоянии между элементами от 1 до 3): «— *А сам, небось, заливает что ни вечер...*» [Рид Грачев. Мария (1961)]. 95 вхождений по сравнению со 119 результатами даст инверсия компонентов (**небось** на расстоянии от 1 до 3 от **сам** на расстоянии от 1 до 3 от **глагол**): «*Намекает, козел, что я пью. Небось сам дует шнапс в одиночку*» [Сергей Довлатов. Зона (Записки надзирателя) (1965-1982)].

3. Какие принципы положены в основу формирования конструкции?

Процесс создания конструкции, как отмечалось выше, субъективен, и является результатом компромисса между наращиванием числовых показателей

корпусной выдачи с целью большей репрезентативности и увеличением «строгости» поискового запроса с целью большей специфичности. В качестве примера предположим, что конструкция упрека «сам + небось + глагол» сформулирована неаккуратно и предполагает в своей структуре еще один компонент — союз «а»: «а + сам + небось + глагол». Корпусный поиск по новой формуле даст 100% специфичность к упреку. Выдача по релевантным корпусам составит 31 вхождение — все примеры попадают в семантическое поле упрека: «*Все про твою получку интересовался. А сам небось миллионы гребет*» [Михаил Мишин. Экскурсант (1976)]. Однако, за границами этой небольшой по объему выдачи оказывается немало примеров без союза «а», но с очевидной семантикой упрека.

Наглядным примером противоположного полюса этой проблемы являются упреки, которые содержат в своей структуре «сам» и «небось», но не вписываются в рамки рассматриваемой конструкции по своему компонентному составу («*Ведь только языком виляешь, сволочь, а сама небось до смерти рада*» [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)]). Условия конструкции «сам + небось + глагол» отфильтровывают такие примеры, несмотря на их очевидную семантическую принадлежность к упреку.

Таким образом, «ужесточение» параметров конструкций приводит к повышению специфичности и падению цифр выдачи, а «смягчение» к противоположному результату — специфичность падает, а выдача увеличивается, что в обоих случаях негативно сказывается на объективности статистических данных.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2.

Отрицательная перформативность

«не упрекаю, но...»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*не упрекаю, но...*» (**не** на расстоянии от 1 до 3 от **упрекать** sg, 1p на расстоянии от 1 до 3 от **но**)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 5 документов, 5 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: выдачи нет

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: выдачи нет

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Я тебя **не упрекаю, но** зачем ты не сказал мне прямо, что исхода нет?*» [А. К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы (1868)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

5 вхождений / 0 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

100%

V. Анализ и интерпретация

Полученные результаты по глаголу «*упрекать*» свидетельствуют в пользу тезиса Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева о возможности передачи семантики упрека с помощью «отрицательной перформативности» [Булыгина, Шмелев 1997: 413]. Небольшие цифры корпусной выдачи не умаляют объективность такого вывода. Как было показано на примере нулевого индекса встречаемости, факт отсутствия в корпусе очевидных для носителя языка примеров не следует трактовать как доказательство отсутствия таких примеров в языке вообще. Полностью подтверждают этот тезис и данные ГИКРЯ [Генеральный интернет-корпус

русского языка: [сайт]. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>: 15 результатов, найденные по всем сегментам этого корпуса, представляют собой «ингерентные» упреки. 100% специфичность к упреку еще в одном корпусе не оставляет сомнения в формальной природе конструкции и правоте Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, а сам факт наличия в ГИКРЯ выдачи убеждает в том, что конструкция действительно представлена в языке.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

3.

«Модальный оператор неодобрения» [Петрушина 2005: 84]

1) «*найти* (прошедшее время, 1 место в предложении) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*найти* (прошедшее время, 1 место в предложении) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив» (**найти** praet & act first на расстоянии 1 от SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO r:rel на расстоянии от 1 до 3 от inf)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 182 документа, 194 вхождения / 3 вне семантики упрека

Газетный корпус: 26 документов, 26 вхождений / 2 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 2 документа, 2 вхождения / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: выдачи нет

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Нашел, что ребенку привезти!*» [Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

222 вхождения / 5 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

97,7%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2)

вариант 1:

«ну + что + за + одушевленное существительное»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«ну + что + за + одушевленное существительное» (ну на расстоянии 1 от что на расстоянии 1 от за на расстоянии 1 от S, anim)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 81 документ, 85 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: 28 документов, 28 вхождений / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 10 документов, 10 вхождений / 1 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«Спросить нельзя, господи, ну что за люди!» [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

124 вхождения / 1 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

99,1%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией» (что на расстоянии от 1 до 3 от ты пом на расстоянии от 1 до 3 от за на расстоянии от 1 до 3 от S r:concr & ev:neg)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 29 документов, 29 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: выдачи нет

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: выдачи нет

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«**Что же ты за дрянь!** Ведь я просил не пугать, а приучать животных» [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

29 вхождений / 0 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

100%

V. Анализ и интерпретация

Варианты 1 и 2 являются модификациями одной конструкции. Значительная количественная разница в выдачах по релевантным корпусам НКРЯ (для варианта 1 — 124 вхождения; для варианта 2 — 29 вхождений) указывает на большую частотность в языке варианта 1, что позволяет считать его «ведущим» для данной конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

3)

вариант 1:

«ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией» (ну на расстоянии от 1 до 3 от ты пом на расстоянии от 1 до 3 от и на расстоянии от 1 до 3 от S r:concr & ev:neg)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 34 документа, 38 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: 6 документов, 6 вхождений / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 6 документов, 6 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Ну ты и сволочь, — только и могла сказать Ольга*» [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

50 вхождений / 0 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

100%

V. Анализ и интерпретация

100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«*ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты*»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты*» (ну на расстоянии 1 от и на расстоянии от 1 до 3 от S r:concr & ev:neg на расстоянии от 1 до 3 от ты ном)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 92 документа, 103 вхождения / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: 5 документов, 5 вхождений / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 10 документов, 11 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Ну и сволочь же ты, Гоша!*» [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006]

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

119 вхождений / 0 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

100%

V. Анализ и интерпретация

Варианты 1 и 2 являются результатами инверсии одной конструкции. Значительная количественная разница в выдачах по релевантным корпусам НКРЯ (для варианта 1 — 50 вхождений; для варианта 2 — 119 вхождений) указывает на большую частотность в языке варианта 2, что позволяет считать его «ведущим» для данной конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

4)

вариант 1:

«*тоже + мне + одушевленное существительное*»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*тоже + мне + одушевленное существительное*» (**тоже** на расстоянии 1 от **я** dat на расстоянии от 1 до 3 от S, anim)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 303 документа, 447 вхождений / 21 вне семантики упрека

Газетный корпус: 58 документов, 58 вхождений / 3 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 5 документов, 5 вхождений / 2 вне семантики упрека

Устный корпус: 74 документа, 62 вхождения / 3 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Тожже мне жених, украл нашу сестру, заставил нас ночью проделать такой путь и ничего не подарил!*» [М. И. Саитов. Островки // «Бельские Просторы», 2010]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

572 вхождения / 29 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

94,9%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«*тоже* + одушевленное существительное + *выискаться* (прош. время)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*тоже* + одушевленное существительное + *выискаться* (прош. время)» (**тоже** на расстоянии от -3 до 3 от S & anim на расстоянии от -3 до 3 от **выискаться** praet)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 25 документов, 25 вхождений / 1 вне семантики упрека

Газетный корпус: выдачи нет

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 5 документов, 5 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«Тожже еще один начальник выискался. Все так и норовят покомандовать, так и лезут в руководящий состав» [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)].

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

30 вхождений / 1 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

96,6%

V. Анализ и интерпретация

1. Единственный в выдаче пример вне семантики упрека «— **Выискался там один господин, тоже силач, и делает такое объявление: «Сяду-де я, милостивые государи, на железное кресло и пускай, кто хочет, бьет меня по щеке»** [А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)] наглядно демонстрирует, что специфичность далеко не всегда падает из-за трудностей интерпретации, порожденных «проблемой последнего шага», но и по объективным причинам. Формально подходя под параметры конструкции, данный результат очевидно не относится к упреку. Подобная ситуация также очень типична при корпусной работе с конструкциями упрека.

2. Несмотря на максимально допустимое для лексико-грамматического поиска НКРЯ увеличение расстояния между компонентами варианта 2 (от -3 до 3), он на порядок уступает в числовом выражении выдачи варианту 1 (всего 30 вхождений против 572), что ставит под сомнение их родство. На первый взгляд, складывается ложное впечатление, что варианты 1 и 2 не очень-то и похожи. Ср.:

— вариант 1: «— Ну да, ты всегда хочешь как лучше... **Тожже мне, мать Тереза»** [Маша Трауб. Ласточ...ка (2012)];

— вариант 2: «**Тожже выискался профессор кислых щей, — криво усмехнулся кавалерист»** [А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966-1973)].

На деле же генетическое единство конструкции столь высоко, что подчас разграничение вариантов вызывает серьезные трудности. Ср.:

— вариант 1: «*Тожже мне умник нашелся! И сам не «ам», и другому не дам*» [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)];

— вариант 2: «*Нашел время шутить, тожже умник выискался!*» [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая (1928-1940)].

По-видимому, обязательным для функционирования конструкции является наличие коллексемы «тоже» и одушевленного субъекта, а компоненты «выискаться / найтись (в прош. вр.)» играют второстепенную роль.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

Конструкции 1) – 4) являются модификациями «модального оператора неодобрения» [Петрушина 2005: 84] (см. параграф 2.6.2.). Уточняющие модификации необходимы для выделения из «модального оператора неодобрения» конструкций именно «упрекательной» природы и повышения специфичности выдач к упреку. Все 4 конструкции представляют собой формальные средства выражения упрека и имеют очень высокий диагностический потенциал для определения «ингерентных» упреков в русском языке.

4.

Сочетания, имеющие в своем составе личные местоимения (Д. п.), выделительно-ограничительные частицы и инфинитив

вариант 1:

«тебе + лишь бы + инфинитив»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«тебе + лишь бы + инфинитив» (ты dat на расстоянии 1 от лишь на расстоянии 1 от бы на расстоянии от 1 до 3 от inf)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 17 документов, 18 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*«Тебе лишь бы полакомиться», — упрекнула она мужа»* [Тамара Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

20 вхождений / 0 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

100%

V. Анализ и интерпретация

Маркер 2-го приближения «*лишь бы* + инфинитив» имеет широкий потенциал к варьированию. Рассматриваемая конструкция далеко не единственный пример, обнаруживающий это сочетание в своем составе. По сути, она представляет собой частный вариант более общей конструкции «личное местоимение (2, 3 л.; ед. ч., мн. ч.; Д. п.) / одушевленное существительное (ед. ч., мн. ч.; Д. п.) + *лишь бы* + инфинитив», которая была приведена в качестве примера в параграфе 1.4. Ожидаемо, что цифры выдачи на общий вариант значительно больше (76 вхождений по всем релевантным корпусам НКРЯ), а специфичность к упреку ниже (90,7%). И хотя даже в расширенном виде конструкция преодолевает статистический порог исследования, с целью демонстрации ее потенциала мы приняли решение сузить рамки поискового запроса.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«тебе + только бы + инфинитив»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«тебе + только бы + инфинитив» (**ты** dat на расстоянии 1 от **только** на расстоянии 1 от **бы** на расстоянии от 1 до 3 от inf)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 50 документов, 51 вхождение / 2 вне семантики упрека

Газетный корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 3 документа, 3 вхождения / 1 вне семантики упрека

Устный корпус: 2 документа, 2 вхождения / 1 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«**Тебе бы только за бабами волочиться, а до прочего и дела нет!**» [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

57 вхождений / 4 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

92,9%

V. Анализ и интерпретация

1. Любопытен один из результатов выдачи. Пример «— **Тебе бы только водку пить, Степан. — А тебе только девок любить, Семен**» [Светлана Василенко. Дурочка (1998)] представляет собой спорадический для корпуса, а значит с большой вероятностью редкий и для языка взаимоупрек. На наш взгляд, приведенный пример является наглядной демонстрацией сказанного нами о взаимоупреке в параграфе 1.8.3. В отличии от упрека и иных видов речевой

агрессии, взаимоупрек — это не языковой феномен, а определенный вид коммуникативной ситуации, в которой упрек как собственно языковой феномен и реализуется. Отличительными чертами ситуации взаимоупрека являются композитность, диалогичность, зеркальность и очередность, что предоставляет дополнительные возможности для нахождения упрека в его составе.

2. Конструкция является синонимическим вариантом предшествующей конструкции «тебе + лишь бы + инфинитив». Как и в случае варианта 1, маркер 2-го приближения «только бы + инфинитив» имеет широкий потенциал к варьированию, из чего следует, что вариант 2 может быть расширен до более общей конструкции «личное местоимение (2, 3 л.; ед. ч., мн. ч.; Д. п.) / одушевленное существительное (ед. ч., мн. ч.; Д. п.) + только бы + инфинитив», выдача на которую будет содержать примеры вида «**Ей бы только тряпочки примерять да перед зеркалом вертеться**» [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)], «— **Ему бы только глотку драть, а других под обух подводит**» [П. С. Романов. Русь (1922)], «...**им бы только глаза залить, вот и вся иллюминация**» [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

5.

Сочетания, имеющие в своем составе вопросительно-относительные местоимения (местоименные наречия), усилительную частицу «уж» и личные местоимения (Д. п.).

вариант 1:

«где + уж + личное местоимение Д. п.»

I. а. Ввод потенциальной конструкции в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«где + уж + личное местоимение Д. п.» (где на расстоянии 1 от уж на расстоянии 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & dat r:pers)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 223 документа, 261 вхождение / 9 вне семантики упрека

Газетный корпус: 12 документов, 12 вхождений / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 16 документов, 17 вхождений / 3 вне семантики упрека

Устный корпус: 15 документов, 15 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«Где ужe нам с вами за одним столом чай пить, когда мы по-вашему морщиться не умеем» [Н. С. Лесков. Железная воля (1876)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

305 вхождений / 12 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

96%

V. Анализ и интерпретация

Для данной конструкции характерны две особенности:

1. Всеобъемлющее использование иронии (в частности, антифразиса). Ср: *«Впрочем, где уж нам с суконным рылом да в калашный ряд — начальству виднее, нужна ли дома моя фотография...»* [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)] и *«— Правильно! — согласился Малыш. — Где уж им есть медвежатину! Рыбу им жевать, а не мясо, вонючкам этаким»* [Джек Лондон. Смок Беллью (Л. К. Чуковская, Н. К. Чуковский, 1927)].
2. Частотное использование личного местоимения в 1-м лице Д. п. Вызывает интерес, что в единственном числе при появлении антифразиса упрек может быть обращен не на «себя» (самоупрек), а на объект высказывания. Ср: *«— Ну, вот вы, например, вы — не еврей. — Где уж мне! — пробормотал Г. О. и снова погрузился в свои секретные планы»* [Евгений Гик. Как Василия Аксёнова «злодеем» пугали // «Наука и жизнь», 2009] и *«— Где уж мне, ничтожному, — ответил Ходжа*

Насреддин и скромно занялся в своем углу чаепитием» [Л. В. Соловьёв. Повесть о Ходже Насреддине. Возмутитель спокойствия (1940)].

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«куда + уж + личное местоимение Д. п.»

I. а. Ввод потенциальной конструкции в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«куда + уж + личное местоимение Д. п.» (**куда** на расстоянии 1 от **уж** на расстоянии 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & dat r:pers)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 104 документа, 117 вхождений / 1 вне семантики упрека

Газетный корпус: 23 документа, 23 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 5 документов, 5 вхождений / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 6 документов, 6 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— **Куда уж вам**, — сказал комиссар дивизии. — Тут такую кашу заварили вокруг этого окружённого дома» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

151 вхождение / 1 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

99,3%

V. Анализ и интерпретация

1. Конструкция является синонимическим вариантом предшествующей конструкции «где + уж + личное местоимение Д. п.». Ср: «Впрочем, где уж нам с

суконным рылом да в калашный ряд — начальству виднее, нужна ли дома моя фотография...» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)] и «*Куда уж нам со свиным рылом в калашный ряд?*» [А. И. Красницкий. Воскресшая душа (1913)]. Оба варианта имеют достаточно большое количественное представление в корпусе с преобладанием первого в качестве «ведущего».

2. Несостоятельность сомнений в высокой специфичности конструкции к упреку может быть наглядно проиллюстрирована самым поверхностным анализом лукавой народной поговорки «*Где уж нам уж с вами ж замуж — я и так уж вам уж дам уж!*». Многоликость заключенных в ней смыслов (житейская мудрость, обида, насмешка, презрение, гнев, принятие и т.д.) служит лишь одной коммуникативной цели — упрекнуть объект высказывания. Искусственное самоуничижение, построенное на антифразисе, призвано передать уязвленность субъекта недооценкой его роли и вызвать у объекта чувство вины, что, кстати, хорошо демонстрирует манипулятивный потенциал упрека.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

6.

Комбинация маркеров «длительного и регулярного времени» с личными местоимениями 2 лица

1)

вариант 1:

«вечно + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«вечно + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)» (**вечно** на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 55 документов, 58 вхождений / 2 вне семантики упрека

Газетный корпус: 4 документа, 4 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 4 документов, 4 вхождения / 2 вне семантики упрека

Устный корпус: 15 документов, 17 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— *Вечно вы толкуете о жратве, как будто нет других тем для разговора!*» [А. И. Батюто. Дневник (1942)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

83 вхождения / 4 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

95,1%

V. Анализ и интерпретация

Следует отметить высокую специфичность конструкции к упреку:

— Как отмечалось выше⁵⁸, маркер 2-го приближения «вечно ты» обладает высоким диагностическим потенциалом. Сужение границ поискового запроса конструкции даст частный вариант «вечно + ты + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени» (**вечно** на расстоянии 1 от **ты** nom на расстоянии 1 от V & praes): 19 документов, 19 вхождений. Этот вариант был рассмотрен в качестве примера во второй главе — из 19 результатов выдачи основного корпуса все 19 оказались «ингерентными» упреками. Поиск по остальным релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>] подтвердил высокую специфичность конструкции — дополнительная выдача в 12 результатов, из которых только 1 не попал под семантику упрека;

— Также подтверждает высокую специфичность конструкции сужение границ поискового запроса посредством добавления синтаксического маркера, например восклицательного знака (вечно на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии

⁵⁸ См. параграф 2.4.1. Относительность статистики.

от 1 до 3 от V & praes & 2p **bexcl**): все 16 вхождений по релевантным корпусам НКРЯ имеют семантику упрека.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«*опять* + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*опять* + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)» (**опять** на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 129 документов, 142 вхождения / 10 вне семантики упрека

Газетный корпус: 15 документов, 16 вхождений / 1 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 13 документов, 13 вхождений / 8 вне семантики упрека

Устный корпус: 21 документ, 22 вхождения / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Евгений, ну сколько можно, **опять** **Вы** на Близнюченко **ссылаетесь?**» [коллективный. Форум: Телегония (2007)]*

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

193 вхождения / 19 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

90,1%

V. Анализ и интерпретация

Находящаяся на нижней границе статистического порога специфичность варианта 2 отчасти подвергает сомнению его формальную природу. Учитывая возможность

интерпретационных погрешностей и допусков, попробуем доказать, что вариант 2, хотя и не является «ведущим», все же способен передавать «ингерентные» упреки. Обратимся для этого к методу, использованному нами для варианта 1, — сужению границ корпусного запроса путем ввода в состав конструкции синтаксического маркера. Эта процедура ожидаемо должна повысить специфичность конструкции на фоне снижения цифр выдачи. 100% или близкая к таковой специфичность полученной «выборки» будет, на наш взгляд, убедительно свидетельствовать в пользу формальной природы конструкции. Включение восклицательного знака в состав варианта 2 (**опять** на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p **bexcl**) дало 30 результатов вида: «*Опять вы кричите! Если бы вы знали, как я устала*» [Эдвард Радзинский. Она в отсутствии любви и смерти (1981)]. Из тридцати только один оказался вне семантики упрека, подходя под условия запроса лишь внешне, при этом являясь конструкцией совсем другого типа «— Ну, сука! — И чуть помолчав, **опять**: — **Ты понимаешь!** погоди, погоди... — Мысли роem бились у него в голове и не давали ничего понять» [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]. В итоге, специфичность «уточненного» варианта 2 составила 96,6%. То, что это не случайность, доказывает зеркальный эксперимент с вводом в конструкцию другого синтаксического маркера — вопросительного знака («**опять** на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p **bques**). Все 18 вхождений имеют семантику упрека, демонстрируя 100% специфичность («— *Послушай, Саша, **опять ты этот разговор заводишь?***» [В. В. Вересаев. Два конца (1899-1903)])⁵⁹. Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что метод сужения границ конструкции посредством уточнения поискового запроса является «ургентным» (говоря языком медицины) действием, которое следует предпринять исследователю для оценки статуса конструкции в случае подозрения на наличие интерпретационных

⁵⁹ Любопытно, что произвести подобную манипуляцию с вариантом 1 не удалось. Корпус не нашел ни одного примера на конструкцию «**вечно** на расстоянии 1 от SPRO & nom & 2p на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2p **bques**». Причина имеет, скорее всего, «узусную» природу — кажется сложным представить вопросительное употребление вида: *— *Послушай, Саша, **вечно ты этот разговор заводишь?***

погрешностей, прежде чем бесспорно признать ее несостоятельность в качестве формального средства выражения упрека.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2)

вариант 1:

«*зачем* + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + *всегда* + глагол (2 л.; наст. вр.)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*зачем* + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + *всегда* + глагол (2 л.; наст. вр.)»
(**зачем** на расстоянии от 1 до 3 от SPRO & ном & 2р на расстоянии от 1 до 3 от **всегда** на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2р).

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 13 документов, 13 вхождений / 1 вне семантики упрека

Газетный корпус: выдачи нет

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Зачем ты всегда, всегда отталкиваешь меня? Ты не веришь, что я тебя люблю?*»
[З. Н. Гиппиус. Без талисмана (1896)]

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

14 вхождений / 1 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

92,8%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«*зачем* + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + *постоянно* + глагол (2 л.; наст. вр.)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*зачем* + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + *постоянно* + глагол (2 л.; наст. вр.)»
(**зачем** на расстоянии от 1 до 3 от SPRO & ном & 2р на расстоянии от 1 до 3 от **постоянно** на расстоянии от 1 до 3 от V & praes & 2р)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 10 документов, 11 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: выдачи нет

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— *Если тебе все равно, что я делаю, **зачем ты постоянно копируешь** меня?»*

[Анна Карабаш. Чей туфля? // «Домовой», 2002.05.04]

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

12 вхождений / 0 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

100%

V. Анализ и интерпретация

В выдаче на конструкцию второй раз за все время работы встречается пример коммуникативной ситуации взаимоупрека: «*Дуня... Зачем ты постоянно сердишься на меня? — А зачем ты постоянно меня ругаешь? Проходу от тебя нет, от непутевого...*» [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Озорник (1896)]. Как видно, этот пример также отражает все основные характеристики взаимоупрека (композиционность, диалогичность, зеркальность и очередность).

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

Представленные данные по конструкциям 1) и 2) убедительно демонстрируют, что маркеры «длительного и регулярного времени» в сочетании с личными местоимениями 2 лица высокоспецифичны для семантики упрека — все рассмотренные конструкции являются формальными средствами выражения упрека в русском языке.

7.

«Я + предупреждал (а)...»

«я + частица + предупреждал (а)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«я + частица + предупреждал (а)» (я пом на расстоянии от 1 от PART на расстоянии от 1 до 3 от **предупреждать** praet)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 136 документов, 148 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: 33 документа, 34 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 28 документов, 33 вхождения / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— Как зачем? — **Я же** тебя **предупреждал**. Я тебе по телефону все объяснил! — сержусь я» [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

215 вхождений / 15 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

93%

V. Анализ и интерпретация

Результаты корпусной выдачи данной конструкции очень хорошо демонстрируют, как компонентный состав влияет на интерпретацию семантики корпусных примеров.

1. Большинство предложений ожидаемо имело в своем составе частицы «*же*» и «*ведь*». Как показывает выдача, наличие в конструкции одной из этих частиц (особенно в присутствии личного местоимения 2 л. ед. ч. в Д. п.) практически безоговорочно свидетельствует о семантике упрека. В процессе поиска мы даже встретили «идеальный» пример, включающий в себя и местоимение 2 л. ед. ч. в Д. п. и обе частицы: «**Ведь я же** тебя **предупреждал**, что надо быть готовой ко всему» [Е. А. Дьяконова. Дневник русской женщины (1901)].

2. Примеры с частицей «*еще*» встречаются значительно реже и представляют собой известные трудности для интерпретации. Ср: (1) «**Я ещё предупреждала** её о том, что не стоит обсуждать это вне семьи, потому что чужим людям это неинтересно, об этом не принято разговаривать с чужими людьми...» [коллективный. Форум: Как сказать ребенку 4 лет о смерти прабабушки (2012)] и (2) «**Я еще в Москве предупреждал**: «Не надо брать в лагерь малышей»» [Анатолий Рыбаков. Бронзовая птица (1955-1956)]. Если пример (2) за счет модальности долженствования в прямой речи демонстрирует видимые признаки обвинения и эмоциональной уязвленности, присущие упреку, то с примером (1) все

не так очевидно. Мать передает свой разговор с ребенком. Действительно ли речь в отрывке идет о предупреждении в прямом смысле или перед нами «легкий» упрек? Интерпретация остается на усмотрение исследователя⁶⁰.

3. Неоднозначные результаты показали примеры с отрицательной частицей «не» в составе. С одной стороны, частица не является препятствием для выражения семантики упрека:

«— *Как ты можешь говорить, что я не предупреждала тебя о визите Сандерсов?*» [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001],

«— *Я ли тебя не предупреждала? — грустно отозвалась Брусакова. — Что ты говоришь?*» [А. В. Амфитеатров. Марья Лусьева (1903-1927)],

«*Разве я не предупреждал, что нельзя болтать рукой в аквариуме?*» [Кир Булычев. Девочка с Земли (1971)].

С другой — с частицей «не» были также получены примеры вне семантики упрека типа:

«*Я не предупреждал его, мне надо было застать этого человека врасплох*» [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976-1999)],

«*Но — ни одного замысла у нас не составилось совместного никогда и даже ни одного заявления мы никогда не подписали вместе, странно; и о выходе «Архипелага» я не предупреждал его*» [А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967-1974)]

Не трудно заметить, что упрек «нейтрализуется» в примерах с повествовательной интонацией, в то время как вопросы имеют довольно выраженную семантику упрека.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

8.

Количественные сочетания, включающие в себя круглые числа и слово «раз»

«сто + раз + говорить (прошедшее время)»

⁶⁰ Мы посчитали этот пример сомнительным и отнесли к результатам «вне семантики упрека».

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«сто + раз + говорить (прошедшее время)» (сто на расстоянии 1 от раз gen на расстоянии от 1 до 3 от говорить praes)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 87 документов, 99 вхождений / 4 вне семантики упрека

Газетный корпус: 17 документов, 17 вхождений / 2 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 16 документов, 16 вхождений / 1 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«Не трогай мои фломастеры, я уже сто раз говорила!» [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

132 вхождения / 7 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

94,6%

V. Анализ и интерпретация

1. Конструкция представляет собой модифицированный вариант конструкции «я + круглое число + раз + сказуемое, выраженное глаголом речи», которая была рассмотрена в качестве примера в параграфе 2.2. При поиске в основном корпусе НКРЯ конструкция «я + количественное числительное + раз + глагол речи» дала небольшую выдачу в 19 вхождений и 100% специфичность к упреку (см. Рисунок 8.).

2. Функция формального средства — выразить «ингерентный» упрек без привлечения контекста. Возвращаясь к вопросу интерпретации данных, мы

постараемся еще раз обосновать этот тезис на примере конкретной конструкции. Конечно, сама по себе конструкция «сто + раз + говорить (прошедшее время)» не гарантирует 100% извлечение нужного материала из корпуса. Ее специфичность — 94,6%, что означает существование по крайней мере 5% результатов вне семантики упрека. Можно сказать и так — трансформация конструкции в поисковый запрос лишь позволяет получить из корпуса какой-то материал, из которого потом вручную могут быть отобраны упреки. Однако, даже в гипотетическом случае критически высокого уровня интерпретационных погрешностей само использование конструкций уже, как минимум, на многие порядки сужает область поиска. Поэтому нам кажутся неубедительными возражения, основанные на формуле «в таком-то контексте, при таких-то прагматических условиях воплощения такой-то конструкции упреком являться не будут». Безусловно, это возможно для каждой конструкции с не 100% специфичностью, а в случае интерпретационных девиаций и для «стоцентных» конструкций. Однако, все же трудно представить коммуникативную ситуацию, в которой предложение «*Я тебе сто раз говорил не брать мои вещи!*», во-первых, требует обязательного контекста для понимания его «упрекательной» природы, а во-вторых — используется в прямом значении как констатив «Сообщаю тебе, что я говорил это ровно 100 раз», то есть способно выражать какую-то еще семантику, кроме упрека. Коммуникативной целью субъекта при такой интерпретации станет стремление донести математически точную информацию о количестве раз, а не выразить свою уязвленность действиями объекта.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

9.

Семантическое поле стыда

1) «не + стыдно + личное местоимение (2 лицо)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«не + стыдно + личное местоимение (2 лицо)» (не на расстоянии 1 от стыдно на расстоянии от -3 до 3 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & 2p r:pers)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 1 008 документов, 1 512 вхождений / 32 вне семантики упрека

Газетный корпус: 159 документов, 173 вхождения / 11 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 28 документов, 29 вхождений / 2 вне семантики упрека

Устный корпус: 147 документов, 171 вхождение / 4 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— Наташа! Ну как **вам не стыдно**, — говорила Маргарита Николаевна, — вы грамотная, умная девушка; в очередях врут чёрт знает что, а вы повторяете!»

[М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

1885 вхождений / 49 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

97,4%

V. Анализ и интерпретация

Несмотря на очень свободные параметры корпусного поиска и, как следствие, увеличение цифр выдачи, конструкция демонстрирует высочайший уровень специфичности к упреку. Ядром выдачи являются примеры с вопросительным местоименным наречием «как».

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2) «личное местоимение (2 лицо) + не + совестно»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«личное местоимение (2 лицо) + *не* + *совестно*» ((SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & 2p r:pers на расстоянии от -3 до 3 от **не** на расстоянии 1 от **совестно**)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 161 документ, 194 вхождения / 3 вне семантики упрека

Газетный корпус: 4 документа, 4 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 5 документов, 5 вхождений / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 12 документов, 12 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— *А чем ты гордишься, позволь тебя спросить, дал он в глаз! Да как тебе не совестно, он же младше тебя!*» [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

215 вхождений / 3 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

98,6%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

3) «срам да и только»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«срам да и только» (**срам** на расстоянии от 1 до 3 от **да** на расстоянии 1 от **и** на расстоянии от 1 до 3 от **только**)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 7 документов, 7 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: выдачи нет

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: выдачи нет

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«Третьего дня на бале у губернатора он танцевал с ней два раза сряду... Срам, да и только! И чего смотрит дура мать?..» [М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

7 вхождений / 0 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

100%

V. Анализ и интерпретация

100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции. Данные этой небольшой выдачи дополнительно подтверждаются результатами поиска в ГИКРЯ [Генеральный интернет-корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>]: 21 результат / 0 вне семантики упрека.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

Таким образом, данные корпусного поиска демонстрируют высокий диагностический потенциал лексем, попадающих под семантическое поле стыда. Конструкции 1) — 3) представляют собой формальные средства выражения упрека.

10.

Семантическое поле «нарушение границ»

1) «как + личное местоимение (2 лицо) + *сметь* (2 лицо)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«как + личное местоимение (2 лицо) + сметь (2 лицо)» (**как** на расстоянии от 1 до 3 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & 2p r:pers на расстоянии от 1 до 3 от **сметь** 2p)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 719 документов, 1 094 вхождения / 6 вне семантики упрека

Газетный корпус: 49 документов, 50 вхождений / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 33 документа, 36 вхождений / 2 вне семантики упрека

Устный корпус: 63 документа, 75 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— **Как ты, недоучившаяся школьница, смеешь так говорить об академике?**» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

1255 вхождений / 8 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

99,3%

V. Анализ и интерпретация

Значительные цифры выдачи в сочетании с высокой специфичностью к упреку прямо указывают на формальную природу конструкции. В то же время конструкция является очередным ярким примером проблемы «последнего шага» — высокий уровень эмоционального накала ставит конструкцию на грань между семантическими полями упрека и угрозы. «— *Ничтожная, жалкая девчонка!* — закричала на Галю королева, затопав ногами. — **Как смеешь ты порицать меня!** За это ты должна немедленно умереть! И сейчас же приказала страже бросить

Галю в озеро» [Л. А. Чарская. Галина правда (1912)]. С одной стороны, как видно из контекста, речь в примере идет об угрозе, притом об угрозе исполненной («*Стража исполнила приказ своей королевы, схватила Галю, подтащила ее к окну и бросила вниз, прямо туда, где глухо шумели темные воды большого озера»* [Л. А. Чарская. Галина правда (1912)]). С другой — в высказывании присутствует явный упрек, соотносимый с теоретическими критериям, выработанными в первой главе и подтверждаемый контекстом высказывания. Субъект очевидно находится в состоянии «эмоциональной уязвленности» («*Закричала на Галю королева, затопав ногами!»*); обвиняет объект в нарушении «границ» («*Как смеешь ты порицать меня!»*); доминирует над объектом, проявляя речевую агрессию и навязывая объекту свою волю («*За это ты должна немедленно умереть!»*); ощущает моральное превосходство над объектом, опираясь на свой социальный статус («*Ничтожная, жалкая девчонка!»*). Следуя данной логике, мы считаем возможным интерпретировать такие случаи как упреки.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2) «сколько+ можно + ?»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«сколько+ можно + ?» (**сколько** на расстоянии от 1 до 3 от **можно** bques)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 104 документа, 130 вхождений / 5 вне семантики упрека

Газетный корпус: 84 документа, 85 вхождений / 2 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 2 документа, 2 вхождения / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 45 документов, 40 вхождений / 2 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— *Сколько можно?! Сто лет назад развелись, а ты все мне портишь!! Ну что тебе от нас надо, придурок?!*» [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

257 вхождений / 9 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

96,4%

V. Анализ и интерпретация

Конструкция демонстрирует высокую специфичность к упреку. Немногочисленные примеры, не попадающие под семантику упрека, имеют общую природу — передают прямое количественное значение вопроса: «*Ну что вы делаете/ друзья? Все ноги вместе ставить нельзя/ упадёшь.* [Слоненок (Михаил Козаков), муж, 44, 1934] *А сколько можно?* [Удав (Василий Ливанов), муж, 43, 1935] *Только некоторые. Например / только задние или только передние*» [Григорий Остер, Иван Уфимцев. 38 попугаев, м/ф (1976-1978)]. Однако данные корпуса показывают, что в 96,4% конструкция реализуется в переносном значении и передает упрек посредством субъективного ощущения «беспредельности» неприятных для субъекта действий объекта (мнимых или реальных). Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

3) «*какое право* + личное местоимение (2 лицо) + *иметь* (настоящее время, 2 лицо)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*какое право* + личное местоимение (2 лицо) + *иметь* (настоящее время, 2 лицо)»
 (какой асс & sg & n на расстоянии 1 от **право** асс & sg & n на расстоянии от -3 до 3 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & 2p r:pers на расстоянии от -3 до 3 от **иметь** praes & 2p)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 44 документа, 50 вхождений / 1 вне семантики упрека.

Газетный корпус: 3 документа, 3 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: 3 документа, 3 вхождения / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Какое право Вы имеете жалеть других? Я вовсе не хочу, чтобы Вы меня жалели!!!*» [митрополит Антоний (Блум). Диалог верующего с неверующим (1972)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

56 вхождения / 1 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

98,2%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

4) «с какой стати + личное местоимение (2 лицо) + глагол»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«с какой стати + личное местоимение (2 лицо) + глагол»

(с на расстоянии 1 от **какой** gen на расстоянии 1 от **стать** gen на расстоянии 1 от SPRO & 2p на расстоянии 1 от V)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 37 документов, 41 вхождение / 2 вне семантики упрека.

Газетный корпус: 3 документа, 3 вхождения / 1 вне семантики упрека

Поэтический корпус: выдачи нет

Устный корпус: выдачи нет

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— Где Крым, где Рим, а где панская корчма. С какой стати ты приплел сюда мою покойницу мать? Мне говорят: скажи, я и сказал. А ты как себе хочешь» [В. Г. Короленко. Без языка (1895)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

44 вхождения / 3 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

93,1%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

11.

Комбинация лексем «зря», «напрасно» с личными местоимениями

1) «зря + личное местоимение (2 лицо, Им. п.)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«зря + личное местоимение (2 лицо, Им. п.)» (зря на расстоянии от -1 до 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & nom & 2p r:pers)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 660 документов, 961 вхождения / 28 вне семантики упрека

Газетный корпус: 223 документов, 227 вхождений / 5 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 29 документов, 34 вхождения / 9 вне семантики упрека

Устный корпус: 125 документов, 145 вхождений / 4 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«— **Зря ты** его шуганул,— сказал мне Петр Иванович. — Он теперь не вернётся» [Юрий Коваль. Серая ночь (1972)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

1367 вхождений / 46 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

96,6%

V. Анализ и интерпретация

46 вхождений вне семантики упрека для данной конструкции могут быть условно разделены на 3 группы:

— конструкции с отрицательной частицей «не» перед «зря» («— **Не зря ты** носишь свое имя, — хвалил его Праву» [Юрий Рытхэу. В долине Маленьких Зайчиков (1962)])

— конструкции в составе прямой речи со стертой семантикой упрека («— **Вы зря** уезжаете, — усмехается она. — Вы очень вписываетесь в эту обстановку, — она обводит рукой вокруг» [Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)])

— конструкции с деепричастием «зря» в значении «видя» («Благословите ж, все языки, / Днесь Бога нашего, и **вы**, / **Зря** чудеса Его велики, / Хвалите, преклоня главы» [Г. Р. Державин. «Воскликни Господу, вселенна!..» | На преодоление врага (1811.07.16)]).

Возможность четкого разграничения примеров, находящихся за пределами семантики упрека, наводит на мысль о предполагаемом повышении специфичности конструкции к упреку при дополнительном уточнении параметров корпусного поиска. Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2) «*напрасно* + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*напрасно* + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)»
(**напрасно** на расстоянии от -3 до 3 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO)
& 2p r:pers на расстоянии от -3 до 3 от praes & 2p)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 668 документов, 923 вхождения / 15 вне семантики упрека

Газетный корпус: 44 документа, 44 вхождения. / 6 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 112 документов, 126 вхождений / 8 вне семантики упрека

Устный корпус: 41 документ, 41 вхождение / 1 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека» [А. Н. Островский. Гроза (1860)]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

1134 вхождений / 30 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

97,3%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

12.

Комбинации, включающие в свой состав сочетание «*a + еще*» и существительное

«*a + еще + существительное (Им. п., одушевленность) + !*»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*a + еще + существительное (Им. п., одушевленность) + !*» (**а** на расстоянии 1 от **еще** на расстоянии 1 от S & nom & anim bexcl)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 209 документов, 253 вхождения / 5 вне семантики упрека

Газетный корпус: 9 документов, 9 вхождений / 4 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 1 документ, 2 вхождения / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 14 документов, 10 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Cui prodest* — значит «ищи, кому выгода». *А еще учитель! Зачем ты вообще ночевать остался?»* [Борис Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000]

III. № вхождений / № вне семантики упрека:

274 вхождения / 9 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

96,7%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

13.

Семантическое поле «справедливое наказание»

1) «*поделом* + личное местоимение (Д. п.)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*поделом* + личное местоимение (Д. п.)» (**поделом** на расстоянии от 1 до 3 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & dat r:pers)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 135 документов, 150 вхождений / 0 вне семантики упрека

Газетный корпус: 21 документ, 22 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 13 документов, 13 вхождений / 1 вне семантики упрека

Устный корпус: 3 документа, 4 вхождения / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*Подделом ему, подделом! В таком возрасте — и такое легкомыслие, такие вредные затеи!*» [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)]

III. № вхождений / № вне семантики упрёка:

189 вхождений / 1 вне семантики упрёка

IV. Специфичность к упрёку:

99,4%

V. Анализ и интерпретация

1. Отличительная особенность этой конструкции заключается в том, что значительную часть примеров в выдаче составляют самоупреки вида «*подделом + мне*»: «*А я и подарка его сберечь не сумела. Гадкая, дурная, подделом мне!*» [Л. А. Чарская. Приключения Таси (1905-1915)]. Самоупреки в силу направленности обвинения «на себя» имеют очень наглядную семантику упрёка, что послужило одним из критериев отбора конструкции.

2. Хотя часть выдачи, содержащая примеры самоупрека, не вызывает серьезных сомнений в плане толкования семантики, в целом конструкция «*подделом + личное местоимение (Д. п.)*» может быть интерпретирована и в альтернативном ключе за счет ярко выраженного эмоционального компонента «злорадство». В случае такой трактовки, интерпретатору, во-первых, следует признать, что заголовок «семантическое поле «справедливое наказание»» неудачен, а во-вторых, поставить вопрос о ревизии конструкции и смене ее значения с упрёка на злорадство. Мы согласны с гипотезой, что конструкция может быть ассоциирована со злобной радостью, испытываемой при неудаче другого, — примеры, которые могут быть восприняты одновременно как злорадство, что наказание состоится / состоялось, так и как обещание / констатация справедливой кары за проступок, присутствуют в выдаче. Однако мы не разделяем мнение, что конструкция «*подделом + личное местоимение (Д. п.)*» не способна быть формальным средством выражения упрёка, поскольку включает в себя эмоциональный компонент «злорадство». Попробуем обосновать эту точку зрения.

Во-первых, эмоциональный компонент «злорадство» может полностью отсутствовать. На примере самоупреков из выдачи на конструкцию явственно

видно, что субъект, информируя о справедливом наказании, может испытывать не злорадство, а сожаление по отношению к ситуации: *«Нечего советовать, нечего быть умнее всех! Поделом мне. Мое внимание и ласка казались Нине унижением»* [Нонна Мордюкова. Казачка (2005)].

Во-вторых, с точки зрения субъектно-объектных отношений злорадство и упрек неравнозначны в высказывании. Субъект может иметь *сознательную* (выделено нами — Р.Ш.) коммуникативную цель упрекнуть, и объект может интерпретировать его высказывание как упрек. Однако злорадство не может быть осознанной коммуникативной целью («Сейчас я буду злорадствовать!»), только объект (интерпретатор) способен декодировать высказывание субъекта как злорадство. То есть упрек есть и в цели высказывания, порождаемого субъектом, и в интерпретации высказывания, осуществляемой объектом, тогда как злорадство ассоциировано лишь с объектом и его субъективным восприятием высказывания. Из сказанного следует, что наличие в одном корпусном примере и злорадства и упрека не отменяет одного из них, а скорее взаимно интенсифицирует значение высказывания, а также служит иллюстрацией проблемы «последнего шага» — трудности интерпретации семантики: *«Что ж, поделом ему — теперь они его накажут за все, за его дерзкие выходки, за его зазнайство, за его сомнительных московских друзей»* [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975-2003)]. Мы видим в этом высказывании все признаки упрека. Субъект заочно упрекает объект за «дерзкие выходки», «зазнайство», «сомнительных московских друзей» и не сомневается в справедливости и неотвратимости наказания. Можно ли сказать, что субъект высказывания не просто уверен в наказании, но и испытывает злорадство по отношению к объекту? Такое возможно, но ответ на этот вопрос остается полностью на откуп интерпретатора⁶¹.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

2) «так + личное местоимение 2-го лица (Д. п.) + и + надо»

⁶¹ Мы бы сказали, что злорадство в примере все-таки отсутствует, что, впрочем, никак не говорит ни в пользу наличия упрека, ни против него.

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«так + личное местоимение 2-го лица (Д. п.) + *и* + *надо*» (**так** на расстоянии 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & dat & 2p r:pers на расстоянии 1 от **и** на расстоянии 1 от **надо**)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 119 документов, 131 вхождение / 1 вне семантики упрека

Газетный корпус: 8 документов, 8 вхождений / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 24 документа, 18 вхождений / 0 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«**Так тебе и надо**, дура, — придумала себе развлечение» [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]

III. \aleph вхождений / \aleph вне семантики упрека:

158 вхождений / 1 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

99,3%

V. Анализ и интерпретация

На первый взгляд, конструкция «так + личное местоимение 2-го лица (Д. п.) + *и* + *надо*», как и предшествующая «*поделом* + личное местоимение (Д. п.)», имеет мало общего с упреком, отсылая исключительно к семантике справедливости наказания и злорадства. Однако анализ примеров делает очевидным, что, даже если семантика упрека и не бросается в глаза в первую очередь, сбрасывать ее со счетов в высказывании попросту невозможно. «**Так тебе и надо**, — взглянув на свое лицо, подумала Кира. — Боже ты мой, какой стыд...» [Ирина Безладнова. Такая

женщина // «Звезда», 2001]. Как видно из контекста, высказывание представляет собой самоупрек. Значение «злорадство» отсутствует или, по крайней мере, совсем не очевидно, зато в полной мере реализована семантика «справедливое наказание». Это ожидаемо, самоупрек трудно представим в сочетании со злорадством, обращенным на себя. Однако, интерпретация высказывания будет некорректной в виде утверждения «Кира считает, что заслужила справедливое наказание». Ведь речь идет о самообвинении и недовольстве собой, то есть вывод Киры о том, что ей «так и надо», вторичен, поскольку основанием для него и коммуникативной целью высказывания служит упрек к себе, из чего следует: «Кира упрекает себя в совершении реального или мнимого проступка и считает, что заслужила справедливое наказание».

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

14.

Сценарии психологической манипуляции, описанные Э. Берном в книге «Игры, в которые играют люди» [Берн 2016а]

вариант 1:

«*все + из-за + личное местоимение (2 лицо)*»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«*все + из-за + личное местоимение (2 лицо)*» (**все** SPRO на расстоянии от 1 до 3 от **из-за** на расстоянии 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & gen & 2p r:pers)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 94 документа, 98 вхождений / 5 вне семантики упрека

Газетный корпус: 11 документов, 11 вхождений / 1 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

Устный корпус: 15 документов, 18 вхождений / 1 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«Вот теперь покупай чашку! Меня теперь мать убьет, а все из-за тебя...» [А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)]

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

128 вхождений / 7 вне семантики упрека.

IV. Специфичность к упреку:

94,5%

V. Анализ и интерпретация

Согласно критерию № 1, упрек двухкомпонентен, содержит обвинительную часть и «эмоциональную уязвленность» субъекта высказывания. В этой связи, конструкция является еще одним показательным примером проблемы «последнего шага» — субъективизма интерпретации полученных данных корпусной выдачи.

Во-первых, примеры типа *«— Это все из-за тебя! — обиделся Витя на Борю»* [обобщенный. Клуб «Юный химик» // «Химия и жизнь», 1969] и *«— Это все из-за тебя, ссучка! Оскорбление было обидным, незаслуженным, я не имела отношения к несчастью бело волосой девушки»* [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009] имеют сильный обвинительный компонент, что позволяет их трактовать как более жесткие виды речевой агрессии, нежели упрек. Как видно из примеров, контекст в данном случае не просто не помогает в оценке таксона, но и запутывает ситуацию. *«Обиделся»* и *«оскорбление»* — оценочные характеристики, которые соотносятся с разными видами речевой агрессии и носят авторский субъективный характер.

Во-вторых, примеры типа *«Ведь если я, старая дура, и хлопочу, и сержусь, так это все из-за тебя, сокровище ты мое!..»* [Е. П. Ростопчина. Палаццо Форли (1854)] и *«— Так это все из-за тебя? — упавшим голосом спросил Кузнечик»* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)] имеют слабый обвинительный

компонент, что ставит под сомнение их принадлежность к речевой агрессии в целом и упреку в частности.

Рассмотренные случаи мы относим к «квазиконтекстуальным» упрекам, имеющим относительную зависимость от контекста (см. Таблица 2. и Рисунок 1.), и поэтому включили их в статистику нашей работы.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

вариант 2:

«я + из-за + личное местоимение (2 лицо)»

I. а. Ввод потенциальной конструкции упрека в лексико-грамматический поиск по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«я + из-за + личное местоимение (2 лицо)» (я пом на расстоянии от -3 до 3 от **из-за** на расстоянии 1 от (SPRO | APRO | PRAEDICPRO | ADVPRO) & gen & 2p r:pers)

I. б. Лексико-грамматический поиск по потенциальной конструкции упрека по релевантным корпусам НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

Основной корпус: 210 документов, 234 вхождения / 12 вне семантики упрека

Газетный корпус: 24 документа, 25 вхождений / 3 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 2 документа, 2 вхождения / 2 вне семантики упрека

Устный корпус: 47 документов, 52 вхождения / 5 вне семантики упрека

II. Пример реализации потенциальной конструкции упрека в языке на материале НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]:

«Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду?» [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

III. N вхождений / N вне семантики упрека:

313 вхождения / 22 вне семантики упрека

IV. Специфичность к упреку:

92,9%

V. Анализ и интерпретация

Близкая к 100% специфичность к упреку прямо указывает на формальную природу конструкции.

VI. Вывод:

Конструкция является формальным средством выражения упрека в русском языке.

ВЫВОДЫ

Глава представляет собой практическую часть исследования и состоит из двух разделов: описания алгоритма процедуры корпусного поиска формальных средств выражения упрека и реализации этого алгоритма на базе интуитивно созданного авторского списка маркеров и потенциальных конструкций упрека.

Приступая к работе над главой, мы ставили перед собой задачу экспериментальной проверки идей, рассмотренных в первой и второй части исследования.

Представленный ниже сводный список формальных средств выражения упрека в русском языке (см. Таблица 13.) является итоговым результатом нашей работы⁶². В список вошли потенциальные конструкции упрека, отвечающие теоретическим критериям и методологическим принципам исследования и имеющие в своем составе маркеры, рассмотренные во 2 главе. Обязательным условием включения конструкции в список является специфичность к упреку 90 - 100%. Несмотря на субъективизм «первого» и «последнего шага» корпусного поиска, список носит в значительной мере объективный характер, так как отражает не столько количественную интерпретацию полученных данных, сколько сам факт существования этих данных в корпусе. Даже принимая во внимание технические изъяны процедуры и неточности интерпретации, можно с уверенностью утверждать, что список олицетворяет ясную тенденцию, существующую в русском языке и отраженную в корпусе — упрек как языковой феномен далеко не всегда нуждается в контексте и может быть передан исключительно формальными средствами, что дает возможность (с разумным учетом описанных погрешностей) считать представленные статистические данные объективными.

⁶² Для удобства ознакомления мы выносим в несколько модифицированном и развернутом виде данный список также и в приложении к работе.

Таблица 13 — Сводный список формальных средств выражения упрека, полученный в результате апробации потенциальных конструкций на базе НКРЯ.

Формальное средство выражения	Специфичность к упреку (%)	Пример реализации в языке
«небось + опять + глагол»	96,7%	«Так и будешь ходить всю зиму? Небось, опять на перилах ездил? » [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]
«сам + небось + глагол»	93,2%	« Сами, небось, бифштексы жрут, а нам — треска » [К. И. Чуковский. Дневник (1922)]
«не упрекаю, но...»	100%	«Я тебя не упрекаю, но зачем ты не сказал мне прямо, что исхода нет?» [А. К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы (1868)]
«найди (прошедшее время, 1 место в предложении) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив	97,7%	« Нашел, что ребенку привезти! » [Зинаида Синаевская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013]
<u>вариант 1:</u> «ну + что + за + одушевленное существительное»	99,1%	«Спросить нельзя, господи, ну что за люди! » [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]
<u>вариант 2:</u> «что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией»	100%	« Что же ты за дрянь! Ведь я просил не пугать, а приучать животных» [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)]
<u>вариант 1:</u> «ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией»	100%	« Ну ты и сволочь, — только и могла сказать Ольга» [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]
<u>вариант 2:</u> «ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты»	100%	« Ну и сволочь же ты, Гоша! » [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006]
<u>вариант 1:</u> «тоже + мне + одушевленное существительное»	94,9%	« Тоже мне жених, украл нашу сестру, заставил нас ночью проделать такой путь и ничего не подарил!» [М. И. Сайтов. Островки // «Бельские Просторы», 2010]
<u>вариант 2:</u> «тоже + одушевленное существительное + выискаться (прошедшее время)»	96,6%	« Тоже еще один начальник выискался. Все так и норовят покомандовать, так и лезут в руководящий состав» [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)].

Продолжение Таблицы 13

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку (%)	Пример реализации в языке
<u>вариант 1:</u> «тебе + лишь бы + инфинитив»	100%	« Тебе лишь бы полакомиться », — упрекнула она мужа» [Тамара Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003]
<u>вариант 2:</u> «тебе + только бы + инфинитив»	92,9%	« Тебе бы только за бабами волочиться, а до прочего и дела нет! » [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]
<u>вариант 1:</u> «где + уж + личное местоимение Д. п.»	96%	« Где уже нам с вами за одним столом чай пить, когда мы по-вашему морщиться не умеем » [Н. С. Лесков. Железная воля (1876)]
<u>вариант 2:</u> «куда + уж + личное местоимение Д. п.»	99,3%	«— Куда уж вам , — сказал комиссар дивизии. — Тут такую кашу заварили вокруг этого окружённого дома» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]
<u>вариант 1:</u> «вечно + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»	95,1%	«— Вечно вы толкуете о жратве, как будто нет других тем для разговора! » [А. И. Батюто. Дневник (1942)]
<u>вариант 2:</u> «опять + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»	90,1%	«Евгений, ну сколько можно, опять Вы на Близнюченко ссылаетесь? » [коллективный. Форум: Телегония (2007)]
<u>вариант 1:</u> «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + всегда + глагол (2 л.; наст. вр.)»	92,8%	« Зачем ты всегда, всегда отталкиваешь меня? Ты не веришь, что я тебя люблю? » [З. Н. Гиппиус. Без талисмана (1896)]
<u>вариант 2:</u> «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + постоянно + глагол (2 л.; наст. вр.)»	100%	«— Если тебе все равно, что я делаю, зачем ты постоянно копируешь меня? » [Анна Карабаш. Чей туфля? // «Домовой», 2002.05.04]
«я + частица + предупреждал (а)»	93%	«— Как зачем? — Я же тебя предупреждал. Я тебе по телефону все объяснил! — сержусь я » [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)]
«сто + раз + говорить (прошедшее время)»	94.6%	« Не трогай мои фломастеры, я уже сто раз говорила! » [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]

Продолжение Таблицы 13

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку (%)	Пример реализации в языке
«не + стыдно + личное местоимение (2 лицо)»	97,4%	«— <i>Наташа!</i> Ну как вам не стыдно , — говорила <i>Маргарита Николаевна</i> , — вы грамотная, умная девушка; в очередях врут чёрт знает что, а вы повторяете!» [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]
«личное местоимение (2 лицо) + не + совестно»	98,6%	«— А чем ты гордишься, позволь тебя спросить, дал он в глаз! Да как тебе не совестно , он же младше тебя!» [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]
«срам да и только»	100%	«Третьего дня на бале у губернатора он танцевал с ней два раза сряду... Срам, да и только! И чего смотрит дура мать?..» [М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)]
«как + личное местоимение (2 лицо) + сметь (2 лицо)»	99,3%	«— Как ты , недоучившаяся школьница, смеешь так говорить об академике?» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]
«сколько + можно + ?»	96,4%	«— Сколько можно?! Сто лет назад развелись, а ты все мне портишь!! Ну что тебе от нас надо, придурок?!» [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)]
«какое право + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)»	98,2%	« Какое право Вы имеете жалеть других? Я вовсе не хочу, чтобы Вы меня жалели!!!» [митрополит Антоний (Блум). Диалог верующего с неверующим (1972)]
«с какой стати + личное местоимение (2 лицо) + глагол»	93,1%	«— Где Крым, где Рим, а где панская корчма. С какой стати ты приплел сюда мою покойницу мать? Мне говорят: скажи, я и сказал. А ты как себе хочешь» [В. Г. Короленко. Без языка (1895)]
«зря + личное местоимение (2 лицо, Им. п.)»	96,6%	«— Зря ты его шуганул , — сказал мне <i>Петр Иваныч</i> . — Он теперь не вернётся» [Юрий Коваль. Серая ночь (1972)]
«напрасно + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)»	97,3%	« И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека» [А. Н. Островский. Гроза (1860)]
«а + еще + существительное (Им. п, одушевленность) + !»	96,7%	« <i>Cui prodest</i> — значит «ищи, кому выгода». А еще учитель! Зачем ты вообще ночевать остался?» [Борис Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000]

Продолжение Таблицы 13

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку (%)	Пример реализации в языке
« <i>поделом</i> + личное местоимение (Д. п.)»	99,4%	« Поделом ему, поделом! В таком возрасте — и такое легкомыслие, такие вредные затеи!» [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)]
« <i>так</i> + личное местоимение 2-го лица (Д. п.) + <i>и</i> + <i>надо</i> »	99,3%	« Так тебе и надо, дура, — придумала себе развлечение» [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]
<u>вариант 1:</u> « <i>все</i> + <i>из-за</i> + личное местоимение (2 лицо)»	94,5%	« Вот теперь покупай чашку! Меня теперь мать убьет, а все из-за тебя... » [А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)]
<u>вариант 2:</u> « <i>я</i> + <i>из-за</i> + личное местоимение (2 лицо)»	92,9%	« Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду?» [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

В свете своей экспериментальной природы список не претендует на абсолютную завершенность и непогрешимость представленных данных, но является, на наш взгляд, объективным доказательством основного тезиса исследования — существования в русском языке «ингерентных» упреков, выраженных без привлечения контекста, с помощью формальных языковых средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено созданию системной картины функционирования формальных средств выражения упрека в русском языке и решению ряда задач, связанных с теорией и практикой корпусного подхода к изучению языка.

Теоретическим ядром исследования является тезис о существовании в языке «ингерентных» упреков, функционирующих в языке вне контекста.

Практический аспект работы реализуется в разработке алгоритма процедуры корпусного поиска формальных средств выражения упрека и апробации этого алгоритма на базе экспериментального списка маркеров и потенциальных конструкций упрека.

Метауровень исследования представлен рядом общетеоретических установок, вытекающих из той системы научных взглядов, которая наиболее близка автору:

1. С появлением корпусов и развитием корпусного подхода лингвистика вступает в период новой «научной парадигмы» [Kuhn 1962] — «доказательной» лингвистики, идущей на смену доминирующему в настоящее время прагмалингвистическому подходу;
2. В связи с вышесказанным, данная работа стремится дистанцироваться от рассмотрения упрека с синтетических позиций прагмалингвистики, социолингвистики, психолингвистики, компаративистики, генристики и ориентирована на упрек как реальный языковой объект, имеющий конкретные воплощения в русском языке;
3. Преодоление субъективизма, характерного для инициации научного анализа (проблема «первого» шага), и интерпретационного фактора, влияющего на прочтение исследователем конечных результатов (проблема «последнего» шага), является ключевой задачей корпусной лингвистики. В рамках решения этой задачи, особое значение приобретает создание алгоритма, унифицирующего стадии

процедуры корпусного поиска и нивелирующего влияние проблемы «первого» и «последнего» шага;

4. Как показала апробация, алгоритм процедуры корпусного поиска формальных средств выражения упрека имеет ряд универсальных черт и в перспективе может быть адаптирован для поиска формальных средств выражения других языковых явлений;

5. В определенной мере работа представляет собой попытку синтеза двух антагонистичных подходов к изучению языка — узусного и структурного.

От узусного подхода исследование восприняло ориентацию на «доказательную» лингвистику, нацеленность на поиск и анализ конкретных дискурсивных воплощений упрека, отказ от создания умозрительных конструкций, не подтвержденных массивами реально существующих корпусных данных.

Структурный подход проявляет себя в работе стремлением максимально унифицировать и формализовать корпусный поиск средств выражения упрека. Взгляд структурализма на языковые феномены как на лингвистические объекты вне связи с экстралингвистическими факторами, а на сам язык как на абстрактную систему нашел свое отражение в представленном в работе алгоритме корпусного поиска формальных средств выражения упрека.

Комплексная реализация всех уровней исследования (теоретического, методологического, практического) нашла свое последовательное воплощение в трех главах исследования.

Глава I посвящена теоретическим аспектам упрека как языкового явления. Корпусный поиск конкретных дискурсивных реализаций упрека требует максимально четкой дескрипции феномена упрека, сужение границ понятия, уточнение его таксономического статуса в языке.

1. Упреку посвящен ряд работ отечественных и зарубежных исследователей. В своем большинстве эти работы носят прагмалингвистический, генристический, психолингвистический и компаративный характер — упрек в них осмысливается в рамках соответствующего направления, что приводит к отсутствию единого взгляда на таксономию упрека. В связи с этим, в рамках исследования было

принято решение дистанцироваться от идентификации упрека в русле того или иного подхода и использовать для отбора материала ключевые характеристики феномена, которые признаются всеми лингвистами: контекст, коммуникативная цель, субъектно-объектные отношения.

2. Данные толковых и этимологических словарей ставят под сомнение признаваемую частью исследователей имплицитную природу упрека, его стратегическую нацеленность на уход от конфликта. Подтверждают эти данные и практические результаты корпусного поиска: при наличии сильной эмоциональной составляющей упрек сближается с угрозой и обвинением — конфликтотенными видами речевой агрессии.

3. «Квазиупреки» (лексемы, в той или иной мере связанные с семантическим полем упрека, прежде всего собственно «упрек» и «упрекать») не могут использоваться в перформативном значении (в терминах теории речевых актов). Исключение составляет отрицательная перформативность, что демонстрирует рассмотренная в работе конструкция «*Я тебя не упрекаю, но...*».

4. Упрек проявляет себя не только как языковой, но также как психологический феномен. Анализ психологической природы упрека позволяет подтвердить облигаторность эмоционального компонента со значением «уязвленности» для отграничения упрека от смежных явлений речевой агрессии.

5. Явления попрека, самоупрека и взаимоупрека входят в семантическое поле упрека и в рамках исследования были рассмотрены в составе упрека.

6. В процессе исследования были выработаны 5 теоретических критериев, положенных в основу анализа конкретных корпусных воплощений:

— упрек имеет двухкомпонентную природу (обвинительная часть и эмоциональная составляющая «уязвленности»),

— упрек демонстрирует относительно среднюю по сравнению с другими видами речевой агрессии величину эмоционального накала и воздействия,

— в рамках исследования не анализируются упреки, имеющие чисто контекстуальную природу (см. Таблица 2.),

— роль субъекта в речевой ситуации упрека приоритетна и имеет выраженный доминантный характер,

— двухкомпонентность упрека обуславливает 2 обязательные коммуникативные цели: обвинение (1) и выражение эмоциональной «уязвленности» (2).

Глава II рассматривает методологические аспекты корпусного поиска «ингерентных» упреков и формальных средств их выражения. Ключевой задачей главы можно назвать переход от теоретического анализа упрека как языкового явления к отбору конкретных инструментов корпусного поиска. Обобщенным итогом главы является экспериментальный список маркеров и потенциальных конструкций упрека.

1. Исследование строится на методологической «триаде», включающей в себя принципы грамматики конструкций (1), «классическое» представление о языковой форме (2) и инструментарий корпусной лингвистики (3), и подразделяется на этап предварительного сбора материала и этап корпусного поиска.

2. На этапе предварительного сбора материала исследователь выделяет дискурсивные маркеры упрека, на базе которых формирует список потенциальных конструкций упрека. Основным критерием разграничения маркеров и потенциальных конструкций упрека является их различная парадигмальная природа: маркеры упрека представляют собой субъективные единицы, выявляемые исследователем на основе своей интуиции и принимаемых им научных теорий.

3. Потенциальные конструкции упрека относятся к объективным единицам этапа корпусного поиска, на котором производится их трансформация в соответствующие поисковые запросы. Потенциальная конструкция упрека, преодолевшая по результатам корпусной проверки установленный исследованием 90% статистический порог, считается формальным средством выражения упрека.

4. Представленный в исследовании алгоритм позволяет полностью формализовать и унифицировать процедуру корпусного поиска формальных средств выражения упрека. Однако начальный и конечный этап корпусного поиска фактически не поддаются контролю со стороны исследователя. Проблема «первого» и

«последнего» шага корпусного поиска связана с субъективно-интуитивной природой инициации научного анализа и интерпретации конечных данных.

5. Проблема «первого шага» проявляет себя в 3 аспектах:

— интуитивный «импульс-прозрение», являющийся иницирующим триггером научного анализа, берет начало в неконтролируемой области бессознательного исследователя;

— творение является отражением личности создателя: на процессе научного анализа и корпусного поиска лежит отпечаток научных взглядов исследователя;

— процесс формализации критериев корпусного поиска не бесконечен. Формальная логика предполагает, что каждый последующий критерий выводим из предшествующего. Однако первое утверждение в ряду критериев не может быть доказано с помощью предшествующего и имеет субъективную природу, основанную на интуиции исследователя.

6. Проблема «последнего шага» связана с неизбежным субъективизмом интерпретации корпусных данных и имеет 2 грани:

— относительность статистики,

— относительность репрезентативности.

Для проблемы «последнего шага» большое значение имеет фигура «интерпретатора» корпусных данных. Итоговые результаты оцениваются исследователем, вовлеченным в свою работу, что приводит к неизбежному субъективизму анализа.

7. Заключительная часть второй главы включает в себя список маркеров и потенциальных конструкций упрека. Список имеет экспериментальную и авторскую природу.

Глава III представляет собой практическую часть исследования и содержит результаты корпусного поиска формальных средств выражения упрека по списку маркеров и потенциальных конструкций упрека. Глава III состоит из 2 частей. В первой части предложен алгоритм поиска формальных средств выражения упрека; во второй дается непосредственное описание корпусного поиска на базе этого алгоритма с анализом и интерпретацией полученных данных. Завершает главу и

подводит итог всему исследованию сводный список формальных средств выражения упрека в русском языке.

Таким образом, теоретический анализ природы упрека как языкового явления, методологические принципы корпусного поиска, а также данные о конкретных дискурсивных реализациях упрека, полученные в процессе исследования, позволяют сделать вывод о существовании в русском языке «ингерентных» упреков, выраженных формальными языковыми средствами, а также свидетельствуют о значительном потенциале корпусных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВАРИ

- Абрамовъ, Н. Словарь русских синонимовъ и сходныхъ по смыслу выражений, 4-е изд., доп. — Петроградъ, 1915. - 196 с.
- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
- Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов. / Под ред. Л. А. Чешко. Изд. 2-е, стереотип. М., «Сов. Энциклопедия», 1969. - 600 с.
- Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь. – М.: Рукописные памятники Древней Руси (вып. 1-3, 6), Знак (вып. 4-5), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (вып. 7-9, 13); СПб.: Нестор-История (вып. 10-12), 2007–2019.
- Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003а. - 1488 с.
- Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. - 704 с.
- Бабенко, Л.Г. Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — М.: Астрель, АСТ, 2011. – 688 с.
- БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. В. И. Чернышева. — М., Лен.: Наука, 1950-1965. Т. 4. Ж-З. 1955. - 808 с.
- БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. В. И. Чернышева. — М., Лен.: Наука, 1950-1965. Т. 10. ПО - Поясочек. 1960. - 892 с.
- БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. В. И. Чернышева. — М., Лен.: Наука, 1950-1965. Т. 16. У-Ф. 1964. - 808 с.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. (издатели). Энциклопедический словарь. / под ред. К.К. Арсеньева и засл. проф. Ф.Ф. Петрушевского. – С.-Петербург: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, Прачешный пер., № 6, 1902. — Т. 34а (68): Углерод - Усилие. - 817 с.
- Габелко, М. В. Энциклопедия статистических терминов в 8 томах / М. В. Габелко, В. С. Елаховский, М. Р. Ефимова [и др.] ; Федеральная служба государственной статистики. – М.: Росстат, 2013. Т. 4 : Экономическая статистика. – 2013. – 822 с. –

URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/rosstat/stbook11/tom4.pdf (дата обращения: 18.09.2020)

Грицанов, А. А. История философии: Энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. — 1376 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Иванович Даль: В 4 т.— М.: РИПОЛ классик, 2006а. (Золотая коллекция) Т. 3: П. 544 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Иванович Даль: В 4 т.— М.: РИПОЛ классик, 2006б. (Золотая коллекция) Т. 4: Р — Я. 672 с.

Евгеньева, А. П. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.- 702 с.

Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т.— М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. Т.3: Р—Я. - 973 с. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 11.05.2019).

Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / 5-е изд., испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. - 486 с.

Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляр В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В. П. Жукова.— М.: Рус. яз., 1987.- 448 с.

Зданович В. В., Криксунов Е. А. Встречаемость // Гидробиология и общая экология: словарь терминов. — М. : Дрофа, 2004. — С. 44. -192 с. — (Биологические науки: Словари терминов)

Ильичев, Л. Ф. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.

Кожевников В. М., Николаев П. А. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. - 752 с.

Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2000. - 1536 с.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003. - 840 с.

МАС: Словарь русского языка: в 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. —М.: Русский язык, 1985—1988. Т. 1. А - Й. 1985. - 800 с.

МАС: Словарь русского языка: в 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой.— 3-е изд., стереотип.—М.: Русский язык, 1985—1988. Т. 3. П - Р. 1987. - 752 с.

МАС: Словарь русского языка: в 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой.— 3-е изд., стереотип.—М.: Русский язык, 1985—1988. Т. 4. С - Я. 1988. - 800 с.

Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Под. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко / СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. - 632 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. - 4-е изд., дополненное. - М.: ООО «А ТЕМП», 2006. - 944 с.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов: Под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 26-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «Издательство «Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. - 736 с.

Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка. В 3-х т. Т.2 (П - С, до слова сулея включительно): М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1914. - 420 с.

Сурков, А. А. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978.

Трубачев О. Н., Журавлев А. Ф., Варбот Ж. Ж. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд. / Под. ред. О. Н. Трубачева (1974-2002), А. Ф. Журавлева (2002-2016), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (2016-2018); Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН — М.: Наука, 1974-2018. - Вып. 1-41.

Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935—1940. Т.4. С — Ящурный. 1940.- 1502 стб.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3. (Муза – Сят): пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. - 2-е изд., стер. - М.: Прогресс, 1987а. - 832 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 4. (Т – Ящур): пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. - 2-е изд., стер. - М.: Прогресс, 1987б. - 576 с.

Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного языка. В 2 т. 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1999.

Шведова, Н. Ю. Русская грамматика : [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М. : Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация.

Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. - М. : Наука, 1980. – 783 с.

Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. В 6 т. – М., 1998 — 2007.

Ярцева, В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.: ил.

ЛИТЕРАТУРА

Авраменко, О. В. Речевой акт и речевой жанр как прагматические особенности дискурса // Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко. Секция «Филологические науки». Подсекция №3. 2007. URL: http://www.rusnauka.com/11._NPRT_2007/Philologia/22034.doc.htm (дата обращения: 26.04.2019).

Автаева, Н. О. Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект // Вестник ННГУ. 2010. №4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-v-sovremennyh-smi-gendernyy-aspekt> (дата обращения: 29.03.2019).

Акимова, Т. П. Особенности реализации оценочных речевых жанров в эпистолярном тексте (на материале писем А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого) // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-otsenochnyh-rechevyh-zhanrov-v-epistolyarnom-tekste-na-materiale-pisem-a-s-pushkina-i-l-n-tolstogo> (дата обращения: 29.03.2019).

Альбом, А., Норелл, С. Введение в современную эпидемиологию : учебное пособие / А. Альбом, С. Норелл; Пер. с англ. И. Боня ; Ин-т эксперим. и клин. медицины (Эстония), Дат. противораков. о-во. - Таллин : [б. и.], 1996.

Андрющенко, О. К. Речевой акт жалобы: семантика, прагматика, типология // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-zhaloby-semantika-pragmatika-tipologiya-1> (дата обращения: 27.04.2019).

Апресян, В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Тр. Междунар. конф. «Диалог 2003в». - М.: Наука, 2003.

Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - 767 с.

Апресян, Ю. Д. Обвинять // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003б. - С. 683-687.

Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и языке // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995.-767 с.

Апресян, Ю. Д., Гловинская М. Я. Осуждать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003а. - С. 729-733.

Апресян, Ю. Д., Гловинская М. Я. Ругать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003б. - С. 989-995.

Апресян, Ю. Д., Гловинская М. Я. Упрекать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003в. - С. 1213-1219.

Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений - М.: Русские словари, 1996. -Т.5: Работы 1940-1960 гг.

Бацевич, Ф. С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи / Ф.С. Бацевич. — Львів: Паіс, 2005. – 264 с.

Бачурка, М. С. Порицание: прагмалингвистический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №5-3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poritsanie-pragmalingvisticheskiy-analiz> (дата обращения: 29.03.2019).

Белютина, Ю. А. Моделирование коммуникативных актов «упрек» и «обвинение» в английском языке // Известия Смоленского Государственного Университета. 2018, № 4 (44). С. 149-162.

Берн, Э. Игры, в которые играют люди / Пер. с англ., предисловие и примечания А. И. Фета. — Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016а.

Берн, Э. Игры, в которые играют люди / Эрик Берн ; [пер. с англ. А. Грузберга]. — Москва : Издательство «Э», 2016б.

Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х томах.— М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Том 2.

Броженко, С. В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламных текстов банковских услуг) // Вестник ЧелГУ. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-rechevogo-vozdeystviya-v-reklamnom-diskurse-na-materiale-reklamnyy-tekstov-bankovskih-uslug> (дата обращения: 29.03.2019).

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Форма в языкознании // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.: ил.

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
- Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб: Питер, 2001. — 352 с: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
- Вежбицкая, А. Речевые жанры. (Перевод В. В. Дементьева) // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: «Колледж», 1997, вып. 1. С. 99-112
- Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1997
- Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
- Винантова, И. В. Структурные и прагматические особенности косвенных речевых актов со значением упрека, выраженных в форме вопроса (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4) URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15207801_48455941.pdf (дата обращения: 21.03.2020).
- Власова, Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Власова Елена Вячеславовна. - Саратов, 2005 – 213 с.
- Власян, Г. Р. Вопросительные предложения в свете теории речевых актов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2006. №6 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprositelnye-predlozheniya-v-svete-teorii-rechevyh-aktov> (дата обращения: 27.04.2019).
- Воейкова, М. Д. Качественная характеристика лица в русском и немецком языках: заполнение лакун и поиск соответствий // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 2009. – 262 с. стр. 17 – 30 (27)
- Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Воронцова Татьяна Александровна. - Челябинск, 2006. – 296
- Высоцкий, В. Приготовьтесь - сейчас будет грустно ... : [стихотворения] / Владимир Высоцкий; [сост. и коммент. П. Фокина; подгот . текста С. Жильцова]. - СПб .: Амфора. ТИД Амфора, 2012. - 128 с .: ил.
- Гаврикова, Ю. А. Порицание, упрек как тактики регулирования межличностных отношений // Современный ученый. 2017. №4. URL: http://www.modernsciencejournal.org/release/2017/SU_2017_4.pdf (дата обращения: 21.04.2019). С. 283 – 286.

Гасанова, Д. С. Речевые жанры упрека, похвалы и иронии в английском и русском языках // Вестник ЧелГУ. 2020. №1 (435). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-zhanry-upreka-pohvaly-i-ironii-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 26.08.2020).

ГИКРЯ [Генеральный интернет-корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>].

Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект (ред. Е. А. Земская). М., Наука, 1993. 6 п. л. С. 158 – 218.

Горбачева, Е. Н. Раскаяние как перформативный речевой жанр // Известия ВГПУ. 2014. №7 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskayanie-kak-performativnyy-rechevoy-zhanr> (дата обращения: 27.04.2019).

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики / Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание. — Издательство "Лабиринт", М., 2001. — 304с.

Горячев, А. А. Опыт конструирования речевого воздействия в рекламной коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-modelirovaniya-rechevogo-vozdeystviya-v-reklamnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 07.05.2019).

Граждан, В. Д. Социология управления : учебник для бакалавров / В. Д. Граждан. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 607 с. — Серия : Бакалавр. Углубленный курс.

Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01, 10.02.19 / Гулакова Ирина Ивановна. - Орел, 2004. -151 с.

Давыдова, Т. А. Речевой акт упрека в английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Давыдова Татьяна Александровна. - Иркутск, 2003. - 161 с.

Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусные методы в исследовании речевых жанров: проблема ключевых фраз // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnye-metody-v-issledovanii-rechevyh-zhanrov-problema-klyuchevyh-fraz> (дата обращения: 30.04.2019).

Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1997. №1. С. 109–122.

Дементьев, В. В. Теория речевых жанров. // М.: Знак, 2010. — 600 с.

Джандалиева, Е. Ю. Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания (на материале немецкого языка): автореферат диссертации на

соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Джандалиева Екатерина Юрьевна. – Волгоград, 2008а. – 26 с.

Джандалиева, Е. Ю. Кооперативность / конфликтность вербального поведения немецкоязычного адресата в коммуникативной ситуации неодобрения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008б. №69. С. 78-82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kooperativnost-konfliktnost-verbalnogo-povedeniya-nemetskoyazychnogo-adresata-v-kommunikativnoy-situatsii-neodobreniya> (дата обращения: 29.03.2019).

Джандалиева, Е. Ю. Прагматический аспект вербального поведения немецкоязычного адресата в коммуникативной ситуации «Упрек» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №11. С. 175-178 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskiy-aspekt-verbalnogo-povedeniya-nemetskoyazychnogo-adresata-v-kommunikativnoy-situatsii-uprek> (дата обращения: 25.03.2020).

Добрушина, Н. Р. Наклонение. Повелительное наклонение. Сослагательное наклонение // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. Вып. I. / Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян, ред. Н. М. Стойнова. — СПб.: Нестор-История, 2016.

Дубровская, Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Дубровская Татьяна Викторовна. - Саратов, 2003. -233 с.

Егорова, Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) // Международный электронный научный журнал: Язык и текст 2015. Т. 2. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/> (дата обращения: 27.04.2019).

Емельянова, О. Н. Метафора // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003а. - С. 324 —327.

Емельянова, О. Н. Фразеологизмы // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003б. - С. 737 — 739.

Ерохина, Е. Г. К содержанию понятия «Речевая стратегия» в исследовании письменного дискурса // Вестник ИГЛУ. 2014. №2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-recheyaya-strategiya-v-issledovanii-pismennogo-diskursa> (дата обращения: 29.03.2019).

Жанры речи: Журнал. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2014-2019.

Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов-Москва: «Колледж», «Наука», «Лабиринт», 1997-2012, вып. 1-8.

Журавлева, Н. Н. Выражение интенции упрека с помощью ассертивного речевого акта в польском языке // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2007. №2 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-intentsii-upreka-s-pomoschyu-assertivnogo-rechevogo-akta-v-polskom-yazyke> (дата обращения: 21.04.2019).

Журавлева, Н. Н. Место речевого акта упрека среди других речевых актов с общим интенциональным смыслом «неодобрение» в польском языке // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2006, № 7, с. 224 – 230.

Журавлева, Н. Н. Упрек как эмотивный речевой акт (на материале польского языка) // Acta Albanica, Rossica, Polonica. VIII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства і культуралогія». Зборнік навуковых артыкулаў. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2009, с. 34 – 38.

Завьялова, О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003а. - С. 562 - 564.

Завьялова, О. Н. Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003б. - С. 566 - 570.

Иванкова, И. В., Макарова О. С., Толкачева Н. А. Речевой акт упрека в русском и немецком языках // Национальная ассоциация ученых, Ежемесячный научный журнал. 2015. №9 (14)

Иванов, Л. Ю. Коммуникативная цель, коммуникативное намерение, коммуникативная интенция // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 254 - 256.

Иркабаева, М. В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирск. ун-та. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-akty-i-rechevye-zhanry-sootnoshenie-ponyatij> (дата обращения: 25.03.2019).

Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. / Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.

Казаков, А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-yazykovogo-manipulirovaniya-v-politicheskom-mediadiskurse-popytka-sistematizatsii> (дата обращения: 07.05.2019).

Каразия, Н. А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. №2. С. 72-88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskoe-issledovanie-konfliktnogo-diskursa> (дата обращения: 17.05.2019).

Каразия, Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Петропавловск-Камчатский, 2004а. 32 с.

Каразия, Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Каразия Наталья Александровна, Петропавловск-Камчатский, 2004б. -214 с.

Каразия, Н. А. Явные и косвенные способы выражения упрека // Вестник КамчатГТУ. 2005. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavnyye-i-kosvennyye-sposoby-vyrazheniya-upreka> (дата обращения: 29.03.2019).

Карасик, В. И. Язык социального статуса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. - 333 с.

Карякин, А. В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-kak-sposob-realizatsii-rechevoy-agressii> (дата обращения: 29.03.2019).

Качалова Н. А. Намек-упрек в форме иронии (на материале русскоязычной и немецкоязычной прессы) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2012. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/namek-uprek-v-forme-ironii-na-materiale-russkoyazychnoy-i-nemetskoazychnoy-pressy> (дата обращения: 21.03.2020).

Качалова, Н. А. Намек как элемент речевого акта и речевого жанра // Изв. Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/namek-kak-element-rechevogo-akta-i-rechevogo-zhanra> (дата обращения: 27.04.2019).

Кибрик, А. Е. Лингвистические постулаты // Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 621. Механизмы ввода и обработки знаний в системах понимания текста: Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1983. С.24-39.

Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. (универсальное, типовое и специфичное в языке). / М.: Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.

Кильмухаметова, Е. Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) // Вестник ТГПУ. 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskie-voprosy-kak-kosvennyye-rechevye-akty-na-materiale-frantsuzskogo-yazyka> (дата обращения: 27.04.2019).

Кинцель, А. В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия // Известия АлтГУ. 2013. №2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-mehanizmy-rechevogo-vozdeystviya> (дата обращения: 07.05.2019).

Кожина, М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999., вып. 2 — 300 с. С.55- 65.

Кожухова, И. В. Самоупреки в английском языке: форма и функционирование // Вестник ЧелГУ. 2014. №7 (336). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoupreki-v-angliyskom-yazyke-forma-i-funktsionirovanie> (дата обращения: 17.05.2019).

Кожухова, И. В. Функционирование ликоугрожающих речевых актов в англо и русскоязычной коммуникативных культурах // Вестник ИГЛУ. 2012. №1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-likougrozhayuschih-rechevyh-aktov-v-angloi-russkoyazychnoy-kommunikativnyh-kulturah> (дата обращения: 27.04.2019).

Кожухова, И. В., Валеева С. Р. Функциональные особенности выражения упрека в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 72-75. URL: www.gramota.net/materials/2/2012/4/24.html (дата обращения: 02.05.2019)

Комлева, Е. В. Соотношение понятий «Речевой жанр» и «Речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // Теория и практика общественного развития. 2011. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-rechevoy-zhanr-i-rechevoy-akt-na-materiale-nemetskih-apellyativnyh-tekstov-1> (дата обращения: 25.03.2019).

Корольков, В. И. Литота // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 4: Лакшин — Мураново. — 1967. — С. 394—395.

Корольков, В. И. Троп [в стилистике и поэтике] // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 7: «Советская Украина» — Флиаки. — 1972. — Стб. 626—630.

Корольков, В. И. Гипербола // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 2: Гаврилюк — Зюльфигар Ширвани. — 1964. — Стб. 185—186.

Корольков, В. И. Эпитет // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 8: Флобер — Яшпал. — 1975. — Стб. 921—924.

Костомаров, П. И. Трактовка речевого жанра в работах отечественных исследователей // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traktovka-rechevogo-zhanra-v-rabotah-otechestvennyh-issledovateley> (дата обращения: 27.04.2019).

Кошеварова, Ю. А. Манипулятивная тактика «Маскировки» в аргументативном дискурсе // Вестник Башкирск. ун-та. 2012. №1(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnaya-taktika-maskirovki-v-argumentativnom-diskurse> (дата обращения: 27.04.2019).

Кошкарова, Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ // Вестник ЧелГУ. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-mehanizmy-rechevoy-agressii-v-smi> (дата обращения: 29.03.2019).

Крайнова, А. С. Систематизация опыта научного описания речевых стратегий и тактик в современной лингвистике // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemizatsiya-opyta-nauchnogo-opisaniya-rechevyh-strategiy-i-taktik-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 27.04.2019).

Красноперова, Ю. В. О понятии "речевой жанр" в современной лингвистике // Современные проблемы науки и образования 2012 № 6. URL: <https://science-education.ru/pdf/2012/6/568.pdf> (дата обращения: 27.04.2019).

Кременевская, А. В. Языковые средства выражения упрека в немецкоязычном и русскоязычном художественном дискурсе // Теоретические предпосылки и специфика формирования языковой личности в условиях инновационного развития высшего образования [сайт]: 3 научно-практический семинар (Минск, 25 апреля 2014года): сборник материалов / БГУ, филологический фак. ; [под общ. ред. С. С. Котовской]. – Минск : БГУ, 2014. – 161 с. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/> (дата обращения: 06.08.2019)

Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М.: Наука, 1989. — 188 с.

Крысько, В. Г. Социальная психология: Курс лекций / Крысько Владимир Гаврилович — 3-е изд. — М.: Омега-Л, 2006. - 352 с; табл., илл. — (Библиотека высшей школы).

Лаврентьева, Е. А. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Лаврентьева Елизавета Владимировна. - Новосибирск, 2006. – 261

Ли, Чжухонг. Корпусный анализ форм будущего времени в русском языке: статистика и коллокационные закономерности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 6. С. 169–175.

Лу, Т. Упрек как конфликтное общение и стратегия гармонизации: на материале политического дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uprek-kak-konfliktnoe-obschenie-i-strategiya-garmonizatsii-na-materiale-politicheskogo-diskursa1> (дата обращения: 17.05.2019).

Ляшевская, О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. — М.: Издательский дом ЯСК, Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 520 с.

Ляшенко, Н. А. Лексико-семантические особенности выражения речевого акта упрека в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2015. №4. С. 99–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-osobennosti-vyrazheniya-rechevogo-akta-upreka-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 10.08.2020).

Максимюк, Е. В. Психоэмоциональное содержание жанра упрека (гендерный аспект) // Вестник ТГПУ. 2017. №11 (188). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihomotsionalnoe-soderzhanie-zhanra-upreka-gendernyy-aspekt> (дата обращения: 29.03.2019).

Матыцина М. С. Типы речевых актов выражения ревности и зависти // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2013. №13 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-rechevyh-aktov-vyrazheniya-revnosti-i-zavisti> (дата обращения: 29.03.2019).

Мордовин, А. Ю. К вопросу о понятии репрезентативности корпуса текстов // Вестник ИГЛУ. 2009. №1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-reprezentativnosti-korpusa-tekstov> (дата обращения: 02.06.2019).

Мордовин, А. Ю. Роль бессознательного и интуиции в лингвистическом анализе в рамках корпусного подхода // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bessoznatelnogo-i-intuitsii-v-lingvisticheskom-analize-v-ramkah-korpusnogo-podhoda> (дата обращения: 02.06.2019).

Мухометзянова, Ю. В. Прагматический потенциал модальных высказываний (речевой акт упрека) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2018б. № 42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37179297> (дата обращения: 20.03.2020).

Мухометзянова, Ю. В. Речевой акт упрека // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2018а. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32633224> (дата обращения: 21.03.2020).

Мухортов Д. С., Краснова А. В. Дискурсивные маркеры манипуляции как реализация субъективно-оценочного акта говорящего // Политическая лингвистика. 2016. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-markery-manipulyatsii-kak-realizatsiya-subektivno-otsenochnogo-akta-govoryaschego> (дата обращения: 27.04.2019).

Науменко, Я. М. Влияние прагматических факторов на языковое воплощение коммуникативной интенции упрека в англоязычном диалогическом дискурсе // I международная Интернет-конференция «Актуальные проблемы гуманитарного образования». 2014. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/95224> (дата обращения: 21.04.2019).

Нефедова, Л. А. К вопросу о манипулятивном использовании в повседневном общении косвенных высказываний // Вестник ТГУ. 1998. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-manipulyativnom-ispolzovanii-v-povsednevnom-obschenii-kosvennyh-predlozheniy> (дата обращения: 01.05.2019).

НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>].

Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986.— 424 с.

Остин, Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. - М.: Прогресс, 1986 - Вып. 17.- С.22-129.

Падучева, Е. В. Модальность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. Вып. I. / Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян, ред. Н. М. Стойнова. — СПб.: Нестор-История, 2016.

Палагина, А. О. Формы проявления агрессии по классификации А. Басса в русской классической литературе // Образование и воспитание. — 2016. — №4. — С. 1-4. — URL <https://moluch.ru/th/4/archive/39/889/> (дата обращения: 11.05.2019).

Парасуцкая, М. И. Манипуляция и «Манипулятивный дискурс» в лингвистике: принципы исследования // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-i-manipulyativnyy-diskurs-v-lingvistike-printsipy-issledovaniya> (дата обращения: 27.04.2019).

Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова ; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалевой ; науч. консульт. Н. А. Макашева ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 511.

Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Паршина Ольга Николаевна. - Саратов, 2005. — 324 с.

Пашенко М. А. Выявление единиц коммуникации: коммуникативно-стратегический подход // Вестник ЗабГУ. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-edinits-kommunikatsii-kommunikativno-strategicheskiy-podhod-1> (дата обращения: 27.04.2019).

- Петрухина Е. В., Юйе Шэнь. Состав, семантика и частотность возвратных конструкций с дативным субъектом в русском языке (на материале Национального корпуса) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 2. С. 50–62.
- Петрухина, Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Учебное пособие. – М., 2009.
- Петрушина, М. В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Петрушина Мария Владимировна. - М., 2005 - 257 с.
- Платонова, Н. М. Агрессия у детей и подростков: Учебное пособие / Под ред. Н. М. Платоновой. — СПб.: Речь, 2006. — 336 с.
- Плунгян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. - М., 2008. - № 2 (16). - С. 7-20
- Полякова, Е. В. Отрицательная оценка в русских письмах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Полякова Елена Владимировна. - Саратов, 2001. — 197 с.
- Пугачева, О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3
- Пую Ю. В. Истоки и генезис феномена манипулирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-i-genezis-fenomena-manipulirovaniya> (дата обращения: 07.05.2019).
- Радюк, А. В. Коммуникативные стратегии как способ манипулятивного речевого воздействия в английском деловом дискурсе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-kak-sposob-manipulyativnogo-rechevogo-vozdeystviya-v-angliyskom-delovom-diskurse> (дата обращения: 29.03.2019).
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. Конструкция анекдота с точки зрения грамматики конструкций // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2009, том 68, № 5. – С. 47-54.
- Рахилина, Е. В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. — М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. — 584 с.
- Румянцева, Т. Г. Лингвистический поворот // История философии: Энциклопедия / По ред. А. А. Грицанов. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. - С. 551.
- Сафронова, И. Н. Интерпретация // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 219 - 221.

Седов, К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005б. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-manipulyatsiya-v-povsednevnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 07.05.2019).

Седов, К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003а. URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2013/11/27/sedov_dic.zip#overlay-context=structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya (дата обращения: 11.05.2019).

Седов, К. Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003б. С. 20-27.

Седов, К. Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре. - Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005а

Семенюк, Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции: Учебное пособие. — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. — 96 с.

Серль, Д. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. - М.: Прогресс, 1986 б. - Вып. 17. - С. 170 - 194.

Серль, Д. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. -М.: Прогресс, 1986 в.- Вып. 17.-С. 195-223.

Серль, Д. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. - М.: Прогресс, 1986 а.- Вып. 17.- С. 151-169.

Сидорова, Е. Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. №319. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-agressiya-kak-kommunikativno-pragmaticeskoe-yavlenie> (дата обращения: 29.03.2019).

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-manipulyativnogo-rechevogo-vozdeystviya-v-rossiyskoj-pressе> (дата обращения: 07.05.2019).

Сковородников, А. П. Инверсия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003в. - С. 211.

Сковородников, А. П. Позиционно-лексический повтор // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003д. - С. 483-484.

Сковородников, А. П. Риторический вопрос // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003а. - С. 592.

Сковородников, А. П. Риторическое восклицание // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003б. - С. 603.

Сковородников, А. П. Умолчание // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003г. - С. 725.

Соловьева, Е. В. Коммуникативная стратегия манипуляции в современном немецком политическом дискурсе (на примере речевого акта возмущения) // Вестник ННГУ. 2014. №2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-manipulyatsii-v-sovremennom-nemetskom-politicheskom-diskurse-na-primere-rechevogo-akta-vozmuscheniya-1> (дата обращения: 27.04.2019).

Сороченко, Е. Н. Способы представления речевого жанра упрека в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3-2. URL: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/82.html (дата обращения: 30.04.2019).

Стексова, Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-obeschaniya-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 27.04.2019).

Стексова, Т. И. Упрек // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 728 - 729.

Стрельникова, Е. А. Упрек как речевой жанр (на материале произведений русской литературы XIX века) // Всероссийская Интернет-конференция «Язык. Речь. Дискурс». Секция: Проблемы речевой коммуникации. 2011. URL: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=1518> (дата обращения: 30.04.2019).

Сурков, А. А. Антифразис // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 1: Аарне — Гаврилов. — М.: Сов. энцикл., 1962. — Стб. 243.

Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

Труфанова, И. В. О разграничении понятий речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика. // Филологические науки 2001 № 3. С. 56 – 65.

Федорова, А. Л. Косвенное выражение неодобрения в свете теории речевых актов // Доклады Башкирского университета. 2017. Том 2. №5

Федорова, А. Л. Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20, 10.02.04 / Федорова Анна Леонидовна. - Уфа, 2004. – 187 с.

Федосюк, М. Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. — Т. 1. — Арго Екатеринбург, 1996. С.45-60.

Филиппова, О. А. Явление речевой агрессии в современных условиях общения (аспекты и проблемы) // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. №3. С. 87-93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-rechevoy-agressii-v-sovremennyh-usloviyah-obscheniya-aspekty-i-problemy> (дата обращения: 29.03.2019).

Фишер, Р. А. Статистические методы для исследователей / перевод с англ. В. Н. Перегудова. - Москва : Госстатиздат, 1958. - 268 с.: Statistical methods for research workers. By R. A. Fisher. 12 th ed., revised. Edinburg-London, Oliver and Boyd, 1954

Царенко Н. М., Шустова С. В. Дискурсивные маркеры как средство развития грамматической компетенции: прагмалингвистический подход // Научный журнал современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 3. С. 102 – 111. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36470416> (дата обращения: 20.09.2020).

Черкасова, М. Н. Амбивалентность как свойство речевой агрессии // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №18 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ambivalentnost-kak-svoystvo-rechevoy-agressii> (дата обращения: 29.03.2019).

Чернецкий, А. Р. Тактики упрека в прагмалингвистическом аспекте (на материале французского языка) // Весці БДПУ. Серыя 1. 2015. №3. URL: <https://core.ac.uk/reader/74334105> (дата обращения: 21.05.2019).

Шаймарданова, М. Р. Гендерные стратегии и тактики в условиях актуализации фрейма предостережения в английских и русских поговорках // Вестник ВятГУ. 2015. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-strategii-i-taktiki-v-usloviyah-aktualizatsii-freyma-predosterezeniya-v-angliyskih-i-russkih-paremiyah> (дата обращения: 29.03.2019).

Шалацкий, Д. Л. Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamyie-i-kosvennyie-taktiki-rechevoy-strategii-upreka-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 29.03.2019).

Шалина, И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Шалина Ирина Владимировна. - Екатеринбург, 1998. – 204 с.

Шаронов, И. А. Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. - М.: РГГУ, 2004.

Шведова, Н. Ю. Междометия // Русская грамматика : [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М. : Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. - М. : Наука, 1980. - 783

Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. В 6 т. Т. 1 – М.: "Азбуковник", 1998.

Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. В 6 т. Т. 4 – М.: "Азбуковник", 2007.

Швец, Е. С. «Упрек» в теории речевых актов: лингвистический взгляд на проблему // Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава филологического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко по итогам НИР 2017 года / отв. редактор Н. В. Кривошапова. - Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 548 с. – С. 474-479

Шилихина, К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-diskursivnyh-markerov-metodami-korpusnoy-lingvistiki> (дата обращения: 02.06.2019).

Ширапова С. Д., Лунева Н. П. Косвенные речевые акты // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2008. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosvennye-rechevye-akty> (дата обращения: 27.02.2020).

Шишкин, Д. С. Инверсия как особый стилистический прием усиления прагматического эффекта художественного текста // Вестник науки и образования. 2016. №10 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inversiya-kak-osobyuy-stilisticheskiy-priem-usileniya-pragmaticheskogo-effekta-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 28.01.2021).

Шмелева, Т. В. Речевой акт // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003а. - С. 571 - 572.

Шмелева, Т. В. Речевой жанр // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. -М.: Флинта: Наука, 2003б. - С. 573 - 574.

Шмелева, Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.

Шмурак, Р. И. К уточнению понятия упрёка с помощью корпусных инструментов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 24–48.

Шпагин П. И. Комическое // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 3: Иаков — Лакснесс. — 1966. — Стб. 689—691.

Щербинина, Ю. В. Русский язык : Речевая агрессия и пути ее преодоления : Учеб. пособие / Ю. В. Щербинина. - М. : Флинта : Наука, 2004. - 221 с

Юнг, К. Г. Инстинкт и бессознательное // Сознание и бессознательное: Сборник. — СПб.: Университетская книга, 1997. — С. 57—68. — 544 с. — (Классика психологии).

Юнг, К. Г. О природе психического // Структура и динамика психического. — М.: Когито-Центр, 2008. — С. 185—266. — 480 с.

Юнг, К. Г. Очерки по психологии бессознательного — 2-е изд. — М.: Когито-Центр, 2010. — 352 с.

Якобсон, Р. Выступление на первом международном симпозиуме «Знак и система языка» / Р. Якобсон // Звегинцев В.А. История языкознания XIX -XX веков в очерках и извлечениях. - 3-е изд., доп. - М. : Просвещение, 1965.-4.2.-С. 400-401.

Austin, J. L. How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955 // (eds. J. O. Urmson and Marina Sbisa), Oxford: Clarendon Press, 1962

Bates, Elizabeth and MacWhinney, Brian. Functionalism and the Competition Model // The crosslinguistic study of sentence processing / Brian MacWhinney and Elizabeth Bates. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 1989. pp 3-76.

Brown P, Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage / Cambridge University Press, 1988. — xiv, 345 pages. — (Studies in Interactional Sociolinguistics).

Buss A. H. Aggression Pays // The Control of Aggression and Violence. – NY: London, 1971.

Buss, A. H. An inventory for assessing different kinds of hostility / A. H. Buss, A. H. Durkee // Journal of Consulting Psycholog. – 1957. – Vol. 21. – P. 343–349.

- Buss, A. H. *The Psychology of Aggression* / A. H. Buss. - New York : Wiley, 1961.-365 p.
- Bybee, J. *Language, cognition, and usage*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 2010.
- Bybee, J. *Morphology: A study on the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins. 1985.
- Croft, W. *Explaining language change: An evolutionary approach*. London: Longman. 2000.
- Cyberleninka [Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/>].
- eLibrary [Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.elibrary.ru/>].
- Fillmore Ch. J., Kay P. *Construction grammar course book*. Berkeley: University of California, 1992.
- Fillmore Ch., Kay P., O'Connor K.T. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. 1988. № 64.
- Fillmore, Ch. J. Syntactic intrusions and the notion of grammatical construction. In M. Niepokuj, M. VanClay, V. Nikiforidou, & D. Feder (Eds.), *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* (pp. 73–86). University of California, Berkeley: Berkeley Linguistics Society. 1985.
- Fillmore, Ch. J. The mechanisms of 'Construction Grammar'. In S. Axmaker, A. Jaisser, & H. Singmaster (Eds.), *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* (pp. 35–55). University of California, Berkeley: Berkeley Linguistics Society. 1988.
- Friedmann, J. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. — MIT Press, 1966. — 279 p
- Givón, T. *On understanding grammar*. New York: Academic Press. 1979.
- Goldberg A. E. *Constructions: A new theoretical approach to language* // *Trends in Cognitive Sciences*, 2003. 7.5. P. 219–224.
- Goldberg, A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press. 2006.
- Goldberg, A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press. 1995.
- Grice, P. *Logic and Conversation* // *Studies in the Way of Words*. Chapter 2 — Harvard University Press, 1989. — P. 20-41
- Hanson, K. C. How Honorable! How Shameful! A Cultural Analysis of Matthew's Makarisms and Reproaches // *Semeia* 68. 83-114. 1996. URL: <http://www.kchanson.com/ARTICLES/mak.html> (дата обращения: 24.04.2019)

- Henriksson, C. Konfliktäre Sprechhandlungen: eine Untersuchung der Sprechakte "Vorwurf", "Drohung" und "konfliktäre Warnung. PhD dissertation. Lunds Universitat, Stockholm-Sweden, Almqvist & Wiksell International, 2004. - 188 p.
- Hopper, P. Emergent grammar. In Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Edited by Jon Aske, Natasha Beery, Laura Michaelis, and Hana Filip, 139–157. Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society. 1987.
- Klein, D. B. A Plea to Economists Who Favour Liberty: Assist the Everyman / Occasional paper / Institute of Economic Affairs, London, 2001 – 118
- Kuhn, T. S. The Structure of Scientific Revolutions / Chicago, IL: University of Chicago Press, 1962
- Lakoff, G. Metaphors we live by / George Lakoff and Mark Johnson. p. cm. Originally published: Chicago : University of Chicago Press, 1980. University of Chicago Press, 2003. — 191 pages.
- Langacker, R. W. A dynamic usage-based model. In M. Barlow & S. Kemmer (Eds.), 2000. Usage-based models of language (pp. 1–63).
- Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1, Theoretical prerequisites. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1987.
- Leech, G. H. Principles of Pragmatics / Leech G.H. – NY, London: Longman, 1983.
- Saxe, J. G. The Poems / Saxe, J. G.— Boston: James R. Osgood And Company, Late Ticknor & Fields, And Fields, Osgood , & Co.,1873. p. 259-261.
- Searle, J. R. What is a speech act? - In: "Philosophy in America" ed. Max Black, London, Alien and Unwin, 1965, p. 221-239.
- Stefanowitsch A. & Gries S.T. Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions // International Journal of Corpus Linguistics. 2003. 8:2. 209–243.
- Tomasello, M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 2003.
- Traugott, E. C. (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment. In K. Davidse, L. Vandeloote, & H. Cuyckens (Eds.), Subjectification, intersubjectification and grammaticalization (pp. 29–71). Berlin: De Gruyter Mouton. 2010.
- Van Olmen, D. Reproachatives and imperatives // Linguistics. Volume 56, Issue 1, p. 115-162. 2018. URL: <https://doi.org/10.1515/ling-2017-0033> (дата обращения: 29.01.2019).
- Wierzbicka, A. Genry mowy // Tekst izdanie Zbior studiow Wroclaw 1983
- Wierzbicka, A. The Reprimand group // English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney etc., 1987, p. 139-149.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблица 1 — Синонимия упрека	25
Таблица 2 — Упрек и контекст.....	33
Таблица 3 — Таксономический статус упрека в работах различных авторов	36
Таблица 4 — Соотношение понятий «речевая стратегия», «речевая тактика», «речевой жанр», «речевой акт»	47
Таблица 5 — Типы агрессии по Бассу	53
Таблица 6 — Виды речевой агрессии по Седову	54
Таблица 7 — Определяющая роль субъекта упрека в работах различных авторов	61
Таблица 8 — «Межсубъектный» подход к упреку в работах различных авторов	62
Таблица 9 — Характеристики разграничения «упрека» и «попрека»	69
Таблица 10 — Самоупрек как вид упрека	71
Таблица 11 — Корреляция «диагностической ценности» и статистики выдачи	113
Таблица 12 — Сценарии психологической манипуляции по Э. Берну в разных переводах	135
Таблица 13 — Сводный список формальных средств выражения упрека, полученный в результате апробации потенциальных конструкций на базе НКРЯ	198
Рисунок 1 — Упрек и контекст	33
Рисунок 2 — Лексический класс «осудительная речь».....	42
Рисунок 3 — Соотношение понятий «речевой акт» и «речевой жанр».....	43
Рисунок 4 — Соотношение понятий «речевая стратегия» и «речевая тактика»	46
Рисунок 5 — Соотношение понятий «коммуникативная цель», «коммуникативное намерение / коммуникативная интенция», «речевая стратегия» и «речевая тактика»	49
Рисунок 6 — Соотношение понятий «речевая агрессия», «речевой жанр», «речевой акт», «речевая стратегия», «речевая тактика»	58
Рисунок 7 — Минимальная структура взаимоупрека	72
Рисунок 8 — Процедура лексико-грамматического поиска формальных средств выражения упрека на материале конструкции «я + круглое число + «раз» + глагол речи».....	91
Рисунок 9 — Корреляция «диагностической ценности» и статистики выдачи	114
Рисунок 10 — Алгоритм корпусного поиска формальных средств выражения упрека.	143

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводный список формальных средств выражения упрека, полученный в результате апробации потенциальных конструкций на базе НКРЯ.

Формальное средство выражения упрека и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	\sum вхождений / \sum вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
«небось + опять + глагол» «Так и будешь ходить всю зиму? Небось, опять на перилах ездил? » [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]	Основной корпус: 28 вхождений / 1 вне семантики упрека Газетный корпус: 3 вхождения / 0 вне семантики упрека Поэтический корпус: выдачи нет Устный корпус: выдачи нет	31/1	96,7%
«сам + небось + глагол» « Сами, небось, бифштексы жрут, а нам — треска » [К. И. Чуковский. Дневник (1922)]	Основной корпус: 108 вхождений / 7 вне семантики упрека Газетный корпус: 6 вхождений / 0 вне семантики упрека Поэтический корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрека Устный корпус: 4 вхождения / 1 вне семантики упрека	119 / 8	93,2%
«не упрекаю, но...» «Я тебя не упрекаю, но зачем ты не сказал мне прямо, что исхода нет?» [А. К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы (1868)]	Основной корпус: 5 вхождений / 0 вне семантики упрека Газетный корпус: выдачи нет Поэтический корпус: выдачи нет Устный корпус: выдачи нет	5 / 0	100%
«найти (прошедшее время, 1 место в предложении) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив» « Нашел, что ребенку привезти! » [Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013]	Основной корпус: 194 вхождения / 3 вне семантики упрека Газетный корпус: 26 вхождений / 2 вне семантики упрека Поэтический корпус: 2 вхождения / 0 вне семантики упрека Устный корпус: выдачи нет	222 / 5	97,7%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрёка и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
<p><u>вариант 1:</u> «ну + что + за + одушевленное существительное»</p> <p>«Спросить нельзя, господи, ну что за люди!» [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]</p>	<p>Основной корпус: 85 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 28 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 10 вхождений / 1 вне семантики упрёка</p>	124 / 1	99,1%
<p><u>вариант 2:</u> «что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией»</p> <p>«Что же ты за дрянь! Ведь я просил не пугать, а приучать животных» [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)]</p>	<p>Основной корпус: 29 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: выдачи нет</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: выдачи нет</p>	29 / 0	100%
<p><u>вариант 1:</u> «ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией»</p> <p>«Ну ты и сволочь, — только и могла сказать Ольга» [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]</p>	<p>Основной корпус: 38 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 6 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 6 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p>	50 / 0	100%
<p><u>вариант 2:</u> «ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты»</p> <p>«Ну и сволочь же ты, Гоша!» [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006]</p>	<p>Основной корпус: 103 вхождения / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 5 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 11 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p>	119 / 0	100%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрека и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
<p><u>вариант 1:</u> «<i>тоже + мне + одушевленное существительное</i>»</p> <p>«Тоже мне жених, украл нашу сестру, заставил нас ночью проделать такой путь и ничего не подарил!» [М. И. Саитов. Островки // «Бельские Просторы», 2010]</p>	<p>Основной корпус: 447 вхождений / 21 вне семантики упрека</p> <p>Газетный корпус: 58 вхождений / 3 вне семантики упрека</p> <p>Поэтический корпус: 5 вхождений / 2 вне семантики упрека</p> <p>Устный корпус: 62 вхождения / 3 вне семантики упрека</p>	572 / 29	94,9%
<p><u>вариант 2:</u> «<i>тоже + одушевленное существительное + выискаться (прошедшее время)</i>»</p> <p>«Тоже еще один начальник выискался. Все так и норовят покомандовать, так и лезут в руководящий состав» [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)].</p>	<p>Основной корпус: 25 вхождений / 1 вне семантики упрека</p> <p>Газетный корпус: выдачи нет</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 5 вхождений / 0 вне семантики упрека</p>	30 / 1	96,6%
<p><u>вариант 1:</u> «<i>тебе + лишь бы + инфинитив</i>»</p> <p>«Тебе лишь бы полакомиться», — упрекнула она мужа» [Тамара Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003]</p>	<p>Основной корпус: 18 вхождений / 0 вне семантики упрека</p> <p>Газетный корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрека</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрека</p>	20 / 0	100%
<p><u>вариант 2:</u> «<i>тебе + только бы + инфинитив</i>»</p> <p>«Тебе бы только за бабами волочиться, а до прочего и дела нет!» [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]</p>	<p>Основной корпус: 51 вхождение / 2 вне семантики упрека</p> <p>Газетный корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрека</p> <p>Поэтический корпус: 3 вхождения / 1 вне семантики упрека</p> <p>Устный корпус: 2 вхождения / 1 вне семантики упрека</p>	57 / 4	92,9%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрёка и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	N N вхождений / вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
<p><u>вариант 1:</u> «где + уж + личное местоимение Д. п.»</p> <p><i>«Где уже нам с вами за одним столом чай пить, когда мы повашему морщиться не умеем»</i> [Н. С. Лесков. Железная воля (1876)]</p>	<p>Основной корпус: 261 вхождение / 9 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 12 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 17 вхождений / 3 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 15 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p>	305 / 12	96%
<p><u>вариант 2:</u> «куда + уж + личное местоимение Д. п.»</p> <p><i>«— Куда уж вам, — сказал комиссар дивизии. — Тут такую кашу заварили вокруг этого окружённого дома»</i> [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]</p>	<p>Основной корпус: 117 вхождений / 1 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 23 вхождения / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 5 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 6 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p>	151 / 1	99,3%
<p><u>вариант 1:</u> «вечно + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»</p> <p><i>«— Вечно вы толкуете о жратве, как будто нет других тем для разговора!»</i> [А. И. Батюто. Дневник (1942)]</p>	<p>Основной корпус: 58 вхождений / 2 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 4 вхождения / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 4 вхождения / 2 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 17 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p>	83 / 4	95,1%
<p><u>вариант 2:</u> «опять + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + глагол (2 л.; наст. вр.)»</p> <p><i>«Евгений, ну сколько можно, опять Вы на Близнюченко ссылаетесь?»</i> [коллективный. Форум: Телегония (2007)]</p>	<p>Основной корпус: 142 вхождения / 10 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 16 вхождений / 1 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 13 вхождений / 8 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 22 вхождения / 0 вне семантики упрёка</p>	193 / 19	90,1%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрёка и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрёка	Специфичность к упрёку (%)
<p>вариант 1: «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + <i>всегда</i> + глагол (2 л.; наст. вр.)»</p> <p>«<i>Зачем ты всегда, всегда отталкиваешь меня? Ты не веришь, что я тебя люблю?</i>» [З. Н. Гиппиус. Без талисмана (1896)]</p>	<p>Основной корпус: 13 вхождений / 1 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: выдачи нет</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрёка</p>	14 / 1	92,8%
<p>вариант 2: «зачем + личное местоимение (2 л.; Им. п.) + <i>постоянно</i> + глагол (2 л.; наст. вр.)»</p> <p>«— <i>Если тебе все равно, что я делаю, зачем ты постоянно копируешь меня?</i>» [Анна Карабаш. Чей туфля? // «Домовой», 2002.05.04]</p>	<p>Основной корпус: 11 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: выдачи нет</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрёка</p>	12 / 0	100%
<p>«я + частица + <i>предупреждал</i> (а)»</p> <p>«— <i>Как зачем? — Я же тебя предупреждал. Я тебе по телефону все объяснил! — сержусь я</i>» [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)]</p>	<p>Основной корпус: 148 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 34 вхождения / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 33 вхождения / 0 вне семантики упрёка</p>	215 / 15	93%
<p>«<i>сто</i> + <i>раз</i> + <i>говорить</i> (прошедшее время)»</p> <p>«<i>Не трогай мои фломастеры, я уже сто раз говорила!</i>» [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]</p>	<p>Основной корпус: 99 вхождений / 4 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 17 вхождений / 2 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: 16 вхождений / 1 вне семантики упрёка</p>	132 / 7	94,6%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрёка и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	N вхождений / N вне семантики упрёка	Специфичность к упрёку (%)
<p>«не + стыдно + личное местоимение (2 лицо)»</p> <p>«— <i>Наташа! Ну как вам не стыдно</i>, — говорила <i>Маргарита Николаевна</i>, — <i>вы грамотная, умная девушка; в очередях врут чёрт знает что, а вы повторяете!</i>» [М. А. Булгаков. <i>Мастер и Маргарита</i>, часть 2 (1929-1940)]</p>	<p>Основной корпус: 1512 вхождений / 32 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 173 вхождения / 11 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 29 вхождений / 2 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 171 вхождение / 4 вне семантики упрёка</p>	1885 / 49	97,4%
<p>«личное местоимение (2 лицо) + не + совестно»</p> <p>«— <i>А чем ты гордишься, позволь тебя спросить, дал он в глаз! Да как тебе не совестно, он же младше тебя!</i>» [Алексей Моторов. <i>Преступление доктора Паровозова</i> (2013)]</p>	<p>Основной корпус: 194 вхождения / 3 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 4 вхождения / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 5 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 12 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p>	215 / 3	98,6%
<p>«срам да и только»</p> <p>«<i>Третьего дня на бале у губернатора он танцевал с ней два раза сряду... Срам, да и только! И чего смотрит дура мать?..</i>» [М. Н. Загоскин. <i>Искуситель</i> (1838)]</p>	<p>Основной корпус: 7 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: выдачи нет</p> <p>Поэтический корпус: выдачи нет</p> <p>Устный корпус: выдачи нет</p>	7 / 0	100%
<p>«как + личное местоимение (2 лицо) + сметь (2 лицо)»</p> <p>«— <i>Как ты, недоучившаяся школьница, смеешь так говорить об академике?</i>» [Василий Гроссман. <i>Жизнь и судьба</i>, ч. 1 (1960)]</p>	<p>Основной корпус: 1094 вхождения / 6 вне семантики упрёка</p> <p>Газетный корпус: 50 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p> <p>Поэтический корпус: 36 вхождений / 2 вне семантики упрёка</p> <p>Устный корпус: 75 вхождений / 0 вне семантики упрёка</p>	1255 / 8	99,3%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрёка и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	N N вхождений / вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
«сколько + можно + ?» «— <i>Сколько можно?! Сто лет назад развелись, а ты все мне портишь!! Ну что тебе от нас надо, придурок?!</i> » [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)]	Основной корпус: 130 вхождений / 5 вне семантики упрёка Газетный корпус: 85 вхождений / 2 вне семантики упрёка Поэтический корпус: 2 вхождения / 0 вне семантики упрёка Устный корпус: 40 вхождений / 2 вне семантики упрёка	257 / 9	96,4%
«какое право + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)» « <i>Какое право Вы имеете жалеть других? Я вовсе не хочу, чтобы Вы меня жалели!!!</i> » [митрополит Антоний (Блум). Диалог верующего с неверующим (1972)]	Основной корпус: 50 вхождений / 1 вне семантики упрёка Газетный корпус: 3 вхождения / 0 вне семантики упрёка Поэтический корпус: выдачи нет Устный корпус: 3 вхождения / 0 вне семантики упрёка	56 / 1	98,2%
«с какой стати + личное местоимение (2 лицо) + глагол» «— <i>Где Крым, где Рим, а где панская корчма. С какой стати ты приплел сюда мою покойницу мать? Мне говорят: скажи, я и сказал. А ты как себе хочешь</i> » [В. Г. Короленко. Без языка (1895)]	Основной корпус: 41 вхождение / 2 вне семантики упрёка. Газетный корпус: 3 вхождения / 1 вне семантики упрёка Поэтический корпус: выдачи нет Устный корпус: выдачи нет	44 / 3	93,1%
«зря + личное местоимение (2 лицо, Им. п.)» «— <i>Зря ты его шуганул, — сказал мне Петр Иванович. — Он теперь не вернётся</i> » [Юрий Коваль. Серая ночь (1972)]	Основной корпус: 961 вхождения / 28 вне семантики упрёка Газетный корпус: 227 вхождений / 5 вне семантики упрёка Поэтический корпус: 34 вхождения / 9 вне семантики упрёка Устный корпус: 145 вхождений / 4 вне семантики упрёка	1367 / 46	96,6%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрёка и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	№ вхождений / № вне семантики упрёка	Специфичность к упрёку (%)
« <i>напрасно</i> + личное местоимение (2 лицо) + сказуемое (настоящее время, 2 лицо)» « <i>И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека</i> » [А. Н. Островский. Гроза (1860)]	Основной корпус: 923 вхождения / 15 вне семантики упрёка Газетный корпус: 44 вхождения. / 6 вне семантики упрёка Поэтический корпус: 126 вхождений / 8 вне семантики упрёка Устный корпус: 41 вхождение / 1 вне семантики упрёка	1134 / 30	97,3%
« <i>a</i> + <i>еще</i> + существительное (Им. п., одушевленность) + !» « <i>Cui prodest — значит «ищи, кому выгода». А еще учитель! Зачем ты вообще ночевать остался?»</i> [Борис Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000]	Основной корпус: 253 вхождения / 5 вне семантики упрёка Газетный корпус: 9 вхождений / 4 вне семантики упрёка Поэтический корпус: 2 вхождения / 0 вне семантики упрёка Устный корпус: 10 вхождений / 0 вне семантики упрёка	274 / 9	96,7%
« <i>поделом</i> + личное местоимение (Д. п.)» « <i>Поделом ему, поделом! В таком возрасте — и такое легкомыслие, такие вредные затеи!</i> » [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)]	Основной корпус: 150 вхождений / 0 вне семантики упрёка Газетный корпус: 22 вхождения / 0 вне семантики упрёка Поэтический корпус: 13 вхождений / 1 вне семантики упрёка Устный корпус: 4 вхождения / 0 вне семантики упрёка	189 / 1	99,4%
« <i>так</i> + личное местоимение 2-го лица (Д. п.) + <i>и</i> + <i>надо</i> » « <i>Так тебе и надо, дуре, — придумала себе развлечение</i> » [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)]	Основной корпус: 131 вхождение / 1 вне семантики упрёка Газетный корпус: 8 вхождений / 0 вне семантики упрёка Поэтический корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрёка Устный корпус: 18 вхождений / 0 вне семантики упрёка	158 / 1	99,3%

Продолжение Таблицы

Формальное средство выражения упрека и пример реализации в языке	Данные по релевантным корпусам НКРЯ	N N вхождений / вне семантики упрека	Специфичность к упреку (%)
<u>вариант 1:</u> « <i>все</i> + <i>из-за</i> + личное местоимение (2 лицо)» « <i>Вот теперь покупай чашку! Меня теперь мать убьет, а все из-за тебя...</i> » [А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)]	Основной корпус: 98 вхождений / 5 вне семантики упрека Газетный корпус: 11 вхождений / 1 вне семантики упрека Поэтический корпус: 1 вхождение / 0 вне семантики упрека Устный корпус: 18 вхождений / 1 вне семантики упрека	128 / 7	94,5%
<u>вариант 2:</u> «я + <i>из-за</i> + личное местоимение (2 лицо)» « <i>Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду?</i> » [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]	Основной корпус: 234 вхождения / 12 вне семантики упрека Газетный корпус: 25 вхождений / 3 вне семантики упрека Поэтический корпус: 2 вхождения / 2 вне семантики упрека Устный корпус: 52 вхождения / 5 вне семантики упрека	313 / 22	92,9%
Всего конструкций с учетом вариантов: 34			